

СИДОРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Вопрос о распространении монотеистических религий среди населения Хазарского каганата практически не изучен. Скудные сообщения современников тенденциозны и повествуют о событиях лишь на Северном Кавказе, Нижнем Дону и Поволжье. Храмовых построек исследовано очень немного (не считая Крымского п-ова) (Магомедов М.Г., 1983, с.158-167, рис.63, 65), а характерные для монотеистических религий безы Inventарные могильники трудно поддаются этнической, хронологической и, нередко, конфессиональной идентификации.

Попытки подкрепить данные письменных свидетельств археологическими материалами обычно не приводили к положительным результатам. В этом отношении показательна ситуация с вопросом об обращении верхушки хазарского общества в иудейскую веру (Флёров В.С., 2000, с.229-234).

В частности, не лучше исследован вопрос о наличии на территории Хазарии значительного процента населения, исповедывавшего ислам. Письменные источники сообщают, что среди городского населения каганата было много мусульман (Якубовский А.Ю., 1948, с.255-270; Артамонов М.И., 1962, с.396, 406; Новосельцев А.П., 1990, с.120-122, 127, 153, 154, 196, 221; Быков А.А., 1974). Попытки археологов связать с мусульманским населением VIII-X вв. отдельные могильники на территории распространения салтово-маяцкой культуры (Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1979; Копыл А.Г., Шамрай А.В., Татаринов С.И., 1979; Михеев В.К., Копыл А.Г., 1989; Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990) выглядят неудачными.

Раскопки, проведенные в 1988 и 1989 г. на мусульманском кладбище городища у с.Маяки (Славянский р-н, Донецкой обл., на р.Северский Донец) (далее Царино городище), показали наличие в заполнении отдельных могил фрагментов кирпича и поливной керамики золотоордынского времени. В пользу поздней датировки объекта свидетельствовала и стратиграфия. Так, мусульманские могилы прорезали слой и комплексы, содержащие материалы салтовского периода жизни памятника. Отличался по своему состоянию и остеологический материал из мусульманских могил и погребений расположенного рядом языческого кладбища. Вышесказанное позволило отнести раскопанные в 1988-1989 гг. мусульманские погребения могильника Царино городища к золотоордынскому времени (Кравченко Э.Е., 1989; Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1990; Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., 1992; Швецов М.Л., Кравченко Э.Е., 1995). Последнее, впрочем, не означает, что на Царином городище не было мусульманских кладбищ более раннего периода. Напротив, есть объективные данные, свидетельствующие в пользу

наличия на этом памятнике мусульманского населения еще в хазарское время (Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998, с.139). Не исключено, что какая-то часть погребений, раскопанных С.И.Татариновым в 1976-1978 гг. на могильнике Царино городища, в самом деле относилась к раннему времени. Установить это мешает ряд факторов: сильная поврежденность территории, на которой располагаются могильники Царино городища, отсутствие детальной публикации всех материалов, обнаруженных во время раскопок, а также тот факт, что на Царином городище на одном участке находится несколько разновременных безы Inventарных могильников.

В 1994, 1996 - 1997 гг. производились раскопки мусульманского могильника у известного городища близ с.Сидорово Славянского р-на Донецкой обл., на р. Северский Донец (Ляпушкин И.И., 1958, с.151; Плетнева С.А., 1967, с.192; Список памятников археологии..., 1988, с.84) (далее могильник 1). Кладбище было отнесено к салтово-маяцкой культуре, основанием для чего послужило отсутствие случаев прямой стратиграфии, свидетельствующих бы о наличии на кладбище разновременных погребений, а также имеющимся среди рядов захоронений погребения 28 с салтовской кубышкой и могил, содержащих характерные гробовища - деревянные рамы без дна, идентичные рамам салтово-маяцкой культуры (Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998).

Немалую роль в датировке могильника сыграло и его расположение. Он примыкал к посаду памятника, с которого в течение 20 лет регулярно собирался материал, позволяющий датировать это поселение в рамках салтово-маяцкой культуры. К этому же времени относил указанный памятник В.К.Михеев, проводивший в 1971 г. исследования на прилегающем к посаду городище (Михеев В.К., 1985, с.18-20), указав, однако, на присутствие среди находок небольшого количества более позднего материала (Михеев В.К., 1971, с.14). Несколько фрагментов поливной керамики золотоордынского времени было найдено и авторами данной работы на распаханном поле в районе расположения раскопок В.К.Михеева (Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., 1998, с.5-7).

Тем не менее, доклад о могильнике 1 Сидоровского городища, прочитанный на VII Донской археологической конференции в г.Ростове-на-Дону (Кравченко Э.Е., 1998а, с.125-126), вызвал ряд возражений, которые, в целом, можно свести к нескольким позициям:

Могильник 1 содержит внушительный процент погребений (90%) (102 из 112 пригодных для статистической обработки захоронений), с четким соблюдением требований мусульманской погребальной обрядности.

Гробовища-рамы известны и на золотоордынских мусульманских кладбищах (в частности, в Азаке).

Памятник, к которому примыкает могильник, фактически не исследован.

Ответ на первые две позиции прост. В самом деле, исследования мусульманских могильников золотоордынского времени в Поволжье показали наличие на них значительного процента захоронений, имеющих отклонения (положение на спине вверх лицом, наличие инвентаря и т. д.) от основных требований мусульманского погребального канона. Даже на кладбищах крупнейших городов Золотой Орды численность таких погребений обычно превышала 30% от общего числа. Таблицы, приведенные в работах Л.Т.Яблонского (Яблонский Л.Т., 1975; 1987, с.130, 131; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987, с.153, 154; 151-158), показывают, что процент ортодоксальных погребений на мусульманских кладбищах Золотой Орды уменьшался по мере удаления от золотоордынских центров, что вполне объяснимо. Еще сильнее пережитки языческой погребальной обрядности проступают на кладбищах окраинных небольших населенных пунктов и в могилах кочевого населения, принявшего ислам (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с.182-183; Мамонтов В.И., 1992, с.17-49). Малый процент ортодоксальных захоронений наблюдается и на раннемусульманских кладбищах Волжской Болгарии (Казаков Е.П., 1978, с.71, 49-93; Халикова Е.А., 1976), особенно, если они находятся на окраинных территориях, вдали от крупных центров. На фоне этих данных появление в кон. IX – X в. на Северском Донце могильника со столь высоким процентом ортодоксальных погребений выглядит странным, если не учитывать факт, что в Волжской Болгарии и Золотой Орде ислам был государственной религией. Сидоровский могильник оставлен **оторванной от исламского мира общиной**. Среди членов общин, находящихся в чуждом, в плане вероисповедания, окружении, зачастую наблюдается очень строгое следование основным требованиям обрядности, в том числе и погребальной (евреи, казаки-некрасовцы и др.).

Деревянные рамы кладбища золотоордынского Азака не имеют ничего общего с рамами Сидоровского могильника 1. Сделанные из тонких досок, скрепленных между собой гвоздями (Волков И.В., 1989, с.9), они представляют облицовку деревом стенок могилы и по своим конструктивным особенностям стоят ближе к деревянным склепам, чем к гробовищам. В рамках Сидоровского могильника вплотную к стенкам ямы находятся лишь боковые доски (и то не во всех случаях). Торцевые, как правило, располо-

жены на расстоянии от стен, порой значительном (Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998, рис.5, 6, 8, 16). Все это сближает рамы Сидоровского могильника 1 с гробовищами-рамами кладбищ салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1981, с.71; 1998, с.255; Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976, с.281, 282, рис.2, 4, 5; Баранов И.А., 1990, с.121, 126, 127, рис.43, 1-2 и др.).

Что же касается третьего возражения, то степень изученности данного памятника была действительно недостаточной. До работ, проводимых на нем экспедициями Донецкого областного краеведческого музея (далее ДОКМ), исследования объекта ограничивались небольшими по объему раскопками 1971 г., в процессе которых шестью раскопами, расположенными на различных участках памятника, была вскрыта площадь около 200 кв. м. (Михеев В.К., 1985, с.19). В связи с этим в 2000 г. средневековая экспедиция ДОКМ объектом исследования избрала, собственно, городище.*

При исследовании Сидоровского городища в 2000 г. был обнаружен информативный археологический материал. Он, в сочетании с данными, полученными в результате многолетних осмотров объекта, сбора на нем подъемного материала, охранных раскопок 1998 г., позволяет получить определенное представление о данном памятнике. Целью настоящей работы является введение в научный оборот всего комплекса данных о Сидоровском городище, имеющихся в распоряжении авторов, позволяющих существенно расширить наши сведения об этом памятнике (накопленных в период времени от исследований городища 1971 г., проведенных В.К.Михеевым, до 2000 г.). Центральное место среди них принадлежит материалам раскопок, произведенных на объекте в 2000 г.

Исследования 2000 г. на Сидоровском городище

Работы 2000 г. были сосредоточены на примыкающей к селу северо-восточной части мыса Сидоровского городища (рис.1, 2), т.е. на том участке памятника, который, по мнению исследователей, имел укрепления (Михеев В.К., 1971; 1985, с.19). Здесь были заложены два раскопа, один из которых находился на жилой части (на плато) (раскоп 2, площадь 875 кв. м), а другой (раскоп 1, площадь 140 кв. м) – на краю склона, идущего с Малого Городища к Среднему Яру (рис.2). Этот яр, по мнению исследователей, отделял укрепленную часть памятника от селища (у местных жителей называется Большое Городище) (Михеев В.К., 1985, с.19). Кроме них, на западной оконечности городища, у линии внутренних укреплений, там, где

* Авторы, пользуясь случаем, благодарят: председателя филиала "Украина" агрофирмы "Шахтер" Чепигу А.В., эксперта-криминалиста НИЭКЦ УМВД Украины в Донецкой области при Славянском ГО Акулова А.В., инженера компьютерного обслуживания Славянского РО Ходьку Н.П., художника Мирошниченко В.В., без помощи которых нормальная работа экспедиции и подготовка к изданию данной статьи была бы невозможна.

В.К.Михеевым были обнаружены погребения могильника, был заложен небольшой раскоп общей площадью 35 кв. м (раскоп 3).

Раскоп 2. Комплекс сооружений гончарной мастерской

Особый интерес представляют объекты, вскрытые раскопом 2, разбитым на пахотном поле (в 100 м к юго-востоку от раскопа 1) (одно погребение, два гончарных горна, котлованы трех помещений и 19 хозяйственных ям) (рис.3). Обнаруженные здесь археологические комплексы составляют две большие группы, одна из которых сконцентрирована в западной (пом.4, хоз. ямы 4-6, 8, 12-14, 18), а другая – в восточной (пом.2, 3, горн 2, хоз. ямы 1-3, 7, 9, 10, 11, 15-17, 19, а также хоз. ямы 1, 3 и, возможно, 2, раскопанные в 1998 г.) частях раскопа. К западной части относятся и хозяйственные комплексы, вскрытые раскопом 1 (хоз. ямы 1-6). В пользу этого свидетельствует абсолютная идентичность керамического, в том числе амфорного, материала в заполнении сооружений обоих раскопов, наличие в них, наряду с однотипными причерноморскими амфорами, фрагментов кувшинов с плоскими ручками, отсутствие случаев прямой стратиграфии как среди объектов, вскрытых раскопом 1, так и среди объектов, вскрытых раскопом 2, а также наличие в хоз. яме 3 (раскоп 1) и пом.4 (раскоп 2) фрагментов одного сосуда (трехручного кувшина). Вышесказанное свидетельствует в пользу того, что обе группы объектов, раскопанных в 2000 г., представляли синхронные жилищно-хозяйственные комплексы. Функционировали они, скорее всего, непродолжительный промежуток времени, о чем говорит малая толщина культурных напластований (на участках, где они сохранились, слой с находками не превышал 20-30 см), небольшое количество комплексов и отсутствие случаев прямой стратиграфии. Восточная группа представляла жилые производственные и хозяйственные сооружения гончарной мастерской. Ремесленникам принадлежали, по-видимому, и объекты западной группы сооружений. В пользу последнего может свидетельствовать как факт находок железных шлаков почти во всех комплексах западной части раскопа 2, так и ситуационное расположение обоих комплексов, примыкающих к могильнику. Обычай размещать мастерские, а иногда и жилища ремесленников, связанных с “огненной профессией”, у кладбищ или на старых заброшенных кладбищах уходит своими корнями в глубокую древность. На отдельных территориях, в том числе и в непосредственной близости от рассматриваемой нами (на Харьковщине), он дожил до этнографической современности (Пошивайло О., 1993, с.47, 51-53). В свете вышесказанного, расположение вскрытых нами ремесленных комплексов именно на этом участке памятника, а также факт наличия в двух из трех раскопанных здесь жилищ следов обрядовых действий (описание дается ниже) вполне объясним.

Описание сооружений, вскрытых раскопом 2, представляется необходимым начать с его помещений.

Все они представляли собой небольшие полуземлянки бесстолпной конструкции, углубленные в грунт на 0,9 – 1,2 м.

Помещение 2 (рис.4). Котлован полуземлянки имел прямоугольную форму (4,7х3,5 м; глубина до 1 м) и был ориентирован длинной осью по линии С – Ю. Вдоль восточной и северной стен находился материковый уступ. Отопительное сооружение представлено овальным очагом в центральной части котлована, у северного и южного края которого имелись две столбовые ямки. Вход не сохранился, и место расположения его не ясно. В глинистом заполнении котлована было обнаружено небольшое количество находок, представленных, в основном, фрагментами причерноморских амфор и рифленых гончарных горшков. На дне был найден мелкий фрагмент стенки стеклянного сосуда.

Помещение 4 (рис.4). Располагалось в северо-западной части раскопа 2. Представляло собой полуземлянку прямоугольной формы (4х3,5 м; глубиной до 1,1 м от современной поверхности, далее – СП), ориентированную стенами по линии ССВ – ЮЮЗ. Вдоль восточной, западной и южной стенок котлована имеются возвышения. В помещении 4 было два очага: круглый (у восточной стенки) и квадратный в центральной части. Пристенный очаг был завален кусками мела, часть которых имела следы воздействия огня. О наличии печей-каменок в жилищах салтово-маяцкой культуры (как на территории лесостепи, так и в степной зоне) неоднократно сообщалось исследователями (Чернигова Н.В., 1998, с.52-58; Апареева Е.К., Красильников К.И., 2001, с.297-301). То есть подобного вида отопительные сооружения зафиксированы как к северу, так и к югу от участка, на котором располагается рассматриваемое нами поселение. Тем не менее, характер сохранившихся в пом.4 остатков, по нашему мнению, не дает возможности рассматривать пристенное отопительное сооружение этой постройки как печь-каменку. Скорее всего, зафиксированная нами конструкция являлась каменной выкладкой-ограждением пристенного очага, предохранявшей располагавшуюся рядом с ней деревянную стену от возгорания (Афанасьев Г.Е., 1987, с.60). Очаги с подобными конструкциями известны на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры (Винников А.З., 1984, с.115, табл.2, 3; Шрамко Б.А., 1962, с.69); там же известны постройки с двумя очагами, близкие описанной (Афанасьев Г.А., 1987, с.63). Интересным представляется факт, что единственное помещение, исследованное В.К.Михеевым на Сидоровском городище, в качестве отопительного сооружения имело “печь-каменку” (Михеев В.К., 1985, с.19-20, рис.4, 4).

Особый интерес представлял очаг в центральной части пом.4. Он имел квадратную форму. Здесь следует отметить, что, собственно, участок с сильно обожженной поверхностью был овальным; на остальной

части поверхности очага находился слой древесных углей, лежащий на слабо (до 1-2 см) прокаленном грунте. На отопительное сооружение была поставлена вверх дном нижняя часть груболепного пифоса, сверху придавленная меловыми камнями. На дне и стенках сосуда прослежен слой углисто-смолистой массы мощностью до 4-5 см (рис.4). Преднамеренность установки указанного предмета на очаг очевидна. Об этом свидетельствуют и его положение, и расположение непо потревоженных камней на дне сосуда. Создается впечатление, что в указанном разбитом сосуде что-то сожгли, а затем, перевернув, накрыли им центральную часть очага. Учитывая символику разбитого (Пошивайло О., 1993, с.40, 257, 307, 309), и перевернутого сосуда (Пошивайло О., 1993, с.283, 306), вылитого на очаг его содержимого (Пошивайло О., 1993, с.237), характер расположения данного комплекса в жилище (в центре помещения, на очаге), указанный объект можно отнести к разряду помещений со следами обрядовой деятельности, связанными с оставлением жилища. Следы подобных обрядов прослежены на поселениях эпохи бронзы (Горбов В.Н., Мимоход Р.А., 1999, с.25, 26).

Помещение 3 (рис.5) находилось в западной части раскопа и представляло собой жилую полуземлянку (глубина 110 см от СП), бывшую одновременно гончарной мастерской. Полуземлянка имела неправильную подпрямоугольную форму размером 4,8х3,4 м и была ориентирована сторонами по линии ССВ-ЮЮЗ. Вход, в виде узкого коридора (длина 2,4 м), примыкал к южному углу котлована. При входе находилась невысокая ступенька, справа от которой была столбовая ямка (d 20, глубина 30 см), единственная во всем котловане. На дне пом.3 обнаружены две неглубокие ямы. Одна (я.2) находилась в ЮЮЗ углу помещения. Она имела овальную форму (d 0,9-1 м) и была заполнена красноватой глинистой массой. Фиксировалась с уровня пола помещения, в который была углублена на 4-5 см. Вторая яма, находящаяся ближе к ССВ углу котлована, имела подовальную форму, размерами 0,9-1,2 м, была углублена в дно не более, чем на 5 см. Заполнение ее обычное, глинисто-гумусное, не отличалось от заполнения придонной части котлована. Отопительное сооружение – очаг неправильно-овальной формы с углубленной прямоугольной центральной частью – находилось ближе к центру котлована, почти напротив входа в помещение. Восточная стена котлована пом.3 имела подтреугольный выступ 2,8х1 м, который завершался горном 1. Вне сомнений, котлован пом.3 и горн 1 представляли собой единый комплекс. О последнем свидетельствуют одинаковый уровень дна котлована в восточной и других его частях, абсолютно идентичный характер заполнения восточной, южной и западной частей котлована, наличие на дне пом.3 и в заполнении горна 1 фрагментов одних и тех же сосудов.

Горн 1 (рис.6) имел почти круглую форму, диаметром до 1 м. Устье овальной топочной камеры горна (1х1,2 м) располагалось на уровне пола пом.3 и хо-

рошо фиксировалось благодаря прокаленности грунта до коричневатого-красного цвета. Топочная камера находилась ниже уровня пола пом.3 на 35 см и была вырезана в материковой глине вместе с сохранившейся частью свода. Перемычка между топочной и обжигательной камерами достигала толщины 15 см и была прокалена до ярко-красного цвета. Она имела семь продухов-люфтов (шесть по периметру и один в центре), диаметр которых достигал 6-8 см. Обжигательная камера сохранилась на высоту 40 см. Свод не сохранился. Стенки горна были прокалены до 10-12 см. В целом, горн 1 представляет собой тип гончарных горнов (двухъярусных, без опорного столба, вырубленных в материковом грунте), широко представленных на памятниках салтово-маяцкой культуры и смежных с ней территорий (Ляпушкин И.И., 1958, с.331-334; Красильников К.И., 1976, с.267-278; 1980, с.60-69; Афанасьев Г.Е., 1987, с.83-86; Колода В.В., Колода Т.А., 2000; Смиленко А.Т., 1988, с.73-78). Расположение горна, примыкающего к жилому помещению, встречается редко, но не является необычным для салтовских памятников. Так, подобный горн с остатками котлована мастерской был обнаружен А.Г.Николаенко на Ютановском селище (Афанасьев Г.Е., 1987, с.83-84). Показательно, что длина полуземлянки, к которой примыкала указанная обжигательная печь, была 4 м (т.е. идентична описанной нами). Известны жилые полуземлянки с пристроенными к ним гончарными горнами и на древнерусских памятниках более позднего времени (XII-XIII вв.) (Гончаров В.К., 1950, с.52, 53, 117).

Горн 2 (рис.7). Располагался к югу от пом.3 и горна 1. Его предпечная яма, имеющая мусорное заполнение, первоначально фиксировалась в полевой документации как хоз. яма 1. Она была круглой формы и в верхней части достигала диаметра 1,5 м. К низу яма колоколообразно расширялась. У дна ее диаметр составлял 2-2,1 м. Подтрапезиевидное устье топочной камеры находилось в северной части предпечной ямы горна. Топочная камера, вырубленная в материковом грунте, имела каплевидную, почти круглую, форму (до 1,3 м в диаметре). Стенки прокалены на 10-15 см. Она находилась немного ниже уровня предпечной ямы (на 10 см). К северной части дно топочной камеры несколько повышалось. Топочную и не сохранившуюся обжигательную камеру горна 2 разделяла мощная перемишка (до 50 см толщиной) с семью круглыми продухами-люфтами, из которых шесть находились по периметру, а один – в центральной части. Диаметр их достигал 6-9 см.

Особый интерес представляют **стратиграфические наблюдения** за комплексом сооружений гончарной мастерской. Так, предгорновая яма горна 2 имела двухслойное заполнение. В нижней части – это золисто-углистая линза с фрагментами сосудов, в том числе и необожженных (рис.21, б). Там же найдены два доньшка с клеймами (типа рис.34, 4), идентичными находкам из горна 1. Этот слой перекрывала стерильная глинистая линза мощностью 0,1-0,2 м, выше ко-

торой шла заполнение хоз. ямы, содержащее фрагменты тех же сосудов, что и на дне пом.3. Керамический брак (фрагменты необожженных сосудов), найденный в заполнении обоих горнов, представлен обломками горшков и маленьких горшочков с полосчатым рифлением, крышек, лощеных горшков с петлевидными ручками и кувшинов. Сопоставление фрагментов обожженной и необожженной посуды свидетельствует, что основная часть керамики раскопа является продукцией указанной мастерской.

Двухслойным было и заполнение пом.3. В придонной части шла тонкая прослойка с включениями углей, мелких костей животных и фрагментов керамики. Выше нее находилась стерильная глинистая линза мощностью 0,1-0,3 м – слой, образовавшийся после запустения помещения. На эту прослойку был положен погребенный подросток, после чего котлован засыпали мусором. Показательно, что среди найденного в заполнении котлована керамического материала, было обнаружено 5 доньшек от горшков с клеймами, идентичными обнаруженным в заполнении горнов и в близлежащих хозяйственных ямах. Всего в раскопе найдено 15 таких клейм (из 18, найденных нами на памятнике; рисунки двух клейм из подъемного материала см. на рис.44, 1, 3). Вероятно, этот тип являлся клеймом данной гончарной мастерской, три этапа функционирования которой представляют раскопанные в 2000 г. археологические комплексы.

Согласно стратиграфическим наблюдениям, на исследуемом участке первоначально функционировал горн 2. Через некоторое время рядом с ним построили помещение мастерской с горном 1, бывшее одновременно и жилой постройкой. Судя по расположению и наличию в заполнении идентичных клейм, оба горна относились к одной мастерской. Какое-то время они функционировали вместе, а затем горн 2 забросили, и его предпечная яма стала использоваться жителями пом.3 в качестве мусорной. Через некоторый период времени мастерская с горном 1 прекратила существование. В обвалившемся котловане помещения мастерской было произведено погребение, после чего он использовался как сбросная яма.

Погребение, произведенное в заброшенном котловане пом.3, представляет особый интерес. Скелет был уложен головой на СВВ в скорченном положении на левом боку с согнутыми в локтях руками (рис.5). Близкую позу (скорченно на правом боку с восточной ориентировкой) имело погребение в мастерской у с.Подгаевки, также произведенное после того, как она была оставлена (Красильников К.И., 1976, с.277, 278, рис.6). По нашему мнению, указанные погребения, совершенные в заброшенных гончарнях, имели обрядовое значение. В пользу последнего свидетельствуют как необычность мест, на которых они были произведены, так и отношение обоих помещений к ряду жилищ, хозяева которых были связаны с «огненной профессией» (Пошивайло О., 1993, с.51 – 53, 56, 57). После запустения пом.3 мастерская продолжала

работать. В пользу этого говорит факт наличия в заполнении котлована керамических клейм, идентичных обнаруженным в горнах и на дне постройки. Абсолютная близость форм и типов посуды, системы орнаментации обожженных и необожженных сосудов, найденных в горнах, на дне пом.3 и в заполняющей котлован заброшенной постройки свалке, свидетельствуют, что мусор выбрасывали из какого-то одного помещения, не попавшего в площадь раскопа. Функционирование этого помещения представляло собой еще один этап работы все той же гончарной мастерской.

Как писалось выше, комплекс гончарной мастерской, раскопанный на Сидоровском городище, представляет значительный интерес. Обнаруженные здесь горны по своей конструкции имеют близкие аналоги среди горнов салтово-маяцкой культуры как в степной (ст.Суворовская, с.Подгаевка), так и в лесостепной зонах (Роганинский комплекс, Ютановское селище, Столбище I и II). В степи горны близкой конструкции используются вплоть до кон.XIV в. (Перевозчиков В.И., 1990, с.117 – 124, рис.1, 2; Гудименко И.В., Перевозчиков В.И., 1993, с.161-163, рис.1; Галкин Л.Л., 1975), а в Средней Азии они доживают до этнографической современности (Екимова В.В., 1959, с.357-359). Интерес представляет факт, что комплекс одновременного сидоровской мастерской двора гончара, раскопанный А.Т.Смиленко в балке Канцерка (у с.Любимовка), также, как и сидоровский, состоял из двух жилищ, двух гончарных горнов и серии ям-хранилищ (Смиленко А.Т., 1969, с.167). Отличие заключалось в конструкции горнов Канцерки, имевших как и горны, обнаруженные в Саркеле, расположенный в топке сооружения столб, подпиравший свод. С.А.Плетнева считает, что указанная деталь конструкции горнов обусловлена ранним периодом их функционирования (до 30 гг. IX в.) (Плетнева С.А., 1996, с.78). Вне сомнений, горны Сидоровского городища относятся к более позднему времени. В целом, сидоровская гончарная мастерская является первым комплексом такого рода на территории Донецкой области и заполняет территориальную лауну между исследованными ранее лесостепными и степными памятниками, связанными с гончарным производством салтово-маяцкой культуры.

Примыкающие к постройкам раскопа 2 хоз. ямы можно разделить на несколько типов. Часть из них представлена небольшими ямами неправильной формы, конусообразного в поперечном разрезе сечения. Глубина их достигает 1-1,2 м. Заполнение таких ям, содержащее большое количество золы, угольков, мелких колотых костей животных, свидетельствует, что они использовались в качестве помойных. К их числу относятся хоз. ямы 2-4. Вторая группа представлена глубокими ямами (глубина достигает 2 м), зачастую имеющими колоколообразное расширение в придонной части. Заполнение в большинстве случаев глинистое или глинисто-гумусное. Иногда эти ямы содержат очень мало находок, иногда же в них попадаются содержащие материал золистые прослойки. По всей

видимости, указанные ямы являлись погребями – хранилищами, хотя вполне возможно, что часть их, особенно расположенные вблизи кладбища на склоне, могли служить колодцами для выборки глины, используемой гончарами для производственных нужд. Некоторые из таких ям в дальнейшем засыпались мусором. Так, в качестве помойной использовалась колоколообразная яма 17; так же использовалась предтопочная яма горна 2 (хоз. яма 1). В качестве свалки использовали и котлован гончарной мастерской (пом.3), после того, как постройка была заброшена.

Раскоп 1 был разбит на правом склоне Среднего Яра. При этом, южная часть его выходила на край плато Малого Городища, а северная – спускалась вниз по склону. Разбивка раскопа именно таким образом ставила своей целью проследить наличие и характер оборонительных линий, которые должны были находиться на данном участке. Вопреки ожиданиям, никаких фортификационных сооружений на площади раскопа обнаружено не было. Вдоль края плато был расчищен ряд хозяйственных ям (№№ 1-6). Одна из них (хоз. яма 3) содержала фрагменты сосудов, обнаруженных на дне котлована пом.4, располагавшегося в 80 м от нее на территории раскопа 2.

Отсутствие в раскопе 1 каких-либо оборонительных сооружений и наличие на площади раскопа 2 производственных комплексов свидетельствует в пользу того, что территория, на которой были разбиты раскопы, в черту укреплений не входила, а относилась к посадской части памятника. Об этом говорит и ряд других фактов:

1. Старая дорога, идущая по эскарпированному восточному склону холма, на котором расположено Малое Городище, заканчивается, не доходя до Среднего Яра. Эскарп прерывается на идущей с плато балке и более не фиксируется (фото.1; рис.1). Причем к северу от этой балки, на уровне эскарпа, были обнаружены остатки полуземлянки (пом.1) и две хозяйственные ямы (хоз. ямы 1э и 2э), что свидетельствует о заселенности этого участка (рис.2).

2. К западу от указанной балки, у кромки леса, В.К.Михеевым была найдена “траншея”, заполненная салтовской керамикой (Михеев В.К., 1985, с.20). Скорее всего, это были остатки от линии укреплений, защищавшей городище с севера. Фиксируется эта линия и в лесу, где она идет вдоль склона Среднего Яра и при выходе на распаханную часть памятника теряется. Собственно, в лесу сохранились остатки других фортификационных сооружений, не зафиксированных в 1971 г. Так, от внутренней линии укреплений отходит в Средний Яр вал, известный у местного населения под названием “Валок”. На дне Среднего Яра он исчезает (размыт), однако, на противоположном склоне хорошо фиксируется в виде двух рвов с расположенным между ними валом. Указанная линия поднимается вверх по склону, выходит на плато Большого Городища и далее визуально не прослеживается. Интерес представляют две древние дороги. Одна из них при косых лучах солнца хорошо видна на склоне

Сидоровского Яра, ограничивающего городище с юга. Дорога расположена на противоположном от городища склоне (северная экспозиция). Сначала она идет параллельно памятнику, а затем поворачивает в яр. Напротив этого места склон городища прорезан глубоким древним яром, один из склонов которого имеет подрезку, являющуюся по сути продолжением описанной выше дороги, врезанной в склон. Еще одна древняя дорога фиксируется к ЮЗ от памятника. Она огибает прилегающее к городищу урочище, носящее у местного населения название Макартет. Последнее представляет собой яр овальной формы, в центре которого имеется курганообразное возвышение с перемычкой, соединяющей его с одним из склонов, и далее дорога спускается вниз в Сидоровский Яр по направлению к склону городища. По свидетельству местных жителей, в прежние времена продолжение этой дороги фиксировалось на склоне. Нанесение на схему остатков рвов, валов, эскарпов, древних дорог показывает следующую картину расположения оборонительных сооружений на памятнике (рис.1). Приведенные в данной статье данные являются предварительными, и уточнение их требует масштабных дополнительных исследований. Тем не менее, даже нынешнее состояние наших знаний свидетельствует, что система оборонительных коммуникаций Сидоровского городища была намного сложнее, чем представлялось ранее (Михеев В.К., 1985).

На прилегающем к плато Малого Городища склоне Среднего Яра раскопом 1 были обнаружены погребения могильника (далее могильник 2).

О наличии кладбища на этом участке ранее известно не было. В 1971 г. В.К.Михеев определял местонахождение могильника памятника в пределах первой линии укреплений на западной оконечности городища (Михеев В.К., 1985, с.20). По нашему мнению, вскрытые им в 1971 г. погребения не являются стационарным кладбищем, а представляют небольшую группу могил, произведенную в пределах жилой черты памятника в связи с какими-то экстремальными условиями, например, во время осады. В пользу этого свидетельствуют относительно небольшая глубина большинства погребений, малое количество могил, вскрытых в пределах довольно большого раскопа, а также факт, что в небольшом раскопе 3, прирезанном к раскопу 1 в 1971 г., не было обнаружено ни одного погребения. Подобные могильники, находящиеся на территории городищ, внутри (и вблизи) линии укреплений, известны на средневековых, в частности, древнерусских памятниках (Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966, с.67-68). Кладбища, где хоронили в мирное время, вероятно, располагались на прилегающих к плато памятника участках, непригодных для жизни (склонах балок), которых на этой территории было более чем достаточно. Именно в таких местах и находились могильники 1 и 2.

Информация о наличии на склоне древнего кладбища поступила от местных жителей. В 80 гг. XX в. здесь проложили грунтовую дорогу, которая южной

частью прорезала правый склон яра. Во время земляных работ были обнаружены человеческие кости. Находили их и в дальнейшем при выборке глины для хозяйственных нужд. В 1989 г. В.К.Грибом (в то время научным сотрудником ДонГУ) и одним из авторов – В.В.Давыденко на обнажениях у южного края полотна дороги были расчищены несколько погребений (погр.9-11). Две могилы были разрушены во время хозяйственных работ в 50 м к СЗ от указанного участка. Весной 1998 г. в 200 м к В от описанной дороги тальми водами было вымыто еще одно погребение, которое из-за дальности расположения скорее всего не имело отношения к указанному могильнику. Как видим, в свете имеющихся данных, выяснить общую площадь могильника 2 проблематично. Вне всяких сомнений, он не имел ничего общего с обнаруженными В.К.Михеевым в 1971 г. погребениями. Кладбище занимало лишь часть склона Среднего Яра. Промоины на склоне и другие обнажения грунта свидетельствуют, что северная граница могильника проходила близ дна яра, который в древности, скорее всего, был обводнен. Северо-западную границу, вероятно, определяет местонахождение двух разрушенных погребений. Насколько далеко простиралось кладбище на восток неясно. В целом, наиболее вероятно, могильник 2 занимал мысообразный выступ склона правого берега Среднего Яра, не выходя при этом на плато, где находилась жилая часть памятника. Судя по всему, погребения были и на противоположном (северном) склоне, где местные жители во время земляных работ неоднократно находили человеческие кости. Вышесказанное свидетельствует, что локализация кладбищ Сидоровского городища, как и выяснение точных их размеров, требует дополнительных исследований. До проведения их можно сказать, что могильник 2, по-видимому, занимал значительную площадь и был не меньше могильника 1 (предполагаемые границы предлагаются на рис.2).

Раскоп 1

Раскоп 1 2000 г. (рис.8) был разбит так, что его северная часть примыкала к южному краю дороги. Это позволило объединить в площади одного раскопа участки, на которых находились ранее вскрытые и вновь найденные могилы, и проследить характер расположения и плотность погребений на данной части кладбища. Стратиграфическая ситуация на раскопе 1 была следующая: практически по всей его площади сверху находился слой дерна, мощностью до 15 см, нарушенный лишь вблизи дороги. Ниже дернового слоя в западной и южной частях раскопа находился слой намыва (гумуса с включением мелких линз глины). Он содержал небольшое количество мелких фрагментов керамики салтово-маяцкой культуры и измельченных костей животных. Мощность этого слоя не превышает 30 см. Он непосредственно переходит в глинистый материк, с которым имеет четко выраженную границу. Ближе к северному краю раскопа ситуация меня-

ется. На уровне квадратов ГД-13 и далее глинистые включения исчезают, слой намыва сменяется слоем гумуса. Здесь резкой границы между верхними слоями (дерн 10 – 15 см и гумус до 30 см) и материком нет. С уровня 40 – 45 см слой гумуса постепенно светлеет, плавно переходя в глинистый материк (уровень – 60-70 см от СП). Указанные отличия, нам представляется, обусловлены проводившейся на краю плато в перв. пол. XX в. срезкой грунта или просто связаны со смывом гумусного слоя в верхней части склона.

Как указывалось выше, в раскопе 1 были обнаружены погребения могильника 2 и хозяйственные комплексы, относящиеся к жилой части памятника. Последние представлены хозяйственными ямами 1-6.

Хозяйственные комплексы раскопа 1

Хозяйственная яма 1 имела неправильную форму и мешаное глинисто-гумусное заполнение. Эта довольно глубокая яма (-130 см от СП) практически не содержала археологического материала. Находки из нее представлены небольшим количеством мелких костей животных и измельченных фрагментов керамики салтово-маяцкой культуры. Яма фиксировалась на бровке раскопа с уровня -30 см от СП.

Мало материала содержала и хозяйственная яма 2. Ее сохранившаяся часть имела круглую форму и колоколовидное расширение у дна. В глинистом заполнении на разных уровнях находилось небольшое количество фрагментов керамики, основная часть которых представлена фрагментами лепного горшка с рифленным корпусом, орнаментированного по срезу венчика оттисками косо поставленного гребенчатого штампа (рис.12, 1). Тесто сосуда содержало примесь шамота. На дне ямы (-130 см от СП) имелся тонкий слой древесных угольков.

Хозяйственная яма 3 находилась к ЮЮЗ от хозяй. ямы 2. Уровень ее впуска (нижняя часть слоя намыва) прослеживается на бровке благодаря характерному заполнению (осветленный глиной гумус с линзами глины, насыщенный угольками, фрагментами керамики, колотыми костями животных). На дне (-115 см от СП) два пятна древесных углей. В заполнении ямы были обнаружены фрагменты гончарных рифленных горшков, один из которых имел на дне рельефное клеймо (рис.12, 4), аналогичное клеймам Роганинского комплекса, относящимся ко 2-й пол. IX – X в. (Колода В.В., Колода Т.А., 2000), и амфор (типа рис.24, 1; 25, 2). Одна амфора имела следы вторичного использования. У нее было отбито горлышко и ручки, затем на месте излома заглажена поверхность, а на месте ручек просверлены отверстия для веревки-дужки (рис.25, 1). Таким образом, предмет можно было использовать в качестве ведра. Подобный способ вторичного использования амфор зафиксирован С.А.Плетневой на Таманском городище (Плетнева С.А., 1963, с.52). Значительная часть содержимого ямы представлена фрагментами разнотипных кувшинов. Один из них – небольшой узкогорлый кувшин с носиком-сливом,

украшенный пролощенными стреловидными фигурами (рис.17, 7). Серия обломков принадлежала двуручному кувшину, украшенному пролощенным орнаментом (рис.15, 1). Тесто сосуда имеет сильную примесь песка. Особый интерес представляет наличие в комплексе фрагментов крупного трехручного кувшина (рис.14, 1), по форме, размерам и орнаментации близкого кувшину из наземной постройки IV Карнауховского поселения (Ляпушкин И.И., 1958, с.283, рис.26). Основная часть обломков этого сосуда лежала на дне котлована помещения 4. Среди предметов в заполнении ямы на уровне -60 см найдена голубая пастовая бусина с белыми глазками, близкая находкам с памятников салтово-маяцкой культуры (рис.36, 4) (Пьянков А.В., 1990, с.162, рис.51, 31; Семенов-Зусер С.А., 1952, рис.4 и др.).

Хозяйственная яма 4 (рис.8, 2) имела круглую форму и глинистое заполнение. Фиксировалась она прямо из-под гумусного слоя. В заполнении найдено небольшое количество вещественного материала, представленного измельченными костями животных и фрагментами горшков.

Хозяйственная яма 5 имела почти круглую, а в нижней части овальную форму. Глинистое заполнение ямы фиксировалось из-под слоя гумуса. Небольшое количество находок представлено мелкими фрагментами керамики и колотыми костями животных.

Иной характер заполнения имела хозяйственная яма 6. Она имела вытянутоовальную форму и слегка сужалась ко дну. Вдоль СВ края ямы находились две неширокие ступеньки (рис.8, 3). На бровках яма фиксировалась по заполнению, содержащему большое количество золы, угольков, колотых костей животных, фрагментов керамических сосудов. Последние представлены обломками тарной керамики (амфоры, кувшины с плоскими ручками) (рис.23, 5), кухонной посуды (горшки с рифленным корпусом). Кроме них, в заполнении обнаружено небольшое количество фрагментов кувшинов и кубышек с лощеной поверхностью (один кувшин имеет не совсем обычную форму) (рис.42, 6), а также маленький лепной горшочек баночной формы (рис.11, 6). Подобные сосудики и их фрагменты были найдены в заполнении хоз. ямы 2э, расширенной на склоне городища (рис.11, 1), в хоз. ямах 7 и 11 раскопа 2 (рис.11, 3, 2) и в заполнении пом.3 этого же раскопа (рис.11, 4, 5).

Около крайней северной ступеньки ямы расположено погребение 4. На этом погребении обрывается ряд могил, идущих вдоль верхнего склона края яры (рис.8, 1).

Могильник 2

Погребение 1 (рис.10, 3). Произведено в яме подпрямоугольной формы, вытянутой длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ. Яма имела узкую глубокую камеру и заплечики вдоль длинных сторон. О наличии деревянного перекрытия свидетельствуют остатки древе-

сины в ее заполнении. Верхняя часть скелета уничтожена срезкой, тем не менее, положение восстанавливается. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал с разворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. Кости кистей находятся у головки бедренной кости правой ноги. Ноги вытянуты, лежат параллельно друг другу. Инвентаря нет.

Погребение 2 (рис.9, 1). Произведено в яме с заплечиками вдоль длинных сторон и южной стенки. Прямоугольная яма ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Могила имела продольное деревянное перекрытие, которое фиксируется по остаткам досок в заполнении погребальной камеры. Судя по остаткам погребения, уничтоженного срезкой, скелет взрослого человека лежал с разворотом на правый бок. Судя по сохранившимся костям, возможно, правая рука была вытянута вдоль туловища, левая, вероятно, была согнута в локте под прямым углом. Кости кистей лежат вместе. Инвентаря нет.

Погребение 3 (рис.9, 3). Произведено в подпрямоугольной яме с заплечиками вдоль длинных сторон, ориентированной по линии ССЗ-ЮЮВ. Скелет лежал на правом боку, черепом опирался на специально оставленный материковый уступ. Правая нога слегка согнута в коленном суставе, ее берцовые кости пересекают берцовые кости левой ноги. Руки вытянуты вдоль туловища (правая под костями скелета, левая над ними). Безынвентарно.

Погребение 4 (рис.9, 2). Произведено в узкой яме с заплечиками вдоль длинных стен, ориентированной длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Скелет взрослого человека лежал в камере вытянуто на спине. Голова погребенного находилась на материковом уступе. Вдоль СВ стенки шел небольшой подбой, в котором находились кости левого плеча погребенного. Череп лежал на правом боку, лицевой частью на З. Руки вытянуты вдоль туловища, кости левой лежали под костями таза. Инвентаря нет.

Погребение 5 (рис.9, 5). Детское. Из-за малой глубины заплечики могилы не прослежены. Камера имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью на ССЗ. Судя по сохранившимся костям, грудной ребенок был уложен на правый бок со слегка согнутыми в коленных суставах ногами. Инвентаря нет.

Погребение 6 (рис.9, 4). Детское. Из-за малой глубины зафиксирована только погребальная камера, сильно поврежденная кротовинами. Скелет полностью растащен грызунами. Ясно, что череп лежал в СЗ части могилы. Инвентаря нет.

Погребение 7 (рис.10, 2). Произведено в яме с заплечиками вдоль длинных сторон, ориентированной длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ. В камере сохранились остатки от плашек поперечного перекрытия. Скелет лежал на правом боку. Череп находился на материковом уступе. Левая рука согнута в локте под острым углом. Кости кисти лежат на грудной клетке. Правая согнута в локте под тупым углом, кистью – у ЮЗ

стенки. Кости ног и таза лежали на правом боку. Обе ноги были согнуты под тупым углом в коленных суставах. Между СВ стенкой и коленями находились ключица и шейные позвонки погребенного, вынесенные туда грызунами. Безынвентарно.

Погребение 8 (рис.10, 1). Произведено в яме подпрямоугольной формы, с заплечиками вдоль длинных сторон и элементами подбоя вдоль северной стены. Яма имела продольное деревянное перекрытие. Скелет лежал на правом боку с завалом на живот. Руки, вероятно, первоначально были вытянуты вдоль туловища и лежали вместе. Левая нога вытянута, бедренной костью пересекает правую, которая согнута в коленном суставе. Череп расположен на материковом уступе. Безынвентарно.

Погребение 9. Произведено в яме с заплечиками. Северо-западная часть могилы и часть скелета погребенного (череп и плечевые кости рук) уничтожена срезкой. По сохранившимся костям поза погребенного восстанавливается полностью. Скелет лежал с разворотом на правый бок. Кости рук и ног вытянуты вдоль туловища. Могила имела перекрытие из поперечных деревянных плашек, уложенных на заплечики. Остатки его зафиксированы на заплечиках и в заполнении погребальной камеры.

От ям погребений 10 и 11 сохранились нижние части камер, в которых находились кости ног. Судя по их положению, скелеты были уложены на правый бок либо с полуразворотом вправо.

Погребальный обряд могильника 2 ярко свидетельствует о конфессиональной принадлежности населения, которое его оставило. Захоронения здесь, как и на ранее исследовавшемся могильнике 1, произведены по мусульманскому канону (Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю., 1997; Яблонский Л.Т., 1975; Халикова Е.А., 1976). В целом, эти два кладбища имеют настолько много сходства, что можно с уверенностью говорить об их одновременности. Они примыкают к посаду памятника. Единственной формой погребального сооружения на обоих могильниках является яма с заплечиками. Абсолютно идентичны типы перекрытия могильных ям. Почти во всех (если не во всех) погребальных камерах, в западной части оставлены материковые уступы, на которые опиралась голова погребенного, ряд могил имеет элементы подбоя в коротких и длинных стенках.

Есть и отличия. Так, здесь не зафиксирован один из видов перекрытия камеры погребения: на заплечики положены две поперечные лаги, на которых лежат продольные доски. Не встречено на могильнике 2 и шатровое перекрытие могильной ямы. Впрочем, и на могильнике 1 подобный тип перекрытия зафиксирован лишь в одном из 144 раскопанных погребений (погр.53) (Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998, с.123, 125, рис.10). Не обнаружены и гробовищарама. Последнее может объясняться как плохой сохранностью древесины в глинистых почвах на могильнике 2, так и тем, что таких гробовищ на сидо-

ровских кладбищах было немного. Так, на раскопанной части могильника 1 их обнаружено всего пять. Более сильное отклонение к северу, наблюдающееся у всех погребений могильника 2, объясняется ориентировкой склона яра, на котором расположено кладбище.

Наблюдения за уровнем впуска описанных комплексов показали, что все ямы впущены либо с уровня предматерика (на тех участках, где он не уничтожен срезками грунта или эрозийными процессами), либо из нижней части слоя намыва (южная часть раскопа). Собственно, все они прослежены почти на одинаковом уровне от СП. Так, хоз. яма 1 прослежена с уровня 30-35 см; яма 2 – 35 см; яма 3 около 40 см; яма 4 – 35-40 см; яма 5 – 40 см; яма 6 – 40 см. С этого же уровня фиксируются и ямы погребений, уровень впуска которых удалось проследить. Так, ямы погребений 7 и 8, находящиеся на непо потревоженной срезками части раскопа, прошли через бровку квадратов ЕЖ-18. На ней переход гумусного слоя в предматерик везде был плавным, за исключением участков, на которых располагались могильные ямы. Здесь граница фиксировалась четко за счет более светлого глинистого заполнения могил. Причем, в обоих случаях характер заполнения был одинаков: нижняя часть могильной ямы была засыпана гумусом, верхняя – глиной. Обращает внимание, что и в других могилах на уровне материка заполнение ям фиксировалось очень плохо, зато несколько ниже их контуры хорошо читались в связи с тем, что нижняя часть ям имела гумусную засыпку. Подобное могло происходить, когда при выкапывании могилы гумус и глину складывали отдельно. Причем, при засыпке могилы, в нее вначале бросали гумус, а затем глину. Это могло преследовать две цели: оставление над могильной ямой небольшого глинистого бугорка, а также помещение всей земли, которая была вынута из могильной ямы, обратно в могилу (Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю., 1997, с.87).

В целом, стратиграфические наблюдения говорят о близкой датировке хозяйственных и погребальных комплексов раскопа 1. В пользу этого свидетельствуют и наблюдения за планировкой могильника, а также взаимным расположением погребальных и хозяйственных комплексов раскопа. Так, попавшие в раскоп 1 погребения могильника 2 расположены двумя рядами, вытянутыми вдоль склона яра. Особо интересны могилы верхнего ряда, в который входят погребения 6, 7 и 4. Последнее непосредственно граничит с хоз. ямой 6, при этом не пересекая ее. Судя по конфигурации ямы и характеру ее заполнения, первоначально это было сооружение типа погреба, который затем использовали как помойную яму. В качестве сбросных использовались и хоз. ямы 3, 4 и, возможно, 5. Погребение покойника на свалке свидетельствовало о неуважении к нему и давало право даже на вскрытие могилы в целях перенесения останков на другое место (Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю., 1987, с.99, положение 643/5). В свете этого не удивительно, что у этого участка верхний ряд могил обрывается.

Погребение 4 является крайней могилой верхнего ряда. Подобное могло произойти лишь в том случае, если в момент произведения захоронений хозяйственные ямы были видны на поверхности. При этом необходимо добавить, что обнаруженные на территории раскопа окопы времени Великой Отечественной войны визуально не фиксировались.

Таким образом, наблюдения за бровками раскопа, отсутствие случаев прямой стратиграфии между комплексами погребальными, комплексами погребальными и хозяйственными; характерная ситуация, когда ряд погребений подходит вплотную к хозяйственным комплексам и обрывается на них, позволяет прийти к выводу, что могилы и хозяйственные ямы, вскрытые раскопом 1, либо одновременны, либо имели между собой незначительный хронологический разрыв (не более 1-2 десятилетий). Соответственно, датировка погребений и хозяйственных комплексов раскопа 1 определяется по вещевому материалу, обнаруженному в его хозяйственных ямах, а также в одновременных описываемым комплексах раскопа 2.

Анализ материалов памятника

Керамика

Проводить детальную классификацию керамики памятника в данной статье представляется нецелесообразным как в связи с тем, что для освещения указанной темы необходима отдельная большая работа, так и в связи с относительно небольшим количеством материала, которым располагают авторы.

Основная часть находок из раскопов 2000 г. представлена гончарной и лепной керамикой. Последняя немногочисленна. В основном, это – вотивные сосудики и их фрагменты (рис.11). Кроме них, встречены фрагменты лепных котлов (рис.19, 2), горшков (пом.3, хоз. яма 2 раскопа 1 – далее р.1; верхний слой р.3) (рис.12, 1, 3, 5; 15, 3, 7), груболепных жаровень и пифосов (рис.20, 6).

Среди гончарной керамики выделяется несколько групп: столовая, кухонная, тарная. Единичными находками представлены двуручные (хоз. яма 3 р.1, пом.4; хоз. яма 2э; хоз. яма 9 р.2) (рис.15, 1, 2; 20, 5), трехручные кувшины (хоз. яма 3 р.1, пом.4, хоз. яма 1 р.2; котлован под фундамент продовольственного магазина, вырытый в 2000 г. на северной окраине памятника) (рис.14, 1; 18, 1) и корчаги (хоз. яма 2 1998 г., пом.3) (рис.14, 5, 3; 15, 6; 19, 1), имеющие многочисленные параллели среди керамики салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1959, с.214-218; 1989, с.138-139, рис.79; Ляпушкин И.И., 1958; Florov V.S., 1990, Taf.3, 5, 10).

Столовая керамика очень многочисленна и, в основном, представлена обломками кувшинов, кубышек, горшков с петлеобразными ручками и мисок. В большинстве случаев, форма и орнаментация этих сосудов обычны для керамических комплексов салтово-

маяцкой культуры (рис.16;17; 21, 1-4; 22,2) (Плетнева С.А., 1989, рис.68-76; Михеев В.К., 1985, рис.13, 15 и др.), однако, есть и редко встречающиеся типы (рис.42, 6). Известный на других памятниках салтово-маяцкой культуры обычай клеймить днища сосудов (Флёров В.С., 1979, с.94-102), по-видимому, не был характерен для сидоровской столовой керамики. Среди большого количества фрагментов не встречено ни одного клейменного донышка. Ручки, обычно, украшались поперечными (рис.16, 2, 4), иногда зигзагообразными (рис.21, 3) пролощенными линиями, хотя встречаются экземпляры с продольным лощением. Некоторые ручки имеют архаическую деталь: уплощенные круглые налепы у места крепления к горлышку (рис.21, 2; 6, 3), идентичные таким же украшениям на сарматской, раннесредневековой северокавказской, а также раннеболгарской керамике Среднего Поволжья (Шепко Л.Г., 1987, с.171, рис.2, 2; Виноградов В.Б., Мамаев Л.М., 1979, с.62; Семькин Ю.А., 1996, с.69, рис.4, 1). На абсолютном большинстве сосудов орнаментация нанесена пролощенными линиями, и лишь небольшая часть кувшинов имеет сочетание прочерченного орнамента с лощением (рис.15, 2). Большинство кувшинов представляют собой широкодонные сосуды с плавным переходом от корпуса к дну (реже встречается четко выраженное ребро) (рис.17, 7). Невысокое, широкое горло, обычно, имеется носик-слив.

Полностью реконструирующихся экземпляров кубышек известны единицы. Одна из них, обнаруженная в погр.28 могильника 1, была украшена пролощенными вертикальными линиями на корпусе (Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998, рис.21, 1). Фрагменты кубышек встречены в заполнении пом.3. Украшены они, в основном, пролощенным сетчатым орнаментом, покрывающим центральную часть корпуса (рис.16, 6).

Горшки с петлевидными ручками орнаментированы в центральной части корпуса вертикальными пролощенными линиями (рис.22, 2). Их фрагменты встречаются как в заполнении пом.3 р.2, так и в заполнении горна 2 (последние есть как в обожженном, так и в необожженном виде). Описанные сосуды имеют многочисленные аналоги на соседнем Царином городище у с.Маяки Славянского р-на Донецкой обл. (Михеев В.К., 1985, рис.15), в материалах Верхнесалтовского могильника (Семенов-Зусер С.А., 1952, рис.3, 1; Ляпушкин И.И., 1958, рис.9, 6), в Дмитриевском комплексе (Плетнева С.А., 1989) и других памятниках салтово-маяцкой культуры.

Среди происходящей из подъемного материала памятника керамики есть один предмет, по-видимому, относящийся к более позднему времени. Это – ручка от котлообразного сосуда, отдаленно напоминающая ручки котлов из золотоордынских слоев населенных пунктов Волжской Болгарии (XIX группа керамики) (Хлебникова Т.А., 1988, с.38-39, рис.23, 24). Окатанный предмет имеет черную поверхность, которая, скорее всего, когда-то имела лощение (рис.44, 4).

Кухонная керамика представлена, в основном, обломками горшков и крышек. Последних найдено, впрочем, всего два экземпляра (рис.19, 3, 4). По своему виду они близки крышкам Волжской Болгарии, генезис которых Т.А.Хлебникова связывает с поздней керамикой салтово-маяцкой культуры (Хлебникова Т.А., 1984, с.98, 152, рис.28, 64). Длинные ручки от таких крышек ранее встречались в подъемном материале на городище (хранятся в фондах Славяногорско-историко-архитектурного заповедника в г.Славяногорске Донецкой обл.) и в верхнем слое р.3 (рис.42, 3). Необоженные ручки, одна из которых имеет проложенный орнамент в виде вертикальных полос, найдены в заполнении горна 2 (рис.21, 6).

Гончарные кухонные горшки разнообразны и отличаются друг от друга по размерам, профилировке и составу теста. В качестве примесей в их тесте встречается мелкий и редко крупный песок. Выделяется группа фрагментов горшков, в тесте которых в качестве отошающей добавки идет примесь кусочков мела, которым изобилуют окрестности городища. Какой-либо корреляции между формой, размерами и орнаментацией сосудов с различными примесями как будто не наблюдается.

Орнамент горшков достаточно стабилен: полосчатое рифление по корпусу, иногда зональное (рис.23, 1; 32, 1; 33, 2; 29, 1). Изредка на венчике встречаются волнистые линии или косые оттиски гребенчатого штампа (рис.28, 4; 30, 5; 31, 4). Зачастую наряду с рифлением, плечики сосуда украшены многорядной волнистой линией. Один из сосудов (хоз. яма 2 1998 г.) (рис.15, 3) по своему тесту (с примесью крупного песка), профилировке и характерной орнаментации находит аналогии среди горшков, происходящих с кочевий и зимовников Приазовья и Донецкого края. Обращает внимание не совсем обычная профилировка и орнаментация фрагмента горшка, обнаруженного в хоз. яме 10 р.2 (рис.32, 8). Тесто указанного сосуда (черного цвета, с прекрасным обжигом, плотное, с примесью мелкозернистого песка) немного напоминает древнерусскую керамику X-XI вв. Характерной представляется тройная полоса многорядной "волны" на плечиках сосуда. Подобную систему орнаментации (когда на горшок наносилась волнистая линия как бы спирально, путем постепенного опускания прижатого к тулову сосуда штампа во время прокручивания круга 2-3 раза) можно увидеть на одновременных описываемому древнерусских сосудах (Блифельд Д.И., 1952, табл. I, 1). У ряда горшков волнистые или дугообразные линии нанесены поверх линейной орнаментации. Обращают на себя внимание фрагменты нескольких горшков со сглаженной "растянутой" волнистой линией на плечиках (рис.32, 6). Подобная "волна" имеется на сосуде из Прикубанья (Тарабанов В.А., 1997, с.77, рис.2, 9). Среди комплекса горшков с Сидоровского городища выделяется небольшая (до 10 фрагментов от разных сосудов) группа, украшенная, наряду со сплошным рифлением по корпусу, расположенным на плечиках поясом косых оттисков гребенчатого

штампа (рис.29, 10; 30, 6). Обычно, это – горшочки малого или среднего размера (диаметр наибольшего расширения 10-15 см). В заполнении горна 2 имеется необоженный фрагмент такого сосуда, что говорит об изготовлении их на месте.

По системе орнаментации, профилю венчика выделяется фрагмент тонкостенного маленького горшочка, сделанного из теста с примесью мелкого песка (рис.27, 1). Цвет сосуда желтый; прокол стенок сквозной.

Некоторые горшки имеют на плечиках и шейке дугообразные черточки, напоминающие "запяты" древнерусской керамики (рис.28, 5; 33, 5; 23, 1). Нерегулярность их свидетельствует, что в данном случае они вряд ли имели орнаментальную функцию, а, скорее всего, образовывались во время проверки ровности стенок горшка, его центровки относительно круга.

Обращает внимание факт наличия в отдельных комплексах (пом.3, хоз. яма 4 р.2, хоз. яма 17 р.2) фрагментов хорошо обожженных тонкостенных гончарных горшков с примесью мелкого песка в тесте. По характеру теста они напоминают керамику Древней Руси и отдельных салтовских памятников Крыма. В котловане пом.3 вместе с прочей керамикой обнаружен фрагмент венчика такого сосуда (рис.23, 2), по профилировке находящий близкие формы среди поздней керамики Таманского городища (Плетнева С.А., 1963, рис.15).

Отличия в профилировке горшков обусловлены более или менее сильным отгибом края венчика, способом оформления последнего (так, у некоторых сосудов наблюдается тенденция к загибу края венчика внутрь) (рис.14, 2, 4; 30, 5; 28, 2, 3), наличием или отсутствием шейки, более или менее крутыми плечиками, а также различными пропорциями высоты и ширины. Полностью реконструируемых сосудов мало, однако, имеющиеся экземпляры свидетельствуют, что в комплексе преобладали сосуды приземистых очертаний (рис.12, 2, 4; 33, 9; 31, 4; 30, 4; 22, 1). Среди мелких горшочков есть группа сосудиков шарообразной формы со слегка отогнутым наружу толстым прямым венчиком и широким дном. Орнаментированы они полосчатым рифлением, иногда в сочетании с волнистой линией или поясом косо поставленных наколов гребенчатого штампа на плечиках (рис.30, 4, 5, 7, 9). Фрагменты их встречены как в обожженном, так и в необоженном виде в ряде комплексов р.2. Очень близкий по форме и характеру орнаментации сосуд был обнаружен в погр.5 могильника на юго-восточной окраине Фанагорийского городища. От описанных горшков с Сидорова он отличается лишь несколько большими размерами и наличием в тесте толченой раковины. А.Г.Атавин относит его к VIII-IX вв., указывая на принадлежность данного сосуда к "южному варианту болгарской кухонной посуды" (Атавин А.Г., 1986, с.262, рис.2, 2).

Один пережженный фрагмент (керамический брак из заполнения хоз. ямы 9 р.2) имеет ручку, которая крепилась под венчиком (рис.30, 10).

В целом, кухонная керамика раскопов 1 и 2 Сидоровского городища находит ближайшие параллели в керамических комплексах Тамани (Плетнева С.А., 1963, с.20-24, рис.11, 12) и Саркела – Белой Вежи (Плетнева С.А., 1959, рис.9), т.е. памятников позднего периода салтово-маяцкой культуры. Близкие формы имеются и на территории нынешней Луганщины (Красильников К.И., 1976, рис.3; Красильников К.И., 1999, мал.6, 7, 8). Их К.И.Красильников относит к нижнедонским материалам (Красильников К.И., 1999, с.177).

Для датировки особый интерес представляет тарная керамика памятника – фрагменты амфор и красноглиняных кувшинов с плоскими ручками. Кроме них, найдены обломки небольшого кувшинчика с ойнохоевидным устьем (рис.15, 5). Последний имеет сходство с сосудами памятников Восточного Крыма.

Кувшины встречены во многих комплексах как раскопа 1 (верхний слой, хоз. яма 6), так и р.2 (верхний слой, пом.3, хоз. ямы 1, 4, 12). В последних двух хоз. ямах содержались фрагменты одного сосуда. Кроме этого, фрагменты кувшина были найдены в заполнении расположенной у раскопа 2 хоз. ямы 2, которая была исследована нами в 1998 г. (Кравченко Э.Е., 1998 г.). В целом же, в сидоровском комплексе количество фрагментов их очень незначительно и не идет ни в какое сравнение с числом находок на таких памятниках как Саркел (34%) (Плетнева С.А., 1959, с.249), Таманское городище (50%) (Плетнева С.А., 1963, с.52) или Херсон (Романчук А.Н., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1993; Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999, с.318-319). Судя по количеству находок, роль их на данном памятнике была очень скромной по отношению к широко представленным на Сидоровском городище амфорам. Впрочем, на соседних городищах (за исключением Царина у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл., где найдено незначительное количество фрагментов данного вида посуды) их обломки вообще отсутствуют.

Все фрагменты кувшинов с плоскими ручками, встреченные в исследованных комплексах на Сидоровском городище, относятся к одному типу. Это тонкостенные сосуды с относительно невысоким горлом (высота до 10 см) и венчиком диаметром до 9-10,5 см. У края венчик имеет подтреугольный или овальный валик (рис.23, 5, 6; 22,-5; 21, 5). Широкие ручки, прямоугольные или сегментовидные в поперечном сечении, достигают ширины 4,5-5 см. Орнаментация ограничена рядами горизонтальных широких неглубоких врезанных линий на шейке и плечиках сосуда. Тесто плотное, с примесью мелких известковых включений и песка. Цвет – от оранжевого до коричневатого. Конфигурация нижней части сосудов не ясна, т.к. обломков от них зафиксировано не было. Присутствующие среди находок доньшки тонкостенных красноглиняных кувшинов, со следами срезки шнуром, могут относиться как к рассматриваемому типу посуды, так и к кувшинам других типов.

Хронологические рамки данных сосудов определялись исследователями по-разному. Так, А.Л.Якобсон

в своих ранних работах считал, что вся группа таких кувшинов одновременно причерноморским амфорам и не выходит за пределы IX-X вв., хотя в Саркеле и на Тамани они доживают до XI в. (Якобсон А.Л., 1951, с.337-338; 1970, с.41-42, рис.9).

В более поздней работе автор несколько расширил хронологические рамки их бытования “кон.VIII – нач.IX, ещё шире, – X” и “доживают до XI в.” (Якобсон А.Л., 1979, с.32).

С.А.Плетнева в работе, посвященной керамике Саркела, датировала его кувшины с плоскими ручками IX-X в., делая при этом огласовку, что ранний тип может датироваться кон.VIII – нач.IX в. (Плетнева С.А., 1959, с.249, рис.33-34). Здесь же, впрочем, исследовательница указала, что в городах Северного Причерноморья их находят в слоях IX-XI вв., в Херсонесе IX-X вв., в Тмутаракани – IX-XI вв. (Плетнева С.А., 1959, с.249 – подстрочник). Подобным же образом С.А.Плетнева датирует указанную категорию находок в работе, посвященной керамике Таманского городища (Плетнева С.А., 1963, с.54). В дальнейшем исследовательница несколько изменила хронологические рамки бытования этого вида посуды (кон.IX – кон.XI в.) (Плетнева С.А., 1981, с.74). Этим же временем датирует аналогичные находки из Партенита Е.А.Паршина (Паршина Е.А., 1991, с.80, рис.6).

Несколько иная датировка “кувшинов с ленточными ручками” предлагается И.А.Барановым. Ссылаясь на находку в бухте Новый Свет близ Судака остатков кораблей, среди груза которых, кроме описанных кувшинов, содержались поливные сосуды, автор датирует кувшины с плоскими ручками 2-й пол.IX – X вв. (Баранов И.А., 1990, с.23, рис.7, 1).

В коллективных работах екатеринбургские авторы на основе анализа широкого круга материалов византийского Херсона считают датировку VIII-X вв. ошибочной и относят данный вид посуды ко 2-й пол. – последней трети IX – кон. XI в. (Романчук А.Н., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995, с.63-64, №№ 135-136; Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999, с.318-319).

Представленный на Сидоровском городище тип близок кувшину (Баранов И.А., 1990, рис.7, 1) (2-я пол.IX – X в.); типу I кувшинов византийского Херсона (последняя треть X – 1-я пол.XI в.) (Романчук А.Н., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995, с.64). Очень близкие по типу кувшины были в заполнении цистерны № 5 (X в.) квартала X “Б” Северного района Херсонеса (Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999, рис.5, 5-6). По классификации, предложенной С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1963, с.54), тип, представленный на Сидоровском городище, сочетает в себе признаки обеих хронологических групп, предложенных исследовательницей (горло невысокое, однако d более 8 см; стенки тонкие, цвет – от ярко-оранжевого до красно-коричневого; в тех случаях, когда это можно определить, соотношение d венчика и плечиков 1:2 или чуть более).

Амфоры. В отличие от кувшинов с плоскими ручками, амфоры на Сидоровском городище представляют значительную в количественном плане катего-

рию материала. В археологических комплексах раскопов 1 и 2 их фрагменты составляли до 30% всех обломков керамики. Для сравнения: в Саркеле – 24,6% (Плетнева С.А., 1959, с.241), Маяках – 12% (Михеев В.К., 1985, с.15). Как видим, количество амфорной керамики на Сидоровском городище очень велико и уступает разве что памятникам Тамани, среди материалов которых тарная керамика составляет 50% (Плетнева С.А., 1963, с.52, 62), и отдельным памятникам Среднего Прикубанья (городище 5 у ст. Старокорсунской – 40%) (Лавриненко И.В., 1990, с.170). Процентное соотношение обломков амфор по отношению к другим видам керамики на Сидоровском городище, вычисленное по материалам полевой описи, можно воспринимать как предварительные данные в связи с тем, что любой подсчет фрагментов, произведенный в процессе или сразу после исследований, дает погрешность, порой значительную. Так, амфора (рис.24, 1) была склеена из 45 фрагментов, рассеянных по дну пом.3 и в заполнении прилегающей к комплексу хозяйственной ямы 1 (раскоп 2). Не лучше обстоит ситуация и с другими категориями сосудов. Серолощенный кувшин из хоз. ямы 17 (раскоп 2) (рис.16, 2) дал около 16 обломков; горшок из хоз. ямы 3 (раскоп 1) в описи фигурирует, как 20 фрагментов. Тем не менее, даже эти, предварительные, данные говорят о необходимости обратить внимание на факт, что количество амфорной тары на Сидоровском городище в самом деле велико. Так, только на распаханной поверхности Малого Городища в полевой сезон 2000 г. было собрано более 700 фрагментов амфорных ручек. Не меньше фрагментов амфор находится и на территории посада (Большого Городища). Вышесказанное свидетельствует, что предварительные данные, полученные в результате исследований в 2000 г., по всей видимости, отражают реальную ситуацию, существующую на данном памятнике.

В целом, состав амфор, обнаруженных в процессе исследований памятника в 2000 г., довольно однообразен и представлен несколькими типами.

Наиболее многочисленны фрагменты бороздчатых амфор малого размера (высота до 45-48 см при d 23-25 см). Сосуды имели короткое, узкое горлышко, вытянутоовальный корпус, иногда со слабо выделенной перехватом придонной частью, и круглым дном. Ручки овальные или плоско-овальные поднимаются от плечиков, изгибаются под прямым углом (или чуть меньше прямого) и крепятся к горлышку на уровне края (или сразу под краем) венчика (рис.25, 2; 26, 4-8; 20, 1-4). Последний, обычно, имеет валикообразное утолщение или слабо выражен. Иногда на внутренней поверхности есть выборка. Стенки средней толщины (0,8-1 см); поверхность шероховатая за счет наличия в тесте мелких зерен шамота и известковых включений. Практически вся поверхность тулова указанных амфор имеет бороздчатое рифление. Иногда сделанные пальцами борозды есть и на горлышке сосуда. Данный тип амфор имеет массу разновидностей и является доминирующим среди тарной керамики указанного памятника.

В свое время на амфоры этого типа обратил внимание А.Л.Якобсон, датировав их 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. (Якобсон А.Л., 1951, с.334). Автор указал на ареал распространения этого типа посуды (т.н. второй подгруппы причерноморских амфор) (Саркел, Тамань, Восточный Крым, юго-восток Северного Причерноморья), а также предположил, что центры, производившие их, находились в Восточном Крыму или на Тамани. В целом, такая датировка амфор “второй подгруппы” была обусловлена тем фактом, что они встречались вместе с кувшинами с плоскими ручками. В более поздних работах А.Л.Якобсон считает обе выделенные им группы причерноморских амфор одновременными (Якобсон А.Л., 1970, с.40-42; 1979, с.31).

Таким же временем (кон. IX – 1-я пол. X в.) датировала С.А.Плетнева подобные амфоры из Саркела, ссылаясь на работу А.Л.Якобсона (Плетнева С.А., 1959, с.244). В дальнейшем такие же сосуды с Таманского городища, ссылаясь снова же на Якобсона, исследовательница датирует более широкими хронологическими рамками (Плетнева С.А., 1963; 1967).

Другой тип амфор также широко представлен в культурном слое и комплексах раскопов 1 и 2, однако, уступает в количественном отношении первому. Это – невысокие круглодонные амфоры с вытянутым корпусом, несколько сужающимся к придонной части, и узким невысоким горлышком, край которого имеет валикообразное утолщение. Овальные в поперечном сечении ручки крепятся на уровне или сразу под венчиком и, изгибаясь под прямым углом, опускаются на плечики сосуда. Внешняя поверхность амфор указанного типа имеет мелкое бороздчатое рифление и покрыта желтовато-белым ангобом. В прекрасно отмученном тесте содержится примесь мелко-го песка и частичек слюды. Цвет черепка колеблется от бежевого (желтовато-коричневого) до красного. Фрагменты подобных амфор встречены практически во всех комплексах обоих раскопов. Тип реконструирован по почти целой амфоре, найденной на дне котлована пом.3, и верхней части таких же амфор из хоз. ямы 17 р.2 и верхнего слоя квадратов ЕЖ-18 р.1 (рис.24, 1). Возможно, к этому же или близкому ему типу относится центральная часть красноглиняной амфоры из хоз. ямы 6 р.1 (рис.26, 2). В целом, данный тип представляется близким амфорам X в. из комплексов Саркела – Белой Вежи и Таманского городища (Плетнева С.А., 1959, рис.28, 2), а также с памятников Крыма (Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999, рис.2, 1).

Остальные типы представлены единичными экземплярами, фрагменты от которых встречены в разных комплексах.

Так, в хоз. яме 2, расчищенной на склоне городища, вместе с амфорой 1 типа (рис.25, 2) встречены фрагменты тонкостенной амфоры с раздутым яйцевидным корпусом, невысоким узким горлышком и овальными, почти круглыми ручками, полого опускающимися из-под края венчика на плечики сосуда (рис.24, 4). В прекрасно отмученном тесте указанной

амфоры имеется примесь мелкозернистого песка и частичек слюды. Цвет черепка коричнево-красный. С данным типом имеет сходство амфора из Гнездово, обнаруженная вместе с арабскими монетами 1-й пол.Х в. (Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н., 1950, рис.3, с.73; Якобсон А.Л., 1951, с.333, рис.6, 23).

В заполнении хоз. ямы 1, а также горна 1 (пом.3) найдены фрагменты круглодонной амфоры с вытянутоовальным корпусом и узким высоким расширяющимся к краю горлышком, имеющим с внутренней стороны закраину. Ручки крепятся у края венчика и под прямым углом опускаются на плечики сосуда. Корпус украшен неглубокими полосками, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга (рис.24, 5). В тесте очень много мелкозернистого песка. Цвет черепка оранжевый.

Еще один тип представлен фрагментами из хоз. ямы 3 (р.1); пом.3, хоз. ям 4 и 12 (р.2). Обломки таких амфор (на одном из них имеется процарапанный знак "стрела") (рис.23, 4) встречены в небольшом количестве в культурном слое обоих раскопов. Судя по крупному фрагменту (из хоз. ямы 4 р.2), тип представлен толстостенной амфорой с коротким горлышком, имеющим венчик с валикообразным утолщением. Толстые ручки, со слабовыраженным желобком по центру, крепятся сразу под венчиком (или на его уровне) и, изгибаясь под прямым углом, опускаются на плечики сосуда (рис.24, 2). Внешняя поверхность имеет в верхней части плавные широкие борозды и покрыта желтовато-белым ангобом. Цвет черепка на изломе колеблется от желтого до розового. В целом, по характеру теста, форме, толщине стенок указанные амфоры имеют сходство с отдельными типами из Саркела – Белой Вежи, относящимися к Х в. (Плетнева С.А., 1959, рис.29, 3, 4). Еще один тип представлен фрагментом верхней части широкогорлой амфоры с узким гладким корпусом. Край венчика оформлен в виде полочки. Тесто красное с примесью известковых включений (рис.25, 3).

Вне сомнений, типология тарной керамики, представленной в рассматриваемых комплексах Сидоровского городища, куда более разнообразна. О последнем свидетельствует серия характерных фрагментов стенок, ручек, верхних и нижних частей сосудов. Так, в заполнении хоз. ямы 2а была обнаружена нижняя часть корпуса амфоры вытянутоовальной формы, сделанной из прекрасно отмученного теста без крупных примесей и имеющей добавки мелких частичек слюды (рис.45, 2). Фрагментарность подобных находок не позволяет точно установить с каким конкретно типом амфор, представленных на других памятниках, мы имеем дело. В целом же, факт абсолютного преобладания среди имеющихся типов сосудов амфор 2-й подгруппы (по А.Л.Якобсону) (Якобсон А.Л., 1951), наличие в комплексе кувшинов с плоскими ручками позволяет отнести указанный комплекс, в целом, к кон. IX – Х в. Этим же временем датируется и ойнохоя (хоз. яма 4, р.2), аналоги которой встречены на Тепеньском поселении (Фронджуло М.А., 1968, с.109,

рис.11, 5). Подобное сочетание тарной керамики встречено в комплексах Большого Боршевского городища, датированных нумизматикой Х в. (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.42, 55, 65, 68), а также в комплексах Х в. Юго-Западного Крыма (Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999, с.325, 326; Яшаева Т.Ю., 1999, с.355).

Не противоречит этой датировке и остальная керамика, обнаруженная в раскопах 1 и 2. Так, выше мы указывали о сходстве керамического комплекса раскопов 2000 г. с керамикой поздних (в рамках салтовомаяцкой культуры) поселений. К этому необходимо добавить факт наличия в комплексах обоих раскопов фрагментов керамических котлов. Так, в хоз. яме 12 р.2 и в пом.3 были найдены венчики гончарных котлов (рис.19, 5). В хоз. яме 9 того же раскопа среди прочего материала обнаружен венчик лепного котла (рис.18, 2). В хоз. яме 2 р.1 находились фрагменты лепного тонкостенного котлообразного сосуда (рис.19, 2). Несколько фрагментов лепных и гончарных котлов найдены в подъемном материале на территории памятника (рис.27, 5, 6).

Фрагменты **керамических котлов** на городищах среднего течения Северского Донца относятся к редким находкам, что может быть связано с рядом причин (с хронологией этих памятников или территориальной близостью их к лесостепи, где котлы также встречаются редко) (Плетнева С.А., 1981, с.83). Собственно датировке и этнокультурной принадлежности этой категории материала посвящено много работ. Так, С.А.Плетнева ограничивала датировку указанных предметов кон. IX – сер. X в. (Плетнева С.А., 1967, с.108-110), с чем можно согласиться относительно отдельных типов керамических котлов (Постикэ Г.И., 1985, с.227-239). С.А.Плетнева считала более ранними гончарные котлы, относя их к кон. IX – нач. X в., а лепные, по ее мнению, выходят из употребления к сер. X в. К этому же времени она относилась и находки с Северного Кавказа, которые В.А.Кузнецов датировал более ранним периодом (Кузнецов В.А., 1964, с.35-36). В ряде работ исследователями предлагаются более широкие хронологические рамки этой категории керамики (Чеченов И.М., 1987, с.70-76). К.И.Красильников, в отличие от С.А.Плетневой, более ранними считал лепные котлы, относя при этом период их бытования к кон. VIII – нач. IX в., гончарные же он датировал более поздним временем (Красильников К.И., 1999, с.172-173).

Кроме вышеописанных предметов, в хоз. яме 12 р.2 и пом.4 были обнаружены фрагменты лощеных сосудов, украшенные подтреугольными в поперечном сечении валиками (рис.21, 1).

Описание керамического комплекса памятника будет неполным, если не упомянуть многочисленные находки грузил от ткацких станков, встреченные как в подъемном материале, так и в помещениях и хозяйственных ямах памятника. Большинство их выточено из обломков сосудов (амфор, кувшинов, горшков) и отличаются друг от друга лишь размерами

(рис.13, 1-3). Наряду с керамическими, употреблялись грузила, выточенные из камня. Они встречаются на много реже (найдено 3 грузила и две заготовки) (рис.13, 4-6). Наряду с грузилами, в изобилии встречаются фишки, выточенные, в основном, из стенок горшков (рис.13, 7-11). В подъемном материале часты находки лоцил, изготовленных из ручек амфор (рис.18, 3-11; 23, 3).

Стеклянные изделия

Стеклянных изделий обнаружено немного. Мелкие фрагменты тонкостенных сосудов открытого типа были найдены в хоз. яме 12 р.2 и в котловане пом.2. Из-за малых размеров их форма не восстанавливается. Обращает внимание факт, что оба фрагмента имеют одинаковую степень иризации и сделаны из прозрачного стекла бирюзового цвета. Это не дает какого-либо уточнения предложенной датировке комплексов р.2, но и не противоречит ей (Сорокина Н.П., 1963, с.161-162). Кроме описанных предметов, на памятнике найдены несколько стеклянных бусин. Так, в хоз. яме 3 р.1 была обнаружена синяя пастовая бусина с белыми глазками (рис.36, 4). Фрагментированная черная пастовая бусина с синими глазками в белой окантовке найдена в подъемном материале на городище (рис.36, 7). В хоз. яме 2 (1998 г.) была найдена круглая (плоская в поперечном сечении) бусина из стеклянной пасты с радиально расходящимися от центра предмета белыми, красными и черными линиями (рис.36, 1). Из подъемного материала происходит розовая многогранная бусинка, украшенная инкрустированной извилистой белой линией (рис.36, 5). Еще две бусины (из подъемного материала на Малом Городище) могут относиться к более позднему периоду (вплоть до XIX в.). Это – каплевидная бусина белого прозрачного стекла (рис.36, 2) и круглая светло-зеленая бусина прозрачного стекла (рис.36, 3). В целом, из всех обнаруженных на памятнике бус только одна (фрагментированная резная сердоликовая бусина, найденная в пределах линии укреплений Малого Городища) (рис.36, 6) была сделана из камня.

Костяные изделия

В основном, представлены игральными костями. Так, в культурном слое памятника и заполнении хозяйственных ям неоднократно встречались астрагалы, абсолютное большинство которых не имеет никаких следов обработки. На нескольких есть процарапанные знаки. Так, найденный в 1998 г. в хоз. яме 2 астрагал нес на себе изображение двойного двузубца (рис.37, 1). В заполнении хоз. ямы 1 на уровне эскарпа был найден астрагал с процарапанной пятиконечной звездочкой. При расчете слоя заполнения пом.3, наряду с необработанными, был найден астрагал со схематическим изображением парусника (рис.37, 5). В хоз. яме 11 был обнаружен большой астрагал с прорезанными тон-

кой линией по всей поверхности зигзагообразными фигурами (рис.37, 6). Кроме этого, в верхнем слое раскопа 3 был обнаружен обломок костяного игольника (рис.37, 4), а в хоз. яме 2 1998 г. – костяная обойма со схематическим изображением трилистника (рис.37, 7), а также фрагмент ребра со следами обработки и заполированной поверхностью (рис.37, 8).

Металлические изделия

Среди металлических изделий, обнаруженных на данном памятнике, можно выделить две группы: изделия из цветных и черных металлов.

Изделий из цветных металлов найдено немного, и все они обнаружены вне археологических комплексов. Так, на поле, на месте, где в дальнейшем был разбит раскоп 2, в 1995 г. был найден колокольчик из белого металла (рис.36, 16), близкие аналоги которому имеются в венгерских материалах, а также на Царинном городище (Михеев В.К., 1985, рис.19, 15, 16). Из подъемного материала происходит треугольничатая пряжка с узким овальным, заостренным в нижней части гладким щитком (рис.36, 13). Близким аналогом ей представляется пряжка из Барановки, датируемая солидом 751-754 гг. (Круглов Е.В., 1992, с.179, 182, рис.4, 5), и пряжка из катакомбы 21 Старого Салтова (Комар А.В., 1999, табл.2, 82). Из пахотного слоя Малого Городища происходят две идентичные бляшки (рис.36, 8, 9), имеющие близкие аналоги в крымских древностях салтово-маяцкой культуры (Комар А.В., 1999, табл.3, 9), фигурная пластина (рис.36, 10) и фрагменты бронзовых предметов (рис.36, 11, 12). На Большом Городище, снова же, в подъемном материале была найдена местными жителями золотая нашивка на головной убор (рис.36, 14) с тисненым изображением четырехконечной розетки, образованной стилизованными цветами лотоса, радиально расходящимися из центра. Крестообразное расположение стилизованных цветов лотоса имеется на сбруйной бляшке из Верхне-Салтовского могильника (Фонякова Н.А., 1986, рис.4, 14) и на щитке перстня из погребения в кургане 3 могильника Камыши 1 в Центральной Барабе (VIII-X вв.) (Молодин В.И., Мороз М.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., 2000, с.221, рис.1, 16). Среди находок обращает на себя внимание бронзовое биконическое грузило (рис.36, 15). Еще одно, близкое по форме, грузило из бронзы было найдено в 7-8 км вниз по течению Северского Донца на поселении Осиянская Гора. Употребление цветного металла для изготовления указанных предметов не совсем понятно. Возможно, подобные грузила использовались как гири.

Железных изделий больше, однако, тоже немного по отношению к соседнему Царину городищу у с.Маяки, где железные предметы исчисляются сотнями.

Среди сидоровских находок выделяется небольшая группа предметов вооружения: наконечники стрел, кольчужная цепочка и выпуклая бляха (полу-

сферический умбон от щита). Наконечников стрел найдено 8, один из которых обнаружен в заполнении хоз. ямы 7 р.2 (рис.39, 5). Второй идентичный наконечник был найден в верхнем слое р.3 (рис.39, 2). Еще один такой же наконечник в 1992 г. был подобран с поверхности распаханного поля в пределах линии укреплений Малого Городища (хранится в фондах Славяногорского историко-архитектурного заповедника). Все три описанных наконечника относятся к типу 13 (трехлопастный, по А.Ф.Медведеву). Они имеют широкий круг аналогий и верхнюю дату, не выходящую за пределы IX в. (Медведев А.Ф., 1966, с.59, табл.13, 10). Еще один трехлопастный ступенчатый наконечник, (рис.39, 7) найденный в подъемном материале, близок наконечникам 20 типа, датировку которых А.Ф.Медведев определяет в границах V-IX вв. (Медведев А.Ф., 1966, с.60, табл.30, 20). Кроме описанных, в подъемном материале памятника были найдены еще три двухлопастных наконечника и один броневой. Последний (рис.39, 1) близок наконечникам стрел 95 типа (VIII-IX вв.) (Медведев А.Ф., 1966, с.84, 109, табл.12, 45). Из двухлопастных – два (рис.39, 6, 8) имеют сходство с типом 52, вид 2 (VIII-XIII вв.) (Медведев А.Ф., 1966, с.69, табл.12, 38), а один (рис.39, 2) – с наконечниками стрел 43 типа (IX-X вв.) (Медведев А.Ф., 1966, с.66, табл.16, 2). Кольчужная цепочка сделана из крупных плоских колец диаметром 1,6 см (рис.39, 9).

Особо интересен полусферический умбон, найденный в заполнении хоз. ямы 9 р.2. Он представляет собой круглую выпуклую бляху с отогнутым под прямым углом узким полем. Диаметр ее составляет 15,6 см при высоте 4,6 см. На бляху сверху при помощи трех заклепок прикреплен железная фигурная пластина (круг с отверстием в центре с радиально отходящими от него тремя полосами). Скорее всего, она служила для крепления шипа (рис.38, 5). Судя по указанному предмету, технология его изготовления вряд ли отличалась от описанной у Б.А.Колчина (Колчин Б.А., 1953, с.149). По своему виду, характеру оформления нижней части и, соответственно, способу крепления к основе щита сидоровский умбон имеет ближайшую параллель – умбон из культурного слоя Саркела-Белой Вежи (Сорокин С.С., 1959, с.189, рис.31, 6; 33), отличаясь от последнего большим диаметром и способом крепления шипа (у беловежского умбона он приклепан к корпусу бляхи). В работе, посвященной оружию Древней Руси, А.Н.Кирпичников приводит сводную таблицу находок остатков щитов в Восточной Европе. Согласно ей, видно, что география полусферических умбонов охватывает Приладожье, а также территорию современных Смоленщины, Киевщины, Черниговщины (исторического центра летописной “Русской земли”), где в большинстве своем они происходят из дружинных курганов (Кирпичников, 1971, Каталог находок; Седов В.В., 1982; Андрощук Ф.А., 1999, с.106; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978, с.32). Большинство умбонов, типичных для Руси

и ряда северо-европейских стран, сходны с находками из Скандинавии (Кирпичников А.Н., 1971, с.34). В связи с этим некоторые авторы считают эти предметы скандинавскими (Андрощук Ф.А., 1999, с.106); другие же (Блифельд Д.И., 1954 и др.) не отличают их от круга восточнославянских древностей.

Датировка полусферических умбонов определяется А.Н.Кирпичниковым в рамках 2-й пол.Х в., и лишь саркельская находка относится им к XI в. (Кирпичников А.Н., 1971, с.35), правда, с определенной степенью сомнения (там же, каталог). Возможно, близость к саркельской и сидоровской имела близкая им по размерам полусферическая бляха из камеры 1 (1911 г.) Верхнесалтовского могильника (Бабенко В.А., 1914, с.449) (данная статья авторам осталась недоступной), которую Н.Я.Мерперт считал верхней частью шлема-мисхорки (Мерперт Н.Я., 1955, с.140, 143). Подобные шлемы имели распространение в степях Восточной Европы вплоть до нового времени (Kovacs S., 1997, p.187, fig.5. Он же на рис.40 настоящей работы). Если это так, то и беловежская и сидоровская находки могут быть деталями таких шлемов. Именно этим могут объясняться некоторые характерные черты этих предметов. Так, от большинства полусферических умбонов описанные выше бляхи отличаются относительно малой высотой. В результате этого их поперечное сечение более напоминает сегмент, чем полусферу. Узкое поле без отверстий, отсутствие отверстий в центральной части заставляет задуматься о способе их крепления к основе щита. Возможно, это могло производиться при помощи накладной кольцеобразной пластины с отверстиями.

Если описанные предметы не являются деталями шлемов, а все же представляют собой умбоны от щитов, то определенную типологическую близость к ним имеет умбон XII-XIII вв. из кургана 69 Яблоновского могильника в Поросье. Это – слабо выпуклая бляха, через центр которой проходят две взаимно пересекающиеся пластины. Полей у данного умбона уже нет, и крепился он к основе щита, судя по приведенному в статье рисунку, посредством шипа, находящегося в центре (Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985, с.55, рис.13, 14). Если беловежская и сидоровская находки являются умбонами, то бляха из Яблоновского могильника представляет собой дальнейшее развитие более ранних форм, представленных на Сидоровском городище, в культурном слое Саркела – Белой Вежи и, возможно, в могильнике Верхнего Салтова. Какой из последних двух предметов (сидоровский или саркельский) относится к более раннему времени, на основании имеющихся в распоряжении находок, сказать трудно. Скорее всего, они близки по времени.

К поздним предметам (XIV-XVI вв.), которые могут иметь общее назначение с данным кругом находок, относится полусферическая бляха из кургана 4 могильника у с.Ленчикой в Кабардино-Балкарии

(Нагоев А.Х., 1987, с.186, рис.22, 10). Предмет имеет меньшие размеры, однако, пропорции его близки рассматриваемым. Отношение бляхи к деталям щита ставится автором раскопок под сомнение (Нагоев А.Х., 1987, с.203) в связи с уникальностью этой находки для кабардинских курганов и отсутствием письменных свидетельств об использовании щитов позднесредневековыми кабардинцами (Нагоев А.Х., 1987, с.212-213). Возможно, повод к недоверию дало и расположение этого предмета в могиле (возле ступней ног), а также отсутствие в погребении других деталей щита.

Обращает на себя внимание география этих находок. Все три предмета тяготеют к степной части Восточной Европы и связаны либо с памятниками салтовского круга, либо с комплексами, несущими на себе влияние алаано-ясской традиции. (Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985, с.55). Что представляют собой рассматриваемые предметы: хронологически более позднюю разновидность умбонов типа I (по А.Н.Кирпичникову), отдельную, характерную для степных древностей алаано-ясского круга, разновидность умбонов или являются деталями шлемов, до появления новых материалов сказать точно нельзя. Варианты использования сидоровской находки в том и другом качестве представлены на рис.40 настоящей работы. Так или иначе, датировка их укладывается в рамки IX-X вв. (если это умбоны – 2-й пол.X – нач.XI в.; если же детали шлемов, то, скорее всего, – X в.) (Мерперт Н.Я., 1955, с.162).

Среди железных предметов хозяйственного назначения особенно многочисленны **ножи**, встречающиеся как в хозяйственных комплексах, так и в подъемном материале. Целые экземпляры имеют небольшие размеры (рис.41) и представлены обычными для салтовских памятников типами (Михеев В.К., Степанька Р.Б., Фомин Л.Д., 1973, с.90-99). Несколько отличен от них обоюдоострый предмет с черенком, напоминающий по форме наконечник стрелы или дротика (рис.27, 3). Листовидная форма лезвия, крупные для стрелы размеры, загнутый конец черешка, свидетельствующий, что на нем находилась ручка, говорит в пользу того, что данный предмет использовался в качестве ножа. Среди прочих железных предметов представлены гвозди (рис.34, 3, 6), фрагмент лезвия топора, пружинных ножниц, маленькое зубильце (рис.34, 1), головка молотка-гвоздодера. Последний, судя по сохранившейся части, имел железную ручку, ныне обломанную (рис.34, 2), и напоминал поздние гвоздодеры древнерусских городов (Новгород XI-XIII вв.) (Колчин Б.А., 1985, с.258, табл.100, 16, 17). Из предметов конской сбруи найдены фрагменты верхней части стремени с выделенной петлей для пуглища (рис.38, 3), звено двусоставных удил с прямыми псалиями (рис.38, 2) (типа I) (Кирпичников А.Н., 1973, табл. I, 1, 4), а также двусоставные удила (рис.42, 5) (тип IV) (Кирпичников А.Н., 1973, с.14, 17, 18, рис.38, 6, 7).

Из прочих находок следует назвать прямоугольные рамки от пряжек (рис.38, 6, 7), детали замков (рис.38, 4), цепь с фрагментом замка (рис.38, 8), ключ

с бородкой (рис.39, 4), близкий которому имеется в материалах Царина городища (Михеев В.К., 1985, рис.33, 12), железную гирьку (рис.34, 7), а также фрагмент двурогого наконечника с заточенным внутренним краем, имевшего втулку для крепления на деревянной рукоятке, ныне обломанную (рис.38, 1). Возможно, это – орудие, наряду с еще одним втульчатым предметом, напоминающим наконечник заступа (рис.42, 2), служило для обработки твердых меловых пород.

Из деталей одежды обнаружены две однотипные пластинчатые **фибулы** (рис.44, 2; 43, 4), находящиеся параллели на памятниках салтово-маяцкой культуры (в частности, на Царином городище) (Михеев В.К., 1985, рис.33, 5).

Среди коллекции железных орудий с Сидоровского городища выделяется группа тесел различного размера. Это – три тесла-мотыжки (рис.43, 1, 2, 3) и крупное тесло с проухом (рис.42, 1). Все эти предметы находят параллели на памятниках хазарского времени и более позднего периода.

Монеты

Все находки монет происходят из подъемного материала памятника. В исследуемых комплексах ни одной монеты встречено не было, что объясняется как поздней их датой, так и ранним характером нумизматического материала Сидоровского городища. Обращает на себя внимание и география находок. Все они были обнаружены на огражденной валами территории. Здесь, наряду с ними, встречены в подъемном материале фрагменты баклажек, неизвестные на других участках памятника. Авторы склонны относить их к ранней категории материала (Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., 2000, с.80-81).

Обнаруженные на городище монеты представлены солидом Константина V (рис.35, 7). Идентичные монеты происходят из клада у ст.Анастасиевской (Semenov A.I., 1994, p.83-85, fig.2) и плитовой могилы 14 на холме Тепсень (Кропоткин В.В., 1962, с.34 № 213, рис.17, 6). Из серебряных монет найдены половинка драхмы испехбедов Табаристана (рис.35, 3), целый экземпляр (рис.35, 1) и шесть обломков (рис.35, 2, 4, 5, 6) аббасидских дирхемов, близких ранним (2-я пол.VIII – 1-я пол.IX в.) типам, представленным в Ножае Юртовском кладе (Виноградов В.Б., Маммаев Х.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1991, с.274-278). Кроме них, обнаружен небольшой обломок медной монеты (фельса). К вышесказанному можно добавить факт находки на городище половинки серебряного дирхема, о которой упоминается у В.К.Михеева (Михеев В.К., 1985, с.19).

Наличие среди находок солида, находящегося в прекрасном состоянии, учитывая “короткую” хронологию обращения этих монет (Семенов А.И., 1978, с.180-183; 1993, с.94-95; Semenov A.I., 1994, с.83-85), может свидетельствовать в пользу того, что во 2-й пол.VIII в. памятник уже существовал. Не противоре-

чит указанному выводу и вся подборка монет, происходящих с данного памятника. В целом, комплекс монет Сидоровского городища очень близок находкам на других памятниках этой территории. Так, на соседнем Царинном городище известно около двух десятков дирхемов, их обломков, а также половинка сасанидской драхмы. Последняя была продана автором находки частному коллекционеру, и нынешнее место нахождения ее не известно. Из найденных на Царинном городище дирхемов (практически все находки были сделаны краеведом из Славянска А.И.Духиным и научным сотрудником Славянского краеведческого музея А.В.Шамраем), все относятся к чеканам Аббасидов (VIII-IX вв.). Анонимный омейядский дирхем, чеканенный в г.Васите, был найден А.В.Шамраем в разрушенном погребении у с.Пески Радьковские на юге Харьковской области. Из нумизматического материала, происходящего с Царина городища, только одна монета несет на себе имя саманидского правителя – Наср ибн Ахмада (Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998, с.139). Еще один дирхем Наср ибн Ахмада происходит, якобы, из-под пос.Райгородок Славянского р-на Донецкой обл. Показательно, что данные о месте находки указанных монет были получены А.В.Шамраем у коллекционера (ныне проживающего в г.Новосибирске), который ему эти монеты продал. Учитывая это, мы не можем быть полностью уверенными не только в том, что обе описанные саманидские монеты были найдены на территории Славянского р-на Донецкой обл., но и в том, что они вообще происходят с европейской территории бывшего Советского Союза.

По всей видимости, отсутствие нумизматических находок на основной части площади памятника может объясняться тем, что значительная часть городища заселялась в то время, когда поток монет на эту территорию был ограничен, т.е. не ранее 2-й пол. IX в. Вне сомнений, этот вывод следует воспринимать как рабочую версию, которая в процессе дальнейших исследований указанного памятника будет либо уточнена, либо опровергнута.

Заключение

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что общая датировка исследованных в 2000 г. археологических комплексов определяется в рамках 2-й пол. (если не конца) IX – X в. Этим же временем датируются и примыкающие к территории посада, синхронные ему, мусульманские кладбища (могильники 1 и 2). Вышеуказанное не противоречит свидетельствам исторических источников, повествующих о распространении ислама в крупных населенных пунктах Хазарии именно в этот период ее истории. Вне сомнений, Сидоровское городище возникло задолго до этого, скорее всего, в сер. VIII в., о чем свидетельствуют находки ранних предметов и нумизматические материалы. Однако ранний памятник занимал далеко не всю террито-

рию городища. Сложная система оборонительных коммуникаций, которая ныне представляется полностью неизученной, концентрация ранних находок (фрагментов баклажек, монет) на небольшой части площади памятника, ограниченной линией укреплений, свидетельствует в пользу того, что в различные периоды истории территория, занимаемая данным поселением, могла существенно меняться. Отсутствие находок монет за пределами линии укреплений Малого Городища не свидетельствует о том, что территория последнего была местом жизни элиты. Наличие в подъемном материале на Большом Городище эффектных находок, в частности, публикуемой бляшки, говорит о том, что какая-то часть имущего населения (возможно, торговцы) проживала на посадской территории памятника.

Подводя черту, можно сказать, что во 2-й пол. IX – X в. на Сидоровском городище, крупном пункте, стоящем на торговом пути (о последнем свидетельствует высокий процент на памятнике тарной керамики восточнокрымского и таманского производства и близость керамического комплекса данного поселения населенным пунктам Нижнего Дона и Тамани), проживала большая мусульманская община, одна из самых ранних в Восточной Европе. Проникновение и распространение здесь ислама, по всей видимости, было связано с расположением городища на торговой магистрали. Вне сомнений, кроме мусульманского населения, здесь жили и представители других конфессий, в частности, христиане. О наличии их среди жителей поселения может свидетельствовать факт находки на городище железного пластинчатого креста (Михеев В.К., 1971, с.13; 1985, рис.17, 14). Близкие кресты с территории Северного Кавказа имеют довольно широкие хронологические рамки. Часть их, несомненно, относится к золотоордынскому времени (Ложкин М.Н., Малахов С.Н., 1996, с.208), но это не значит, что их не было в предшествующий период.

Имеющиеся в распоряжении материалы свидетельствуют в пользу того, что жизнь на Сидоровском городище прекратилась в X-XI вв. и вряд ли более возобновлялась. Отдельные находки XIII-XIV вв. (в основном, фрагменты керамики, которых известно до десятка) более говорят в пользу того, что в это время территория памятника спорадически посещалась населением, чем свидетельствуют о существовании здесь в это время какого-либо населенного пункта. Если же таковое поселение и было, то оно имело очень небольшие размеры.

В целом, имеющиеся в распоряжении материалы позволяют говорить о данном памятнике, как о городище VIII-X вв. Период расцвета его жизни, очевидно, падает на IX-X вв. Входило ли данное поселение в систему торговых факторий, активно функционирующих во 2-й пол. IX – X в. на Хазарском торговом пути, и другие важнейшие вопросы истории данного памятника можно выяснить в процессе дальнейших его исследований.

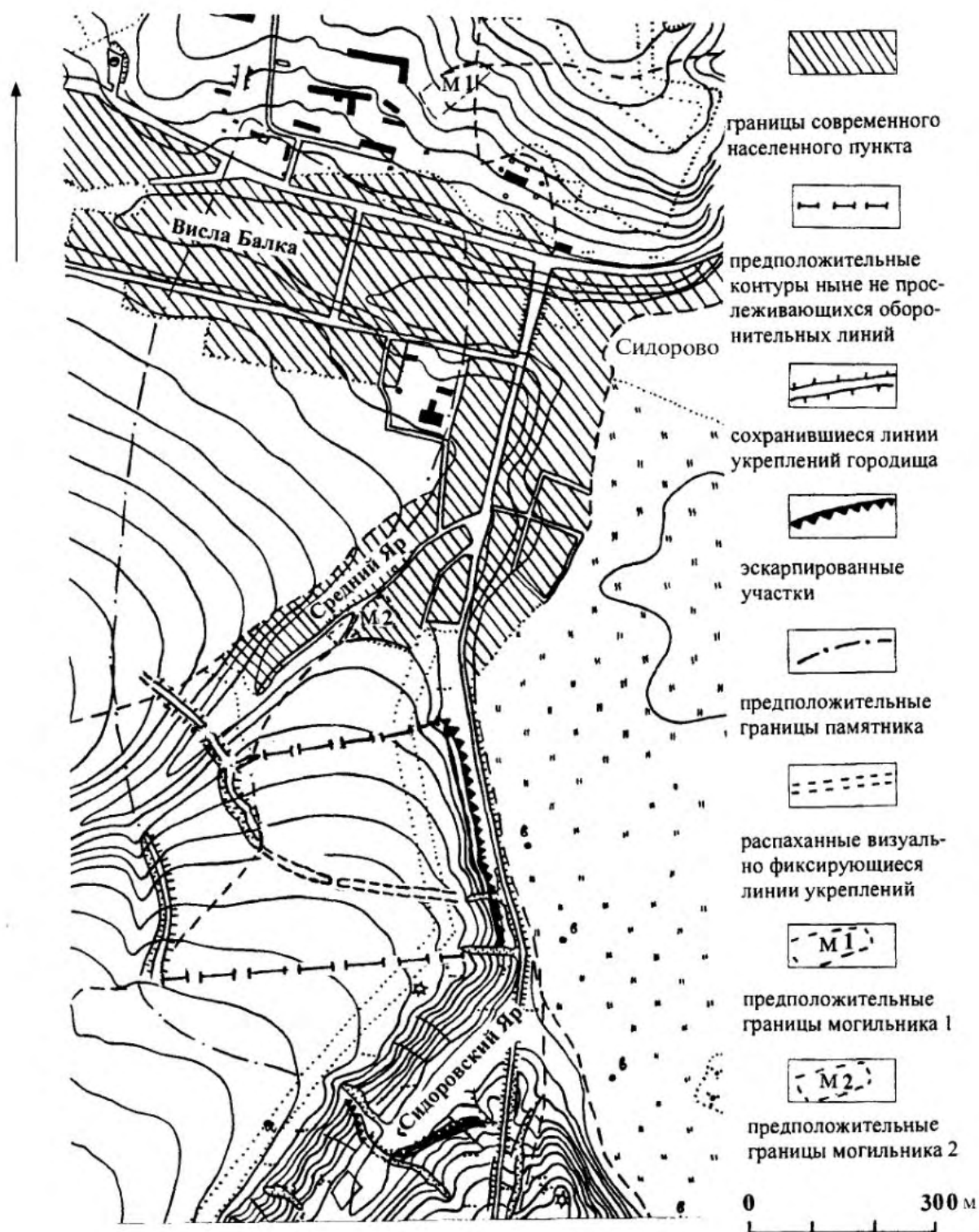

Рис. 1. Сидоровский археологический комплекс. Общий план.
 Fig. 1. Sidorovo archeological complex. General plan.
 Abb. 1. Archäologischer Komplex Sidorovo. Gesamtplan.
 Dess. 1. Complexe archéologique de Sidorovo. Le plan général

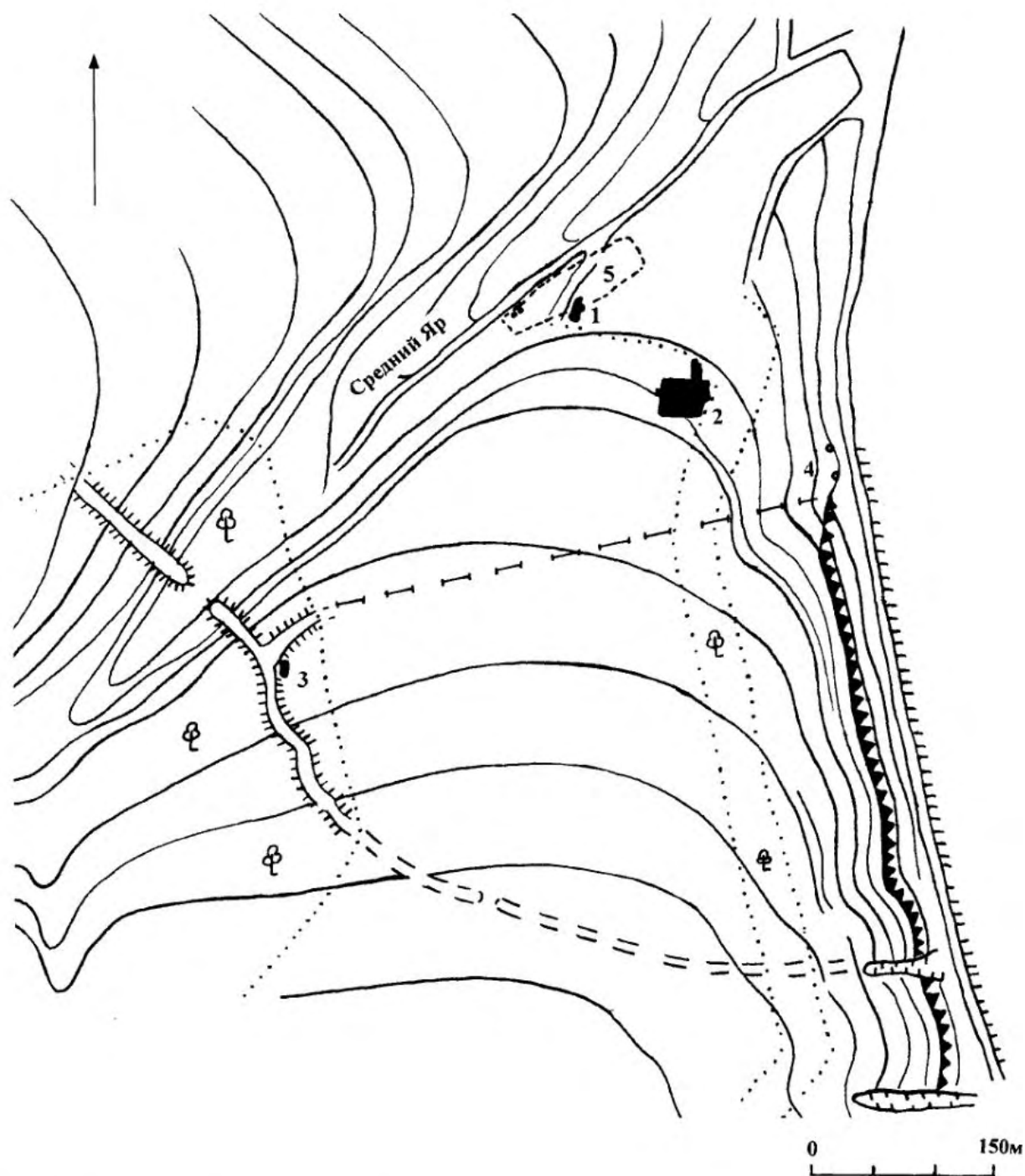

Рис. 2. Участок малого городища, на котором велись исследования в 2000 г. 1 – раскоп 1; 2 – раскоп 2; 3 – раскоп 1971 г. на территории могильника и раскоп 3 2000 г.; 4 – участок, на котором были обнаружены хозяйственные ямы 1э и 2э и помещение 1; 5 – предполагаемая территория могильника 2.

Fig. 2. Site of ancient settlement where (in 2000) the research took place. 1 – excavation site 1; 2 – excavation site 2; 3 – excavation site of 1971 on the territory of the burial ground and excavation site 3 (2000); 4 – site where household pits 1э and 2э, premise 1 were found; 5 – supposed burial ground 2 territory.

Abb. 2. Abschnitt der kleinen prähistorischen Siedlung, der 2000 erforscht wurde. 1 – ausgegrabene Stelle 1; 2 – ausgegrabene Stelle 2; 3 – 1971 ausgegrabene Stelle auf dem Territorium des Gräberfeldes und 2000 ausgegrabene Stelle 3; 4 – Stelle, wo Haushaltsgruben 1э und 2э und Raum 1 aufgefunden wurden; 5 – vermutliches Territorium des Gräberfeldes 2.

Dess. 2. Terrain du petit site, lieu des recherches en 2000. 1 – Fouille 1; 2 – Fouille 2; 3 – Fouille de 1971 sur le territoire de la nécropole et la fouille 3 2000; 4 – le terrain où il avait été découvertes des fosses ménagères 1э et 2э et un logis 1; 5 – le territoire hypothétique de la nécropole 2

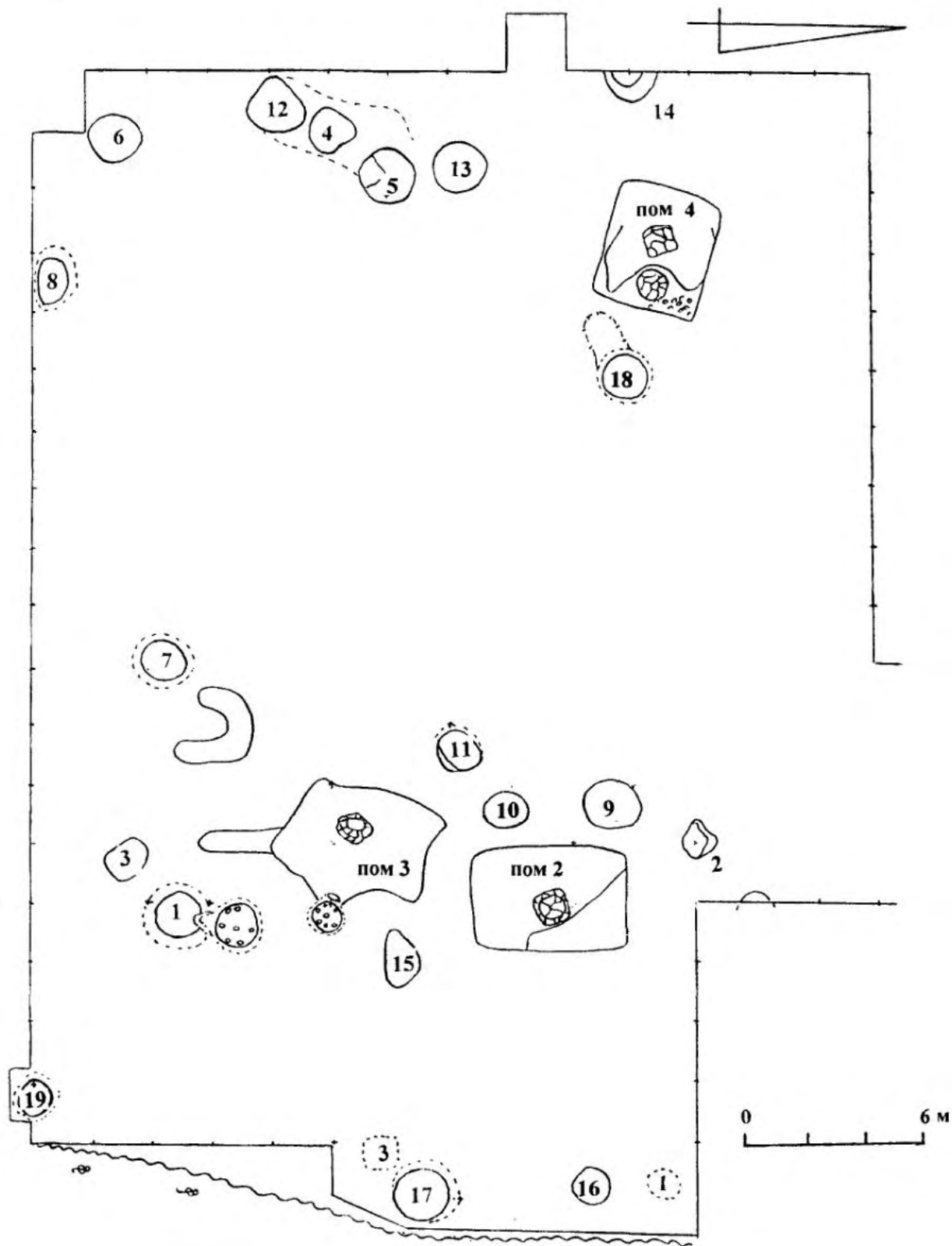

Рис. 3. Сидорово 2000. Раскоп 2. Общий план. Цифрами обозначены номера хозяйственных ям.
 Fig. 3. Sidorovo 2000. Excavation site 2. General layout. Household pits are marked with figures.
 Abb. 3. Sidorovo 2000. Die ausgegrabene Stelle 2. Gesamtplan. Mit Ziffern sind die Haushaltsgruben nummeriert.
 Dess. 3. Sidorovo 2000. La fouille 2. Le plan général. Les numéros des fosses ménagères sont marqués par des chiffres

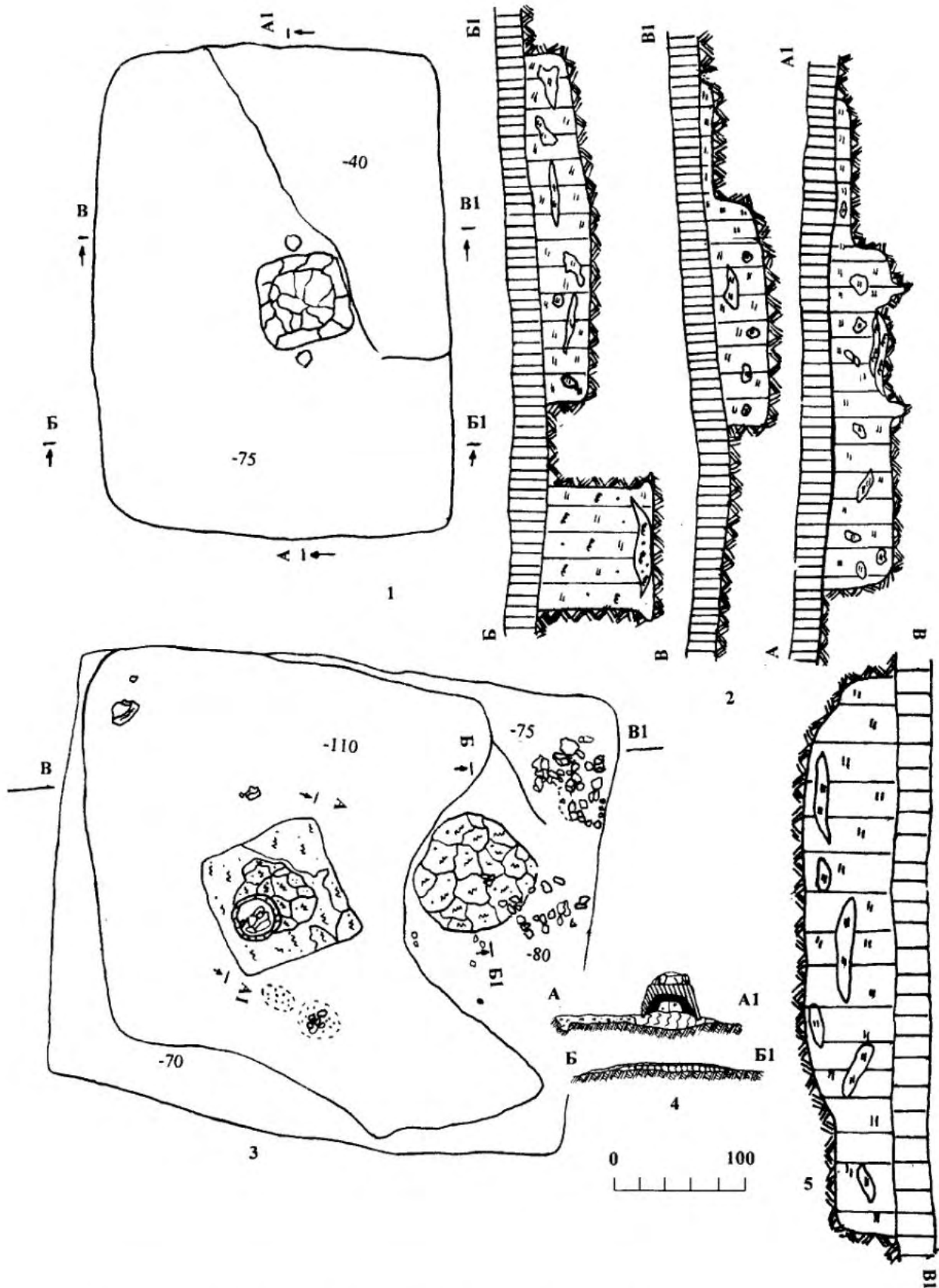

Рис. 4. Сидорово 2000. Раскоп 2. 1, 2 – помещение 2; 3-5 – помещение 4.
 Fig. 4. Sidorovo 2000. Excavation site 2. 1, 2 – premises 2; 3-5 – premises 4.
 Abb. 4. Sidorovo 2000. Die ausgegrabene Stelle 2. 1, 2 – Raum 2; 3-5 – Raum 4.
 Dess. 4. Sidorovo 2000. La fouille 2. 1, 2, – logis 2; 3-5 – logis 4

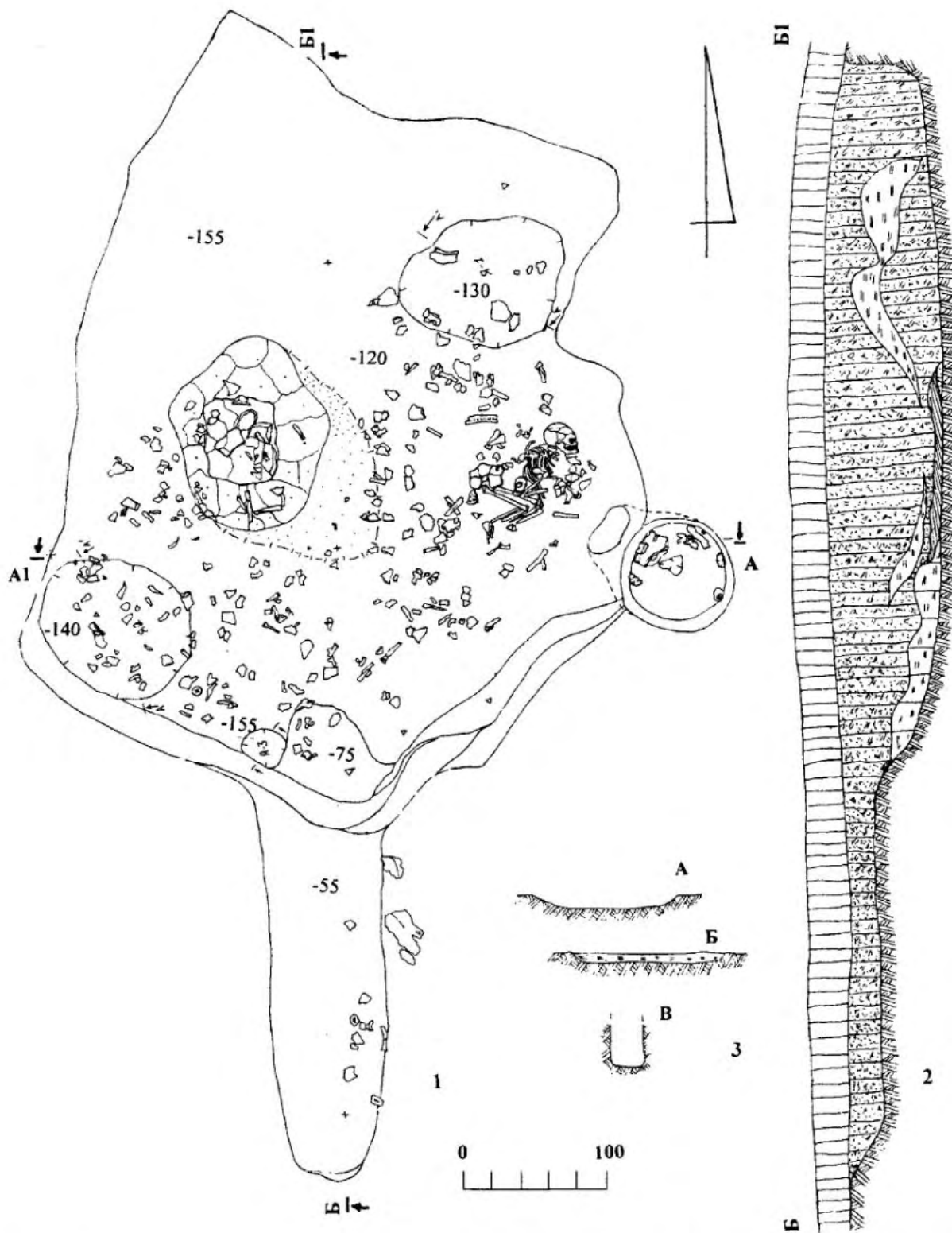

Рис. 5. Сидорово 2000. Помещение 3. 1 – общий план помещения; 2 – разрез по линии Б-Б1; 3 – разрезы ям 1, 2, 3 в котловане постройки.

Fig. 5. Sidorovo 2000. Premises 3. 1 – general plan of the premises; 2 – section along the line Б-Б1; 3 – section of pits 1, 2, 3 in the foundation pit of the construction.

Abb. 5. Sidorovo 2000. Raum 3. 1 – Gesamtplan des Raums; 2 – Linienschnitt Б-Б1; 3 – Grubenschnitte 1, 2, 3 in der Baugrube.

Dess. 5. Sidorovo 2000. Le logis 3. 1 – plan général du logis; 2 – section sur la ligne Б-Б1; 3 – sections de fosses 1, 2, 3 dans la fouille du logis

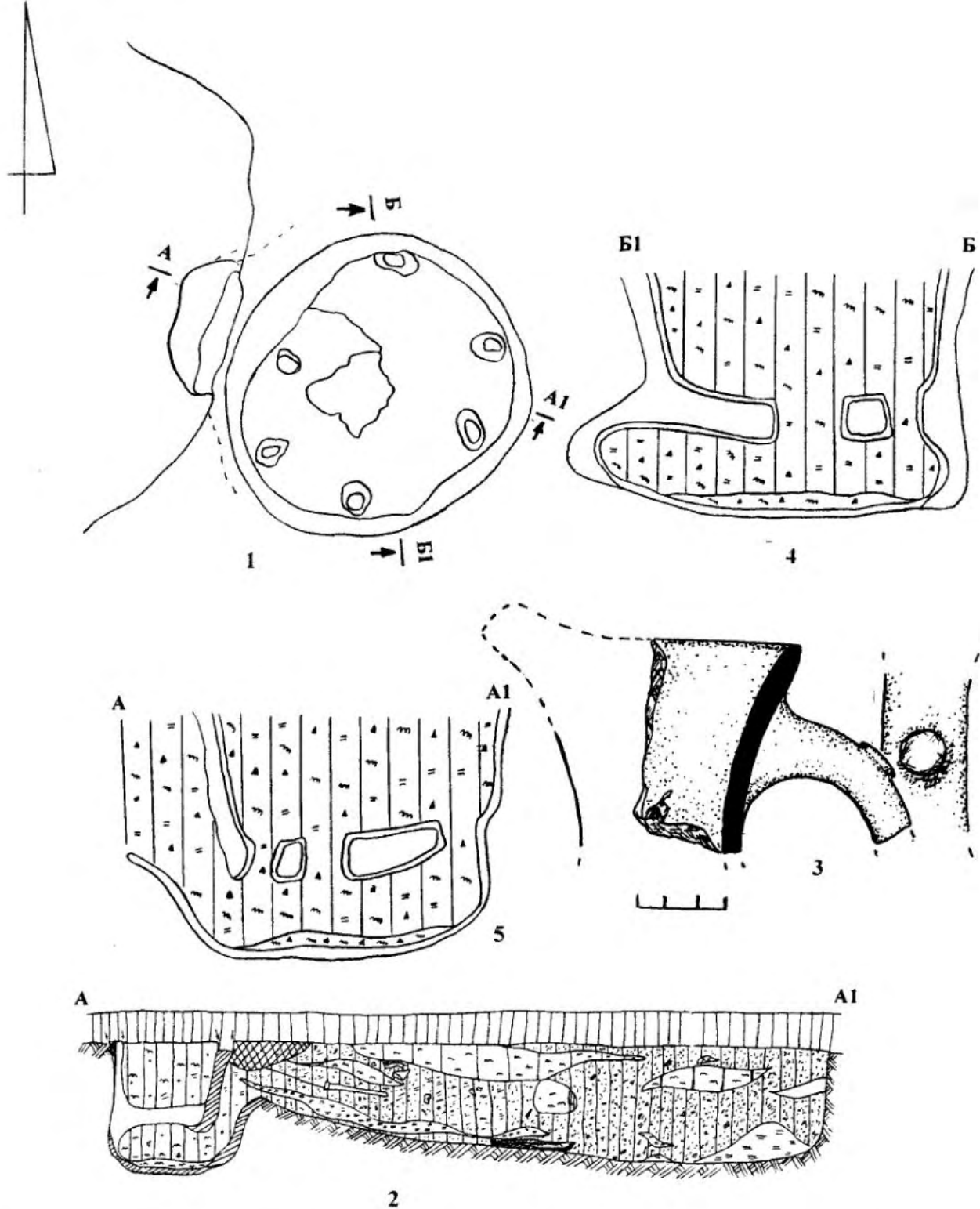

Рис. 6. Сидорово 2000. Помещение 3. 1 – гончарный горн 1; 2 – разрез котлована помещения А-А1; 3 – подъемный материал; 4, 5 – разрезы горна Б-Б1 и А-А1.

Fig. 6. Sidorovo 2000. Premises 3. 1 – potter's furnace 1; 2 – section of foundation pit of premises А-А1; 3 – lifting material; 4, 5 – section of furnace Б-Б1 and А-А1.

Abb. 6. Sidorovo 2000. Raum 3. 1 – Töpferherd; 2 – Raumgrubenschnitt А-А1; 3 – Fundsachen; 4-5 – Herdschnitte Б-Б1 und А-А1.

Dess. 6. Sidorovo 2000. Le logis 3. 1 – four de potier; 2 section de la fouille du logis А-А1; 3 – objets trouvés par hasard; 4,5 – sections du four Б-Б1 et А-А1

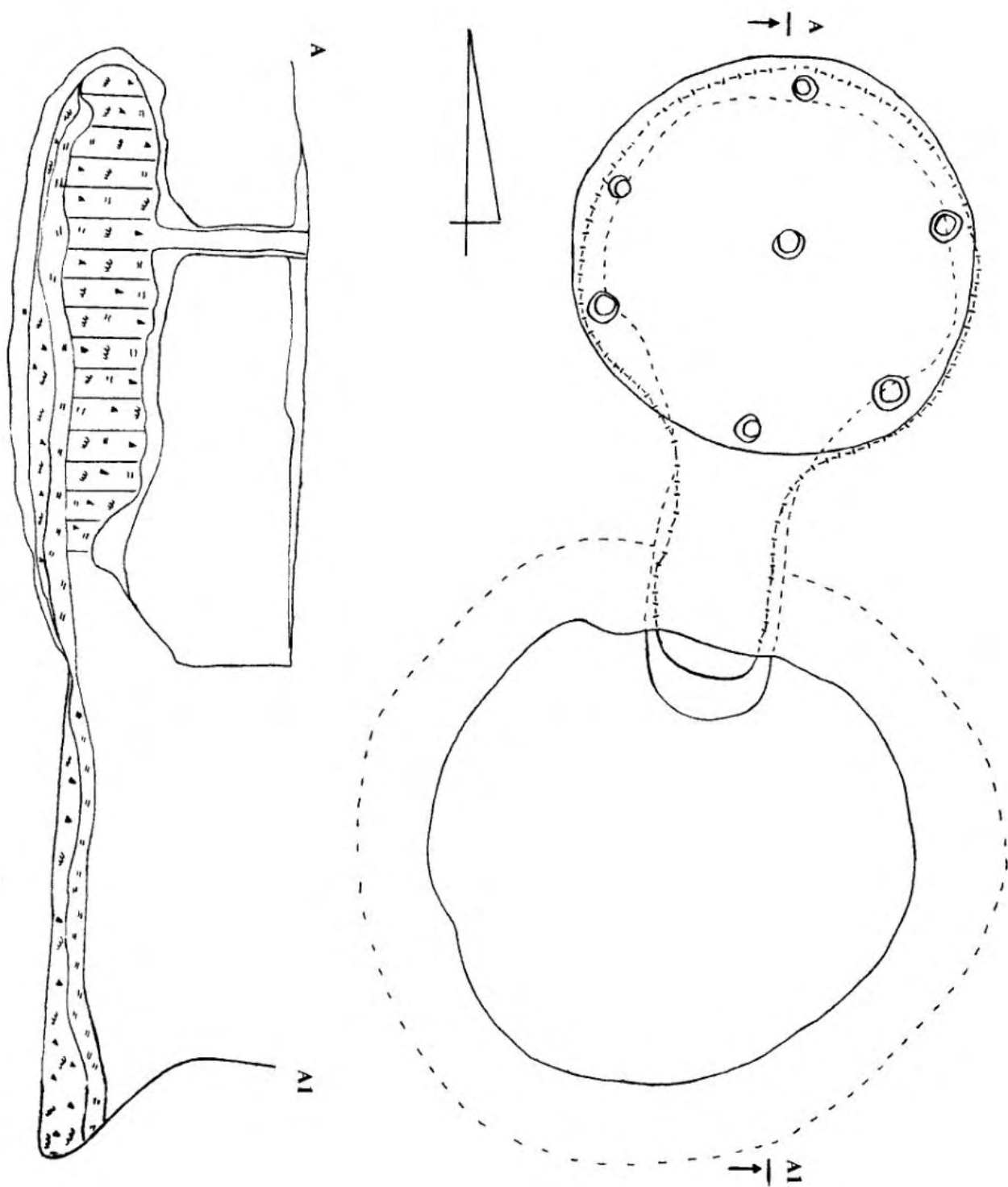

Рис. 7. Сидорово 2000. Гончарный горн 2. План, разрез.

Fig. 7. Sidorovo 2000. Potter's furnace 2. Plan, section.

Abb. 7. Sidorovo 2000. Töpferherd 2. Plan, Schnitt.

Dess. 7. Sidorovo 2000. Le four de potier 2. Le plan, la section

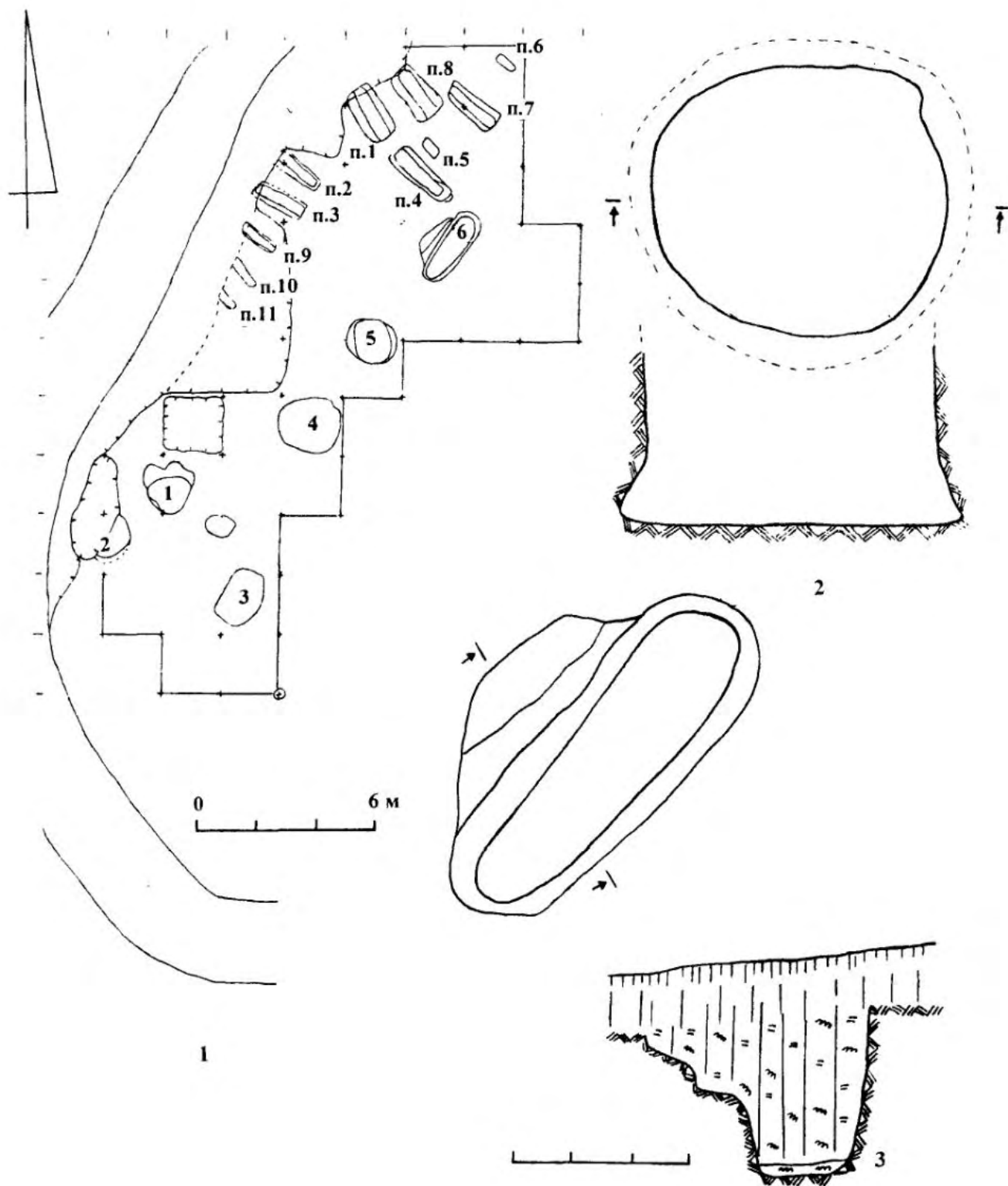

Рис. 8. Сидорово 2000. Раскоп 1. 1 – общий план раскопа; 2 – хоз. яма 4; 3 – хоз. яма 6.
 Fig. 8. Sidorovo 2000. Excavation site 1. 1 – general plan of excavation; 2 – household pit 4; 3 – household pit 6.
 Abb. 8. Sidorovo 2000. Die ausgegrabene Stelle 1. 1 – Gesamtplan der ausgegrabenen Stelle; 2 – Haushaltsgrube 4; 3 – Haushaltsgrube 6.
 Dess. 8. Sidorovo 2000. La fouille 1. 1 – le plan général de la fouille; 2 – la fosse ménagère 4; 3 – la fosse ménagère 6

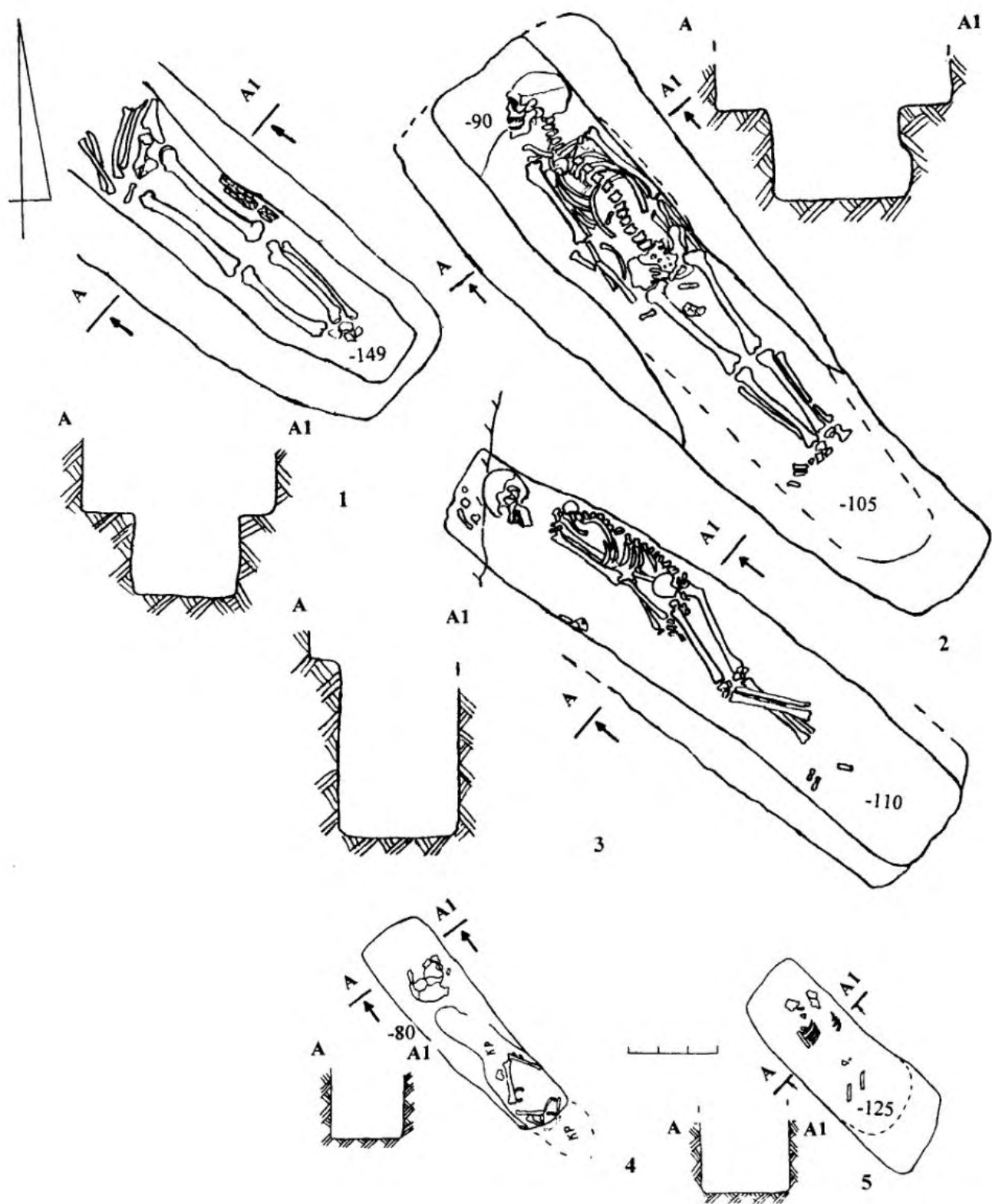

Рис. 9. Сидорово 2000. Могильник 2. 1 – погр.2; 2 – погр.4; 3 – погр.3; 4 – погр.6; 5 – погр.5.
 Fig. 9. Sidorovo 2000. Burial ground 2. 1 – int. 2; 2 – int. 4; 3 – int. 3; 4 – int. 6; 5 – int. 5.
 Abb. 9. Sidorovo 2000. Gräberfeld 2. 1 – Grab 2; 2 – Grab 4; 3 – Grab 3; 4 – Grab 6; 5 – Grab 5.
 Dess. 9. Sidorovo 2000. La nécropole 2. 1 – sép.2; 2 – sép.4; 3 – sép.3; 4 – sép. 6; 5 – sép.5

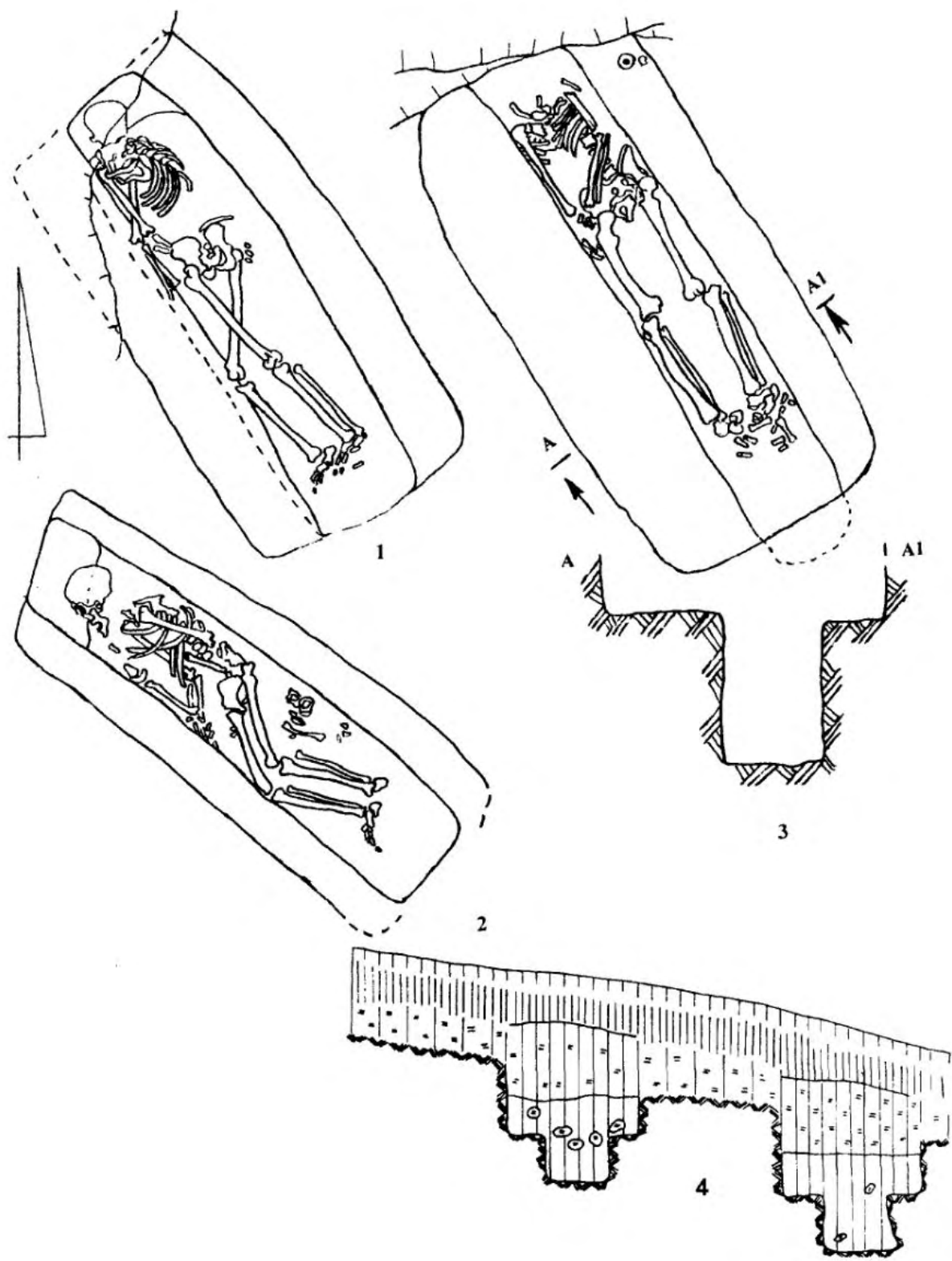

Рис. 10. Сидорово 2000. Могильник 2. 1 – погр. 8; 2 – погр. 7; 3 – погр. 1; 4 – южная бровка квадратов ЕЖ 18.
 Fig. 10. Sidorovo 2000. Burial ground 2. 1 – int. 8; 2 – int. 7; 3 – int. 1; 4 – south edge of squares ЕЖ 18.
 Abb. 10. Sidorovo 2000. Gräberfeld 2. 1 – Grab 8; 2 – Grab 7; 3 – Grab 1; 4 – südliche Kante der Quadrate ЕЖ 18.
 Dess. 10. Sidorovo 2000. La nécropole 2. 1 – sép. 8; 2 – sép. 7; 3 – sép. 1; 4 – profil-Sud de l'intersection des carrés ЕЖ 18

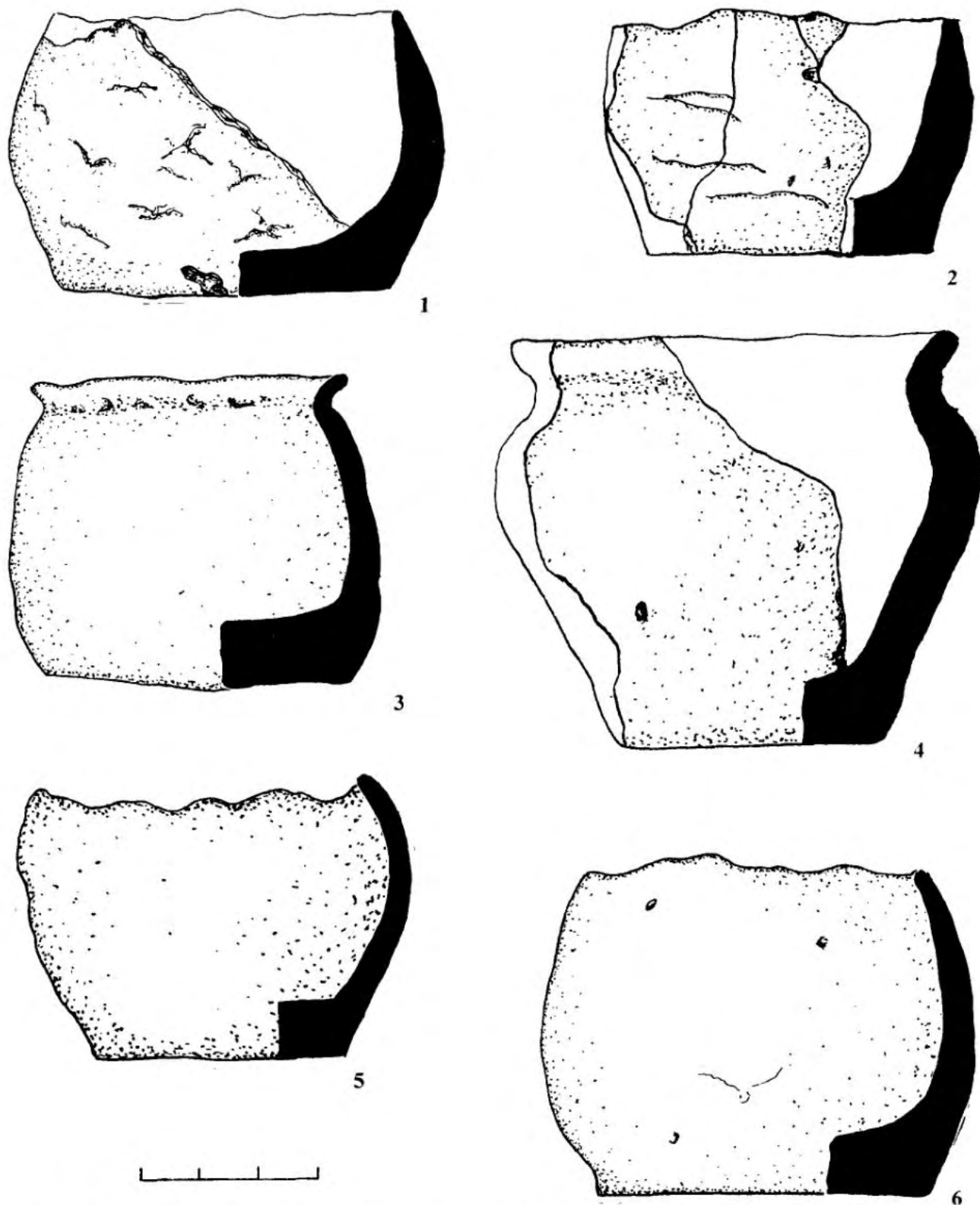

Рис. 11. Сидорово 2000. Лепные сосудики: 1 – хоз. яма 2э; 2 – хоз. яма 11; 3 – хоз. яма 7; 4, 5 – пом.3; 6 – раскоп 1, хоз. яма 6.

Fig. 11. Sidorovo 2000. Modelled vessels: 1 – household pit 2э; 2 – household pit 11; 3 – household pit 7; 4, 5 – premises 3; 6 – excavation site 1, household pit 6.

Abb. 11. Sidorovo 2000. Kleine Stückgefäße: 1 – Haushaltsgrube 2э; 2 – Haushaltsgrube 11; 3 – Haushaltsgrube 7; 4, 5 – Raum 3; 6 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6.

Dess. 11. Sidorovo 2000. Récipients modelés: 1 – fosse ménag. 2э; 2 – fosse ménag. 11; 3 – fosse ménag. 7; 4, 5 – logis 3; 6 – fouille 1, fosse ménag. 6

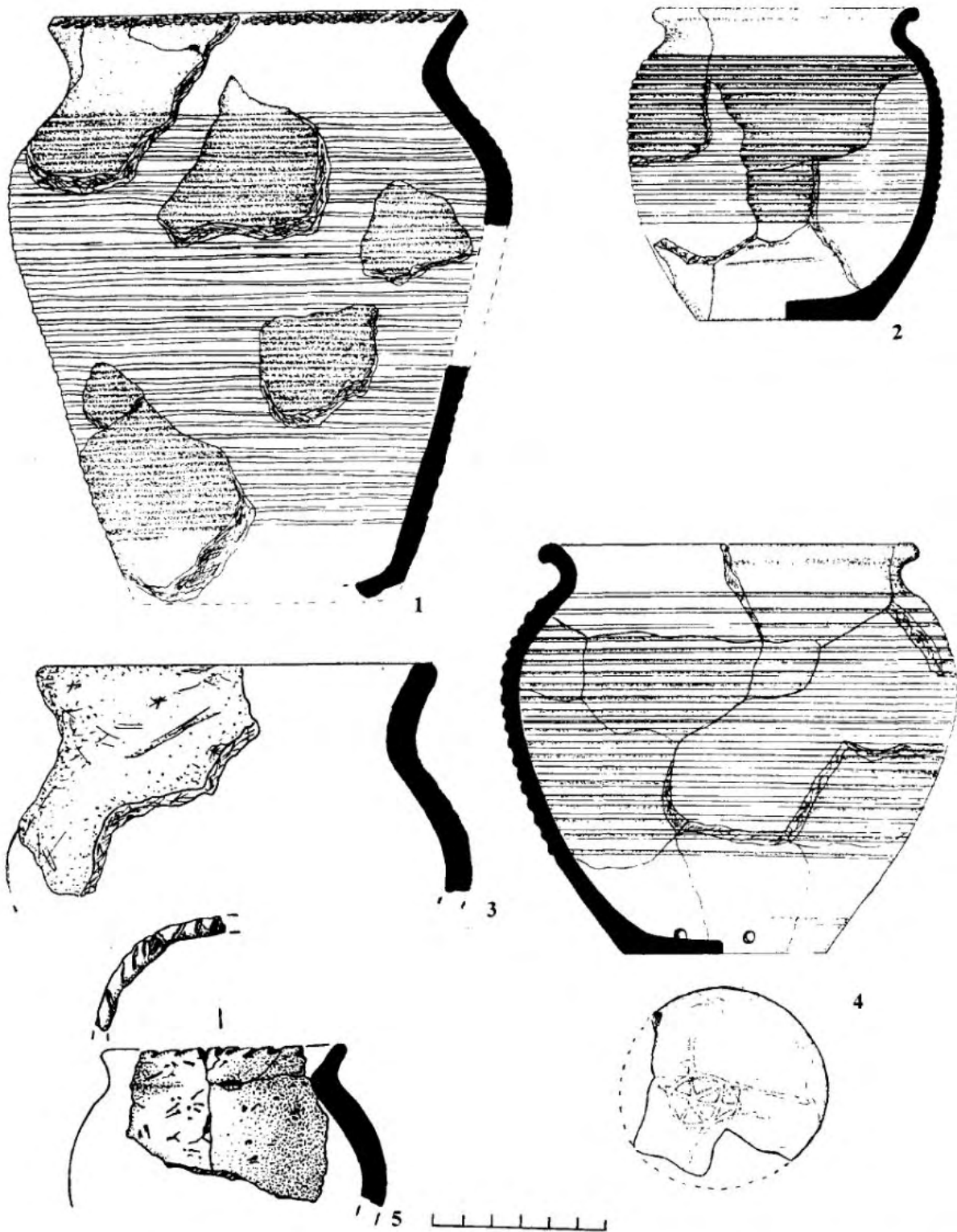

Рис. 12. Сидорово. Малое городище. Горшки. 1 – раскоп 1, хоз. яма 2; 2 – пом.4; 3 – пом.3; 4 – раскоп 1, хоз. яма 3; 5 – хоз. яма 2 (1998 г.).

Fig. 12. Sidorovo. Small hillfort. Pots. 1 – excavation site 1, household pit 2; 2 – premises 4; 3 – premises 3; 4 – excavation site 1, household pit 3; 5 – household pit 2 (1998).

Abb. 12. Sidorovo. Kleine prähistorische Siedlung. Töpfe. 1 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 2; 2 – Raum 4; 3 – Raum 3; 4 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3; 5 – Haushaltsgrube 2 (1998).

Dess. 12. Sidorovo. Le petit site. Pots. 1 – fouille 1; fosse ménag. 2; 2 – logis 4; 3 – logis 3; 4 – fouille, fosse ménag. 3; 5 – fosse ménag. 2 (1998)

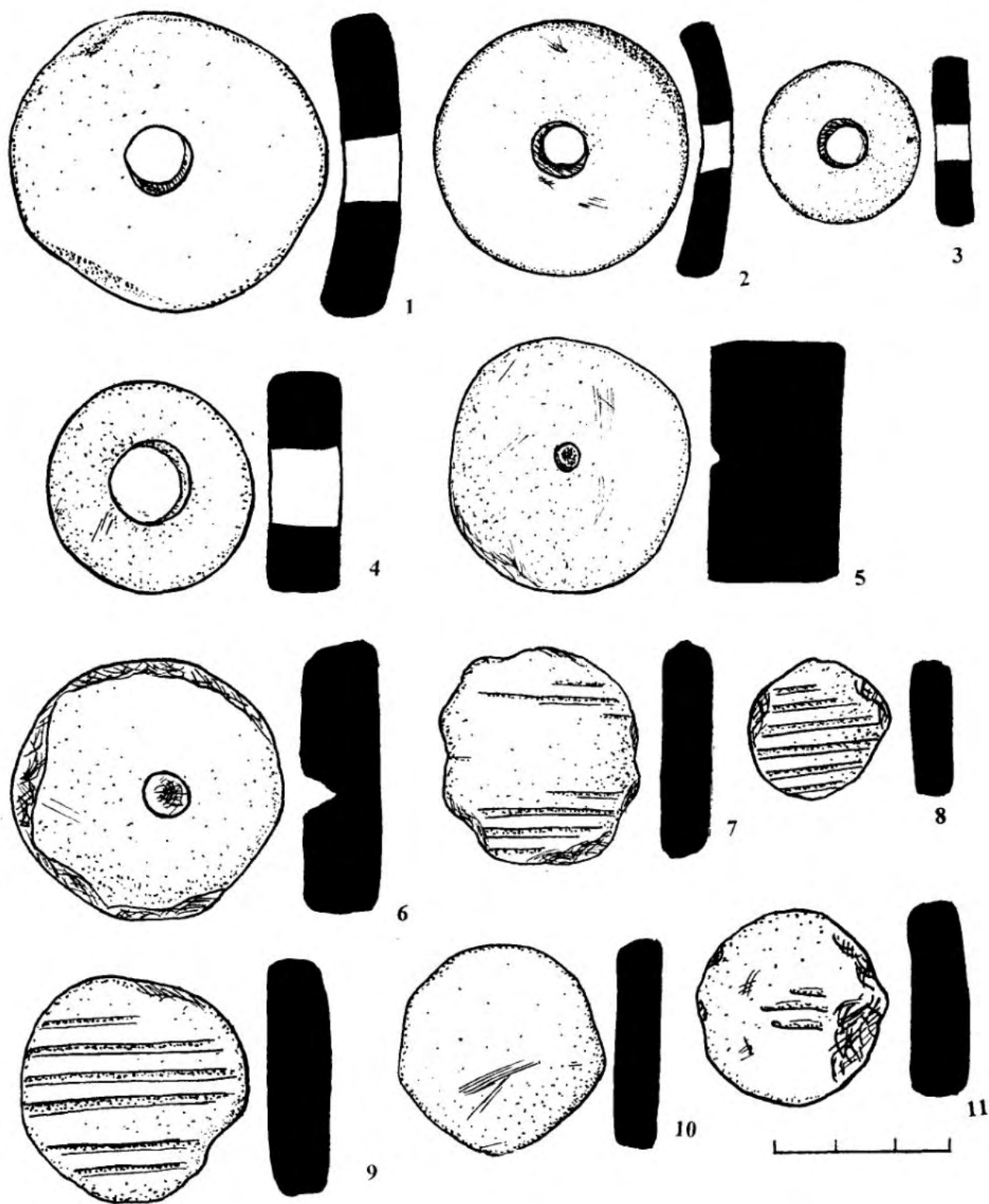

Рис. 13. Сидоровское городище. Грузила и заготовки: 1-3 – фишки; 7-11 – керамика; 4-6 – камень.

Fig. 13. Sidorovo hillfort. Sinkers and billets: 1-3 – counters (chips), 7-11 – ceramics; 4-6 – stone.

Abb. 13. Prähistorische Siedlung Sidorovo. Angelbleie und Werkstücke: 1-3 – Spielmarken; 7-11 – Keramik; 4-6 – Stein.

Dess. 13. Le site de Sidorovo. Plombs et préfabriqués: 1-3 – pions; 7-11 – céramiques; 4-6 – cailloux

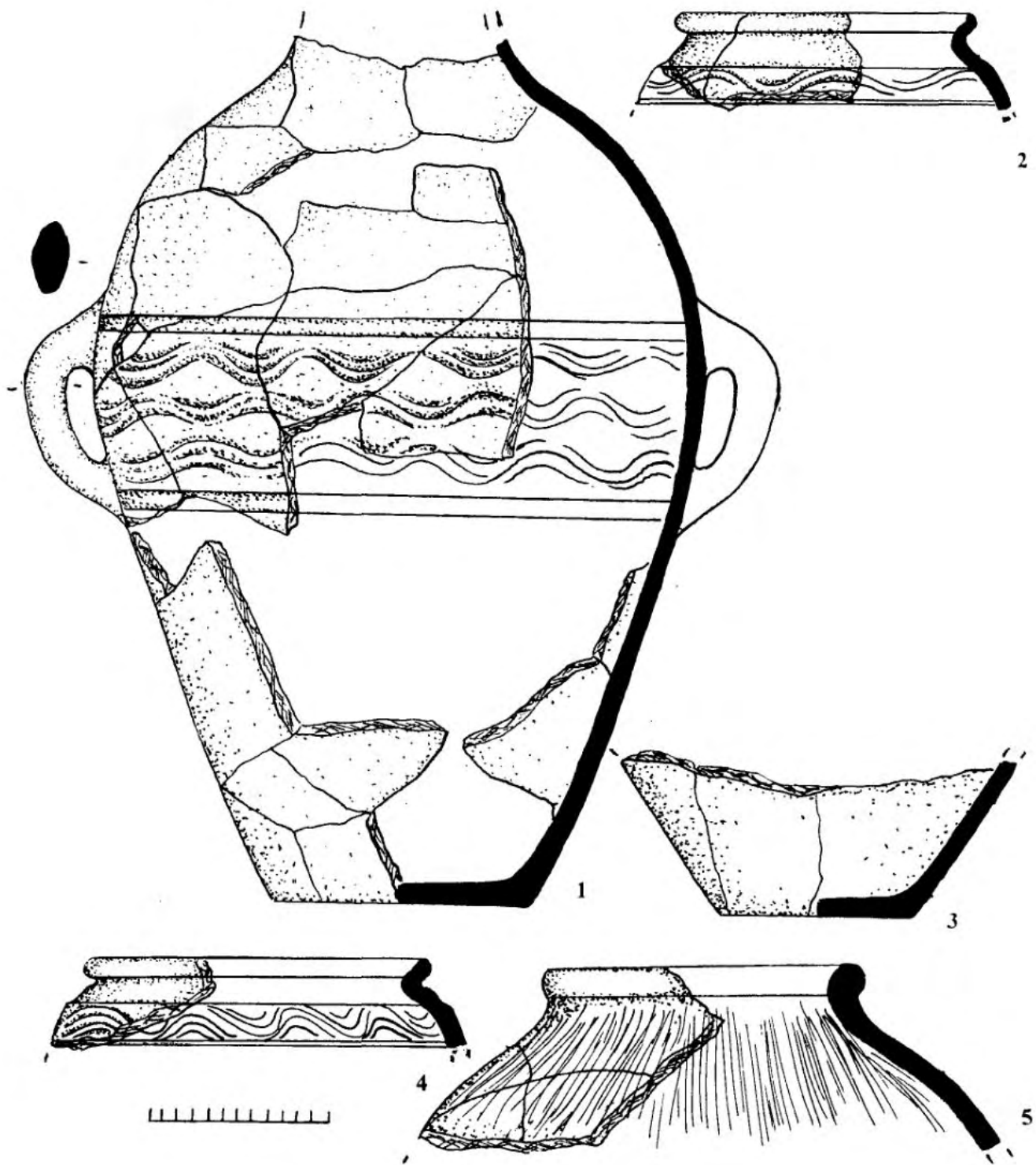

Рис. 14. Сидорово 2000. Керамические сосуды. 1 – пом. 4, раскоп 1, хоз. яма 3; 2 – пом. 3; 3 – хоз. яма 9; 4 – раскоп 2, хоз. яма 1; 5 – хоз. яма 17.

Fig. 14. Sidorovo 2000. Ceramic vessels. 1 – premises 4, excavation site 1 household pit 3; 2 – premises 3; 3 – household pit 9; 4 – excavation site 2, household pit 1; 5 – household pit 17.

Abb. 14. Sidorovo 2000. Keramikgefäße. 1 – Raum 4, die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3; 2 – Raum 3; 3 – Haushaltsgrube 9; 4 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 5 – Haushaltsgrube 17.

Dess. 14. Sidorovo 2000. Récipients en céramique. 1 – logis 4, fouille 1, fosse ménag. 3; 2 – logis 3; 3 – fosse ménag. 9, 4 – fouille 2, fosse ménag. 1; 5 – fosse ménag. 17

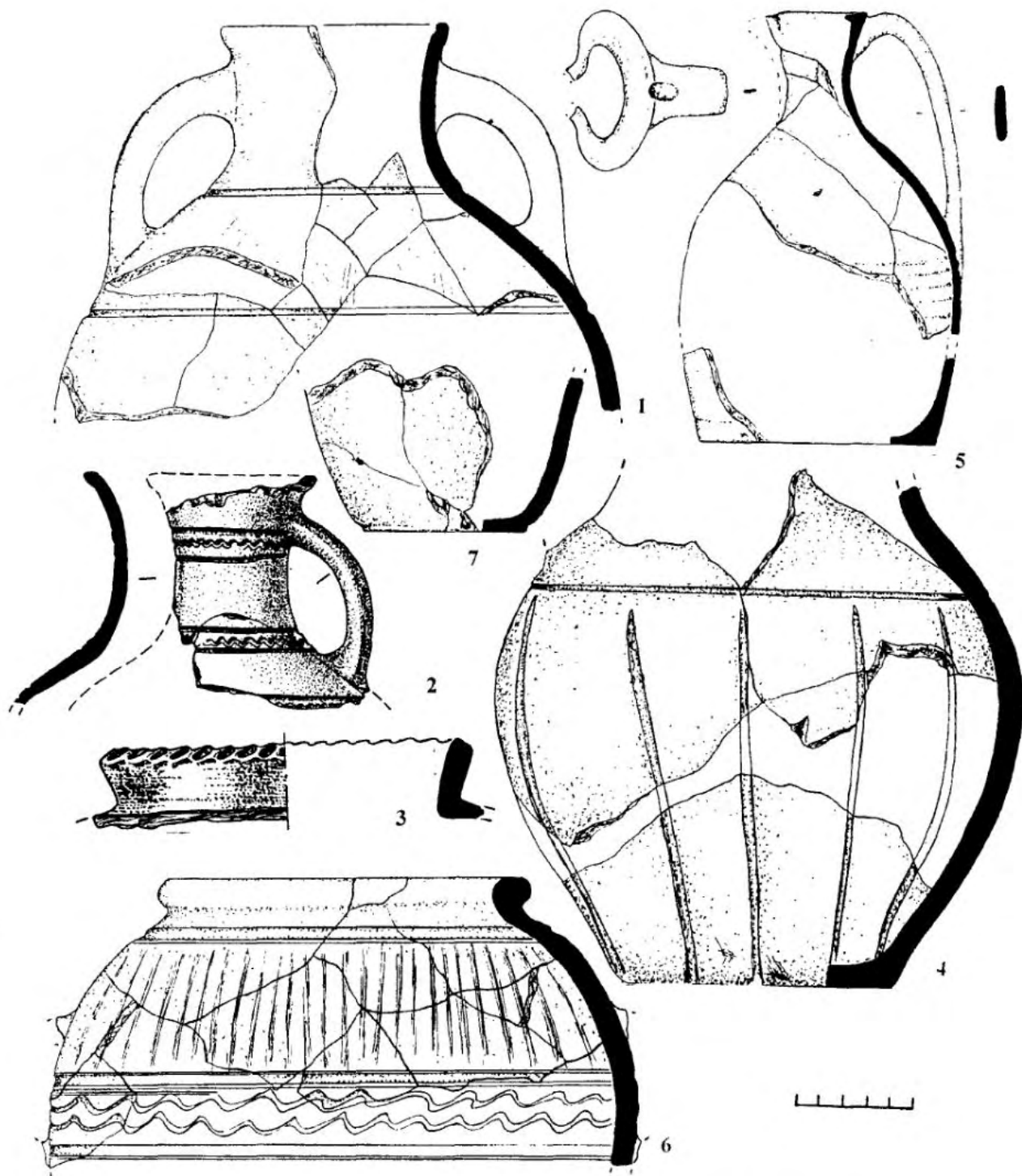

Рис. 15. Сидорово 2000. Малое городище. Керамика. 1 – раскоп 1, хоз. яма 3; 2 – хоз. яма 1 (1998 г.); 3 – хоз. яма 2 (1998 г.); 4 – раскоп 2, хоз. яма 1; 5 – раскоп 2, хоз. яма 4; 6, 7 – пом.3.

Fig. 15. Sidorovo 2000. Small hillfort. Ceramics. 1 – excavation site 1, household pit 3; 2 – household pit 1 (1998); 3 – household pit 2 (1998); 4 – excavation site 2, household pit 1; 5 – excavation site 2, household pit 4; 6, 7 – premises 3.

Abb. 15. Sidorovo 2000. Kleine prähistorische Siedlung. Keramik. 1 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3; 2 – Haushaltsgrube 1 (1998); 3 – Haushaltsgrube 2 (1998); 4 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 5 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 4; 6, 7 – Raum 3.

Dess. 15. Sidorovo 2000. La petite bourgade. Céramiques. 1 – fouille 1, fosse ménag. 3; 2 – fosse ménag. 1 (1998); 3 – fosse ménag. 2 (1998); 4 – fouille 2, fosse ménag. 1; 5 – fouille 2, fosse ménag. 4; 6, 7 – logis 3

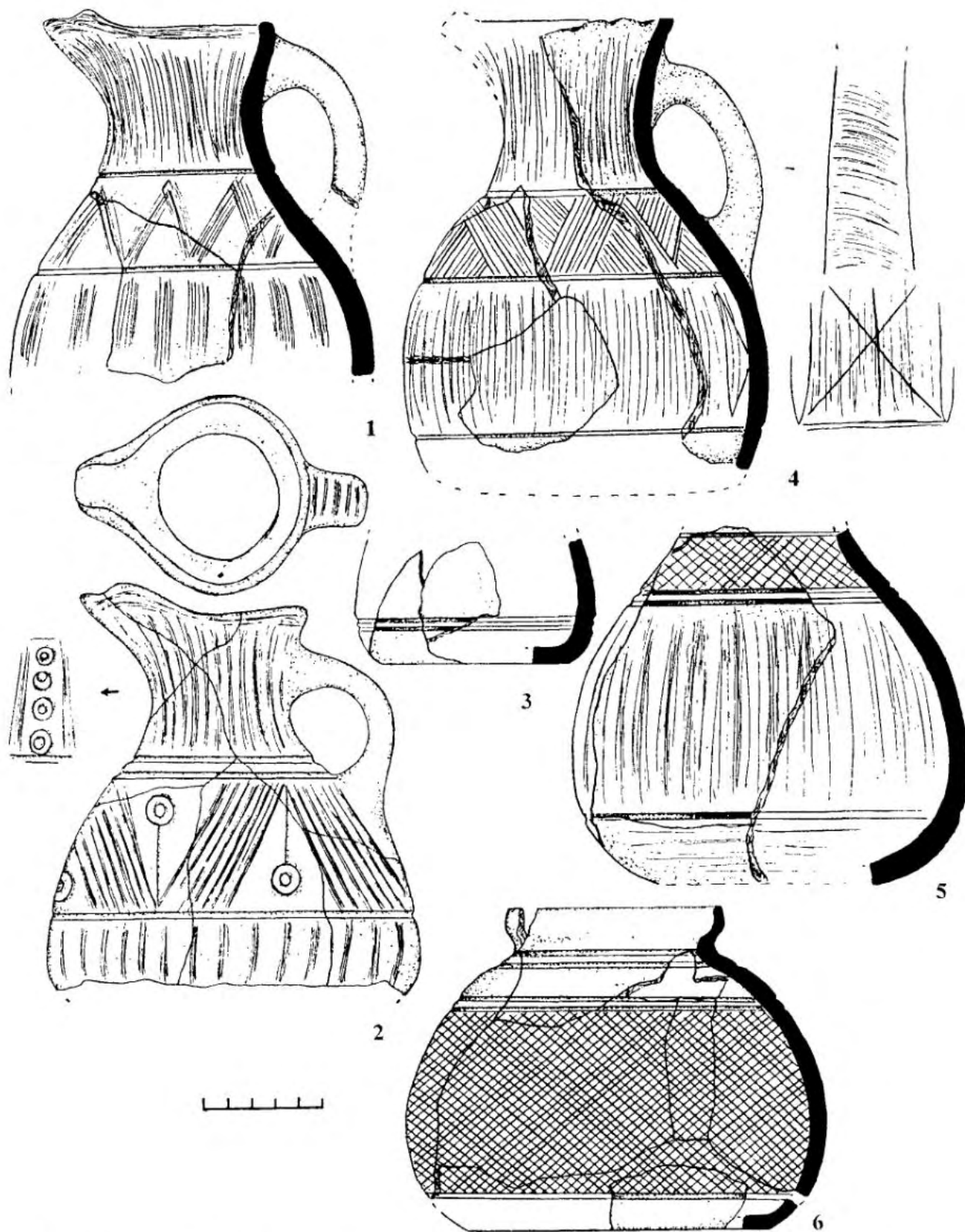

Рис. 16. Сидорово 2000. Столовая керамика. 1 – хоз. яма 2э; 2 – хоз. яма 17; 3 – раскоп 2, хоз. яма 1; 4, 6 – пом 3; 5 – раскоп 1, хоз. яма 3.

Fig. 16. Sidorovo 2000. Table ceramics. 1 – household pit 2э; 2 – household pit 17; 3 – excavation site 2, household pit 1; 4, 6 – premises 3; 5 – excavation site 1, household pit 3.

Abb. 16. Sidorovo 2000. Tischkeramik. 1 – Haushaltsgrube 2э; 2 – Haushaltsgrube 17; 3 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 4, 6 – Raum 3; 5 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3.

Dess. 16. Sidorovo 2000. Céramiques de table. 1 – fosse ménag 2э; 2 – fosse ménag. 17; 3 – fouille 2, fosse ménag. 1; 4, 6 – logis 3; 5 – fouille 1, fosse ménag. 3

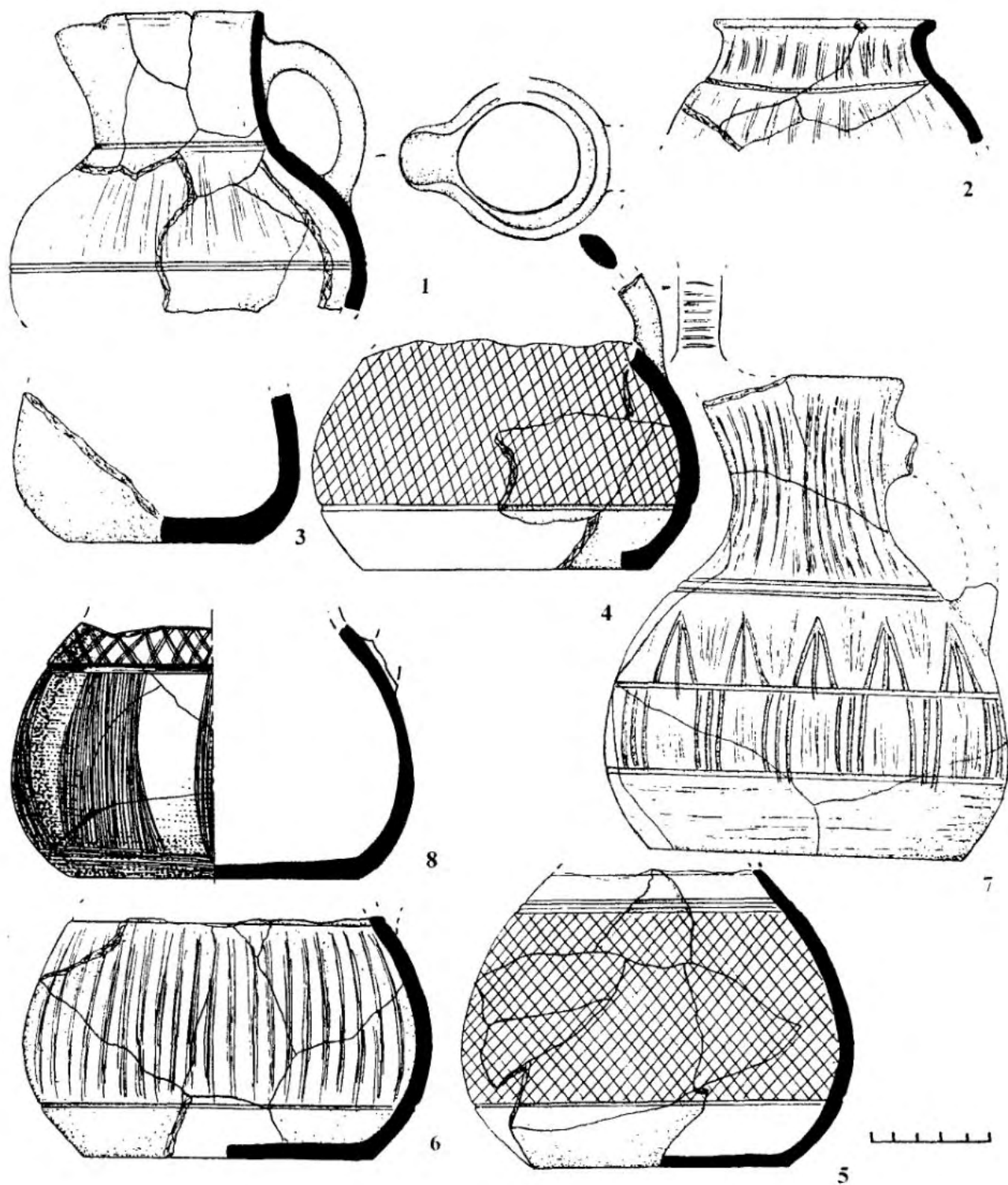

Рис. 17. Сидорово. Столовая керамика. 1, 3, 4, 5 – пом.3; 6 – раскоп 2, хоз. яма 1; 7 – раскоп 1, хоз. яма 3; 2 – раскоп 2, хоз. яма 7; 8 – хоз. яма 3 (1998 г.).

Fig. 17. Sidorovo. Table ceramics. 1, 3, 4, 5 – premises 3; 6 – excavation site 2, household pit 1; 7 – excavation site 1, household pit 3; 2 – excavation site 2, household pit 7; 8 – household pit 3 (1998).

Abb. 17. Sidorovo. Tischkeramik. 1, 3, 4, 5 – Raum 3; 6 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 7 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3; 2 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 7; 8 – Haushaltsgrube 3 (1998).

Dess. 17. Sidorovo. Céramiques de table. 1, 3, 4, 5 – logis 3; 6 – fouille 2, fosse ménag. 1; 7 – fouille 1, fosse ménag. 3; 2 – fouille 2, fosse ménag. 7; 8 – fosse ménag. 3 (1998)

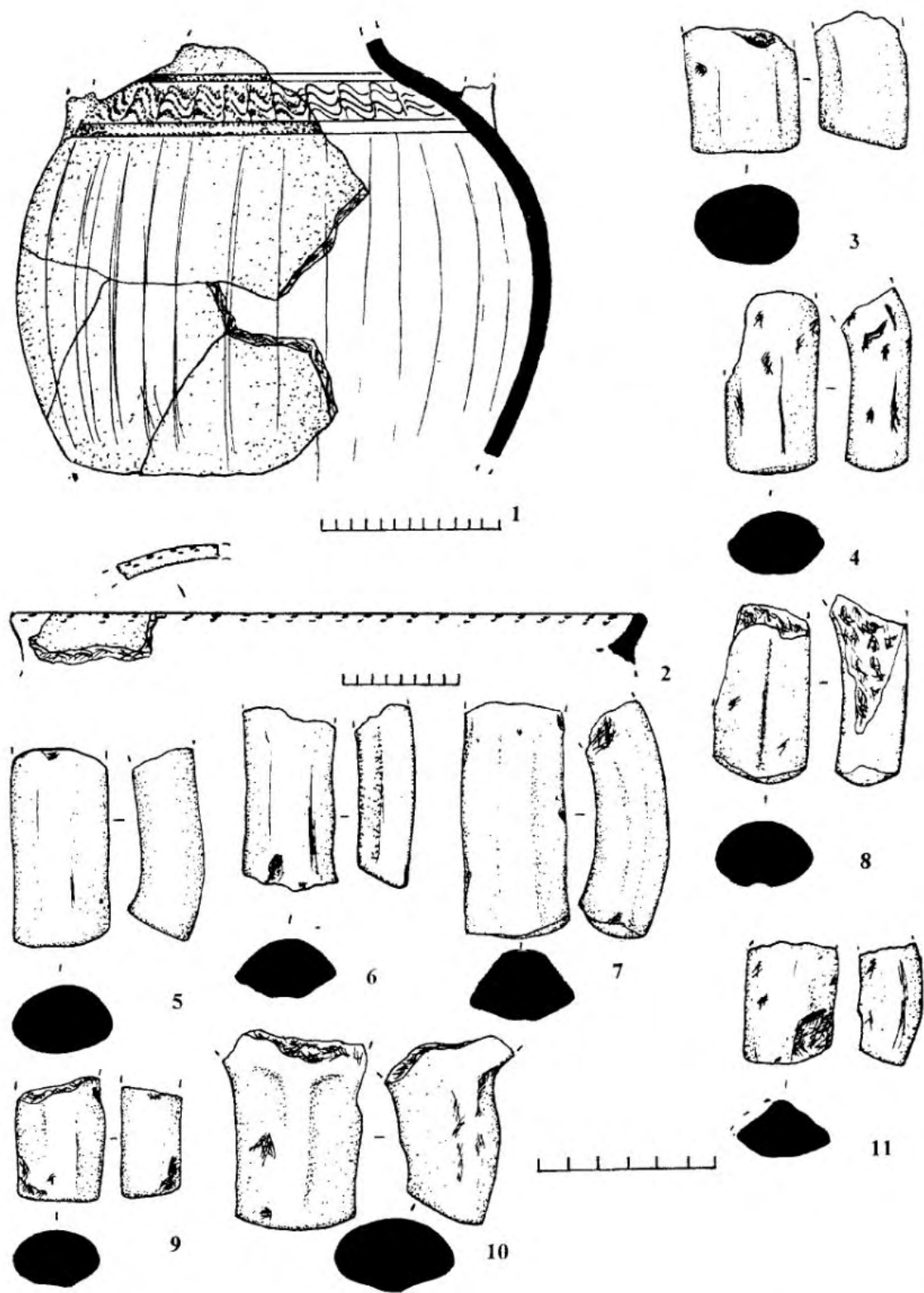

Рис. 18. Сидорово. Малое городище. Керамика (1, 2), керамические лощила (3-11). 1 – раскоп 2, хоз. яма 1; 2 – хоз. яма 9; 7 – пом.3; 3-6, 8-11 – подъемный материал.

Fig. 18. Sidorovo. Small hillfort. Ceramics (1, 2), ceramic polishers (3-11). 1 – excavation site 2, household pit 1; 2 – household pit 9; 7 – premises 3; 3-6, 8-11 – lifting material.

Abb. 18. Sidorovo. Kleine prähistorische Siedlung. Keramik (1, 2), keramische Glattwalze (3-11). 1 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 2 – Haushaltsgrube 9; 7 – Raum 3; 3-6, 8-11 – Fundsachen.

Dess. 18. Sidorovo. Le petit site. Céramiques (1, 2), instrument de polissage en céramique (3-11). 1 – fouille 2, fosse ménag. 1; 2 – fosse ménag. 9; 7 – logis 3; 3-6, 8-11 – objets trouvés par hasard

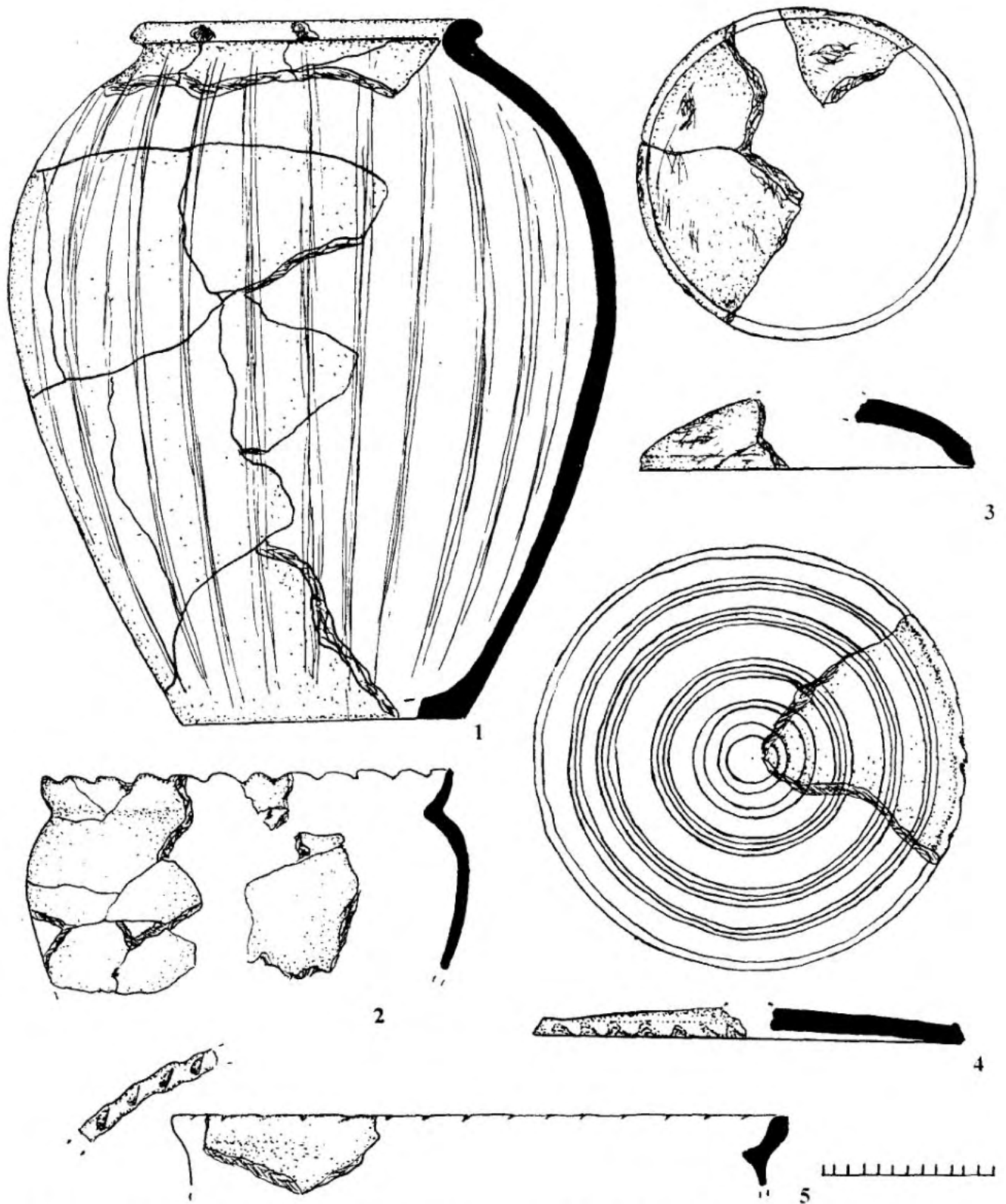

Рис. 19. Сидорово. Керамика. 1 – хоз. яма 2 (1998 г.); 2 – раскоп 1, хоз. яма 2; 3 – раскоп 2, пом.3, хоз. яма 1; 4 – подъемный материал; 5 – хоз. яма 12.

Fig. 19. Sidorovo. Ceramics. 1 – household pit 2 (1998); 2 – excavation site 1, household pit 2; 3 – excavation site 2, premises 3, household pit 1; 4 – lifting material; 5 – household pit 12.

Abb. 19. Sidorovo. Keramik. 1 – Haushaltsgrube 2 (1998); 2 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 2; 3 – die ausgegrabene Stelle 2, Raum 3 Haushaltsgrube 1; 4 – Fundsachen; 5 – Haushaltsgrube 12.

Dess. 19. Sidorovo. Céramiques. 1 – fosse ménag. 2 (1998); 2 – fouille 1, fosse ménag. 2; 3 – fouille 2, logis 3, fosse ménag. 1; 4 – objets trouvés par hasard; 5 – fosse ménag. 12

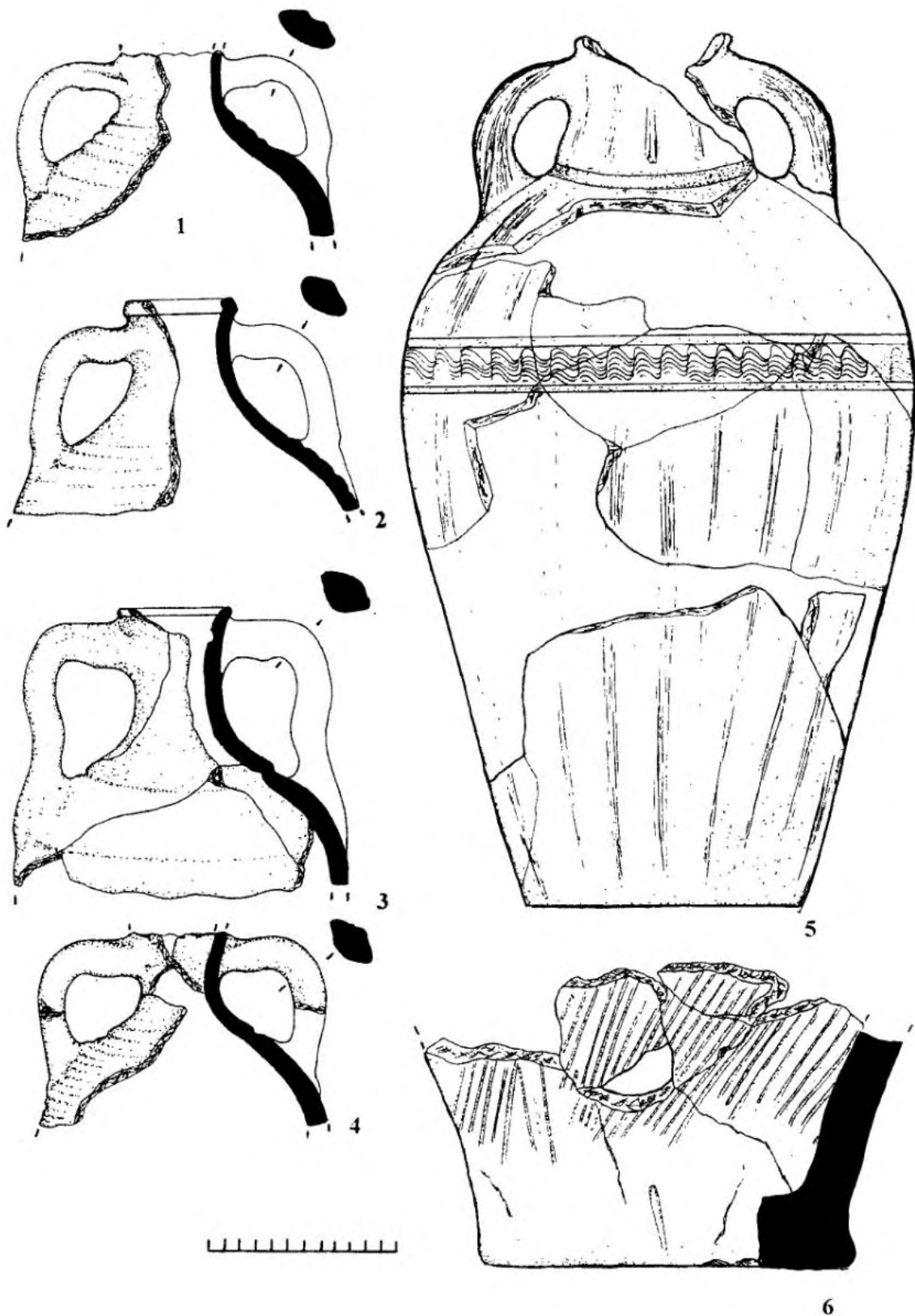

Рис. 20. Сидорово. Керамика. 1, 2 – раскоп 2, хоз. яма 1; 3, 5 – хоз. яма 2э; 6 – пом.4, очаг; 4 – пом.3.
 Fig. 20. Sidorovo. Ceramics. 1, 2 – excavation site 2, household pit 1; 3, 5 – household pit 2э; 6 – premises 4, hearth; 4 – premise 3.

Abb. 20. Sidorovo. Keramik. 1, 2 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 3, 5 – Haushaltsgrube 2э; 6 – Raum 4, Feuerstelle; 4 – Raum 3.

Dess. 20. Sidorovo. Céramiques. 1, 2 – fouille 2, fosse ménag. 1; 3, 5 – fosse ménag. 2э; 6 – logis 4, foyer; 4 – logis 3

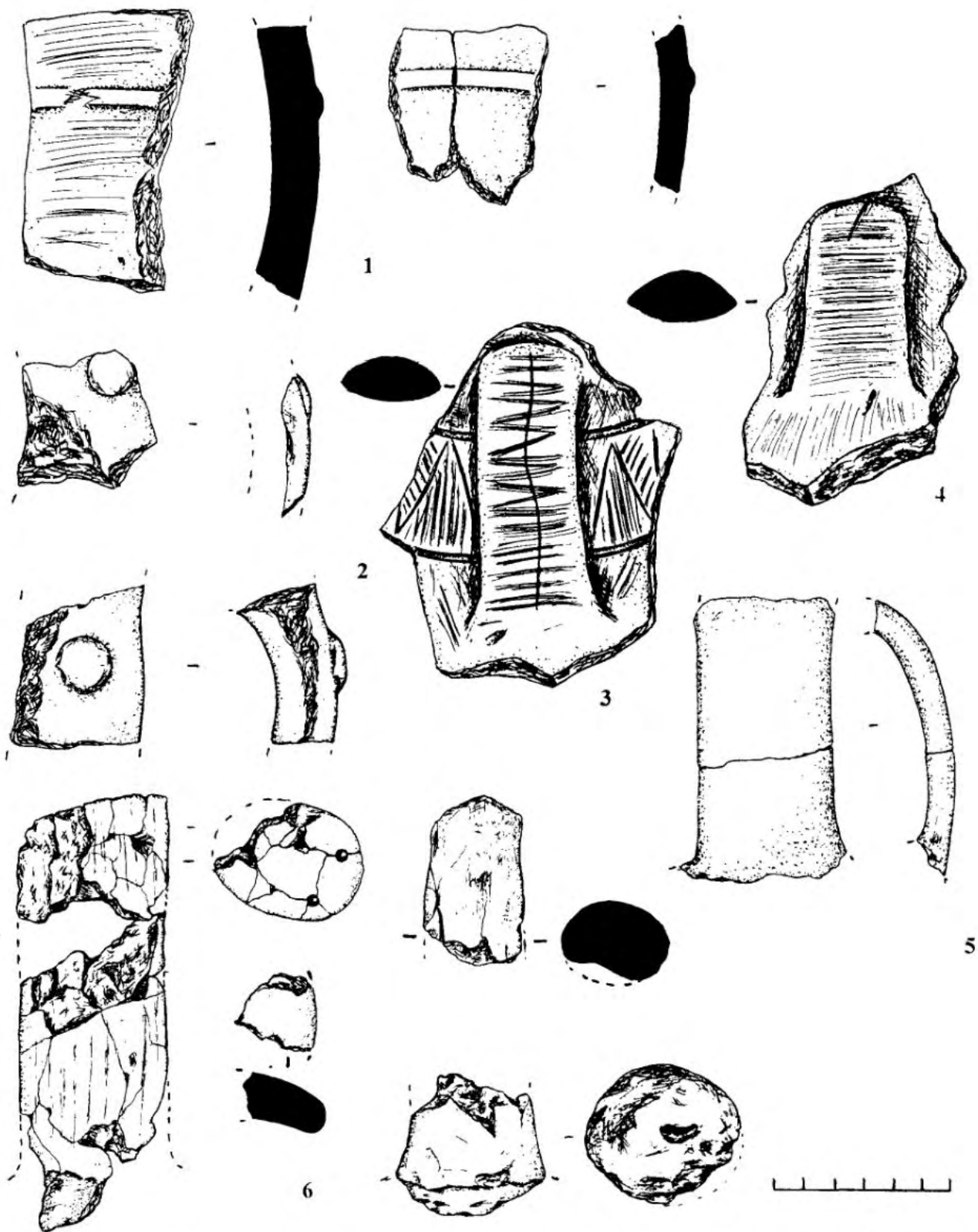

Рис. 21. Сидорово. Керамика. 1 – пом. 3; 2 – подъемный материал; 3, 4 – раскоп 2, хоз. яма 1; 5 – хоз. яма 4; 6 – заполнение горна 2.

Fig. 21. Sidorovo. Ceramics. 1 – premises 3; 2 – lifting material; 3, 4 – excavation site 2, household pit 1; 5 – household pit 4; 6 – filling of furnace 2.

Abb. 21. Sidorovo. Keramik. 1 – Raum 3; 2 – Fundsachen; 3, 4 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 5 – Haushaltsgrube 4; 6 – Herdfüllung 2.

Dess. 21. Sidorovo. Céramiques. 1 – logis 3; 2 – objets trouvés par hasard; 3, 4 – fouille 2, fosse ménag. 1; 5 – fosse ménag. 4; 6 – contenu du four 2

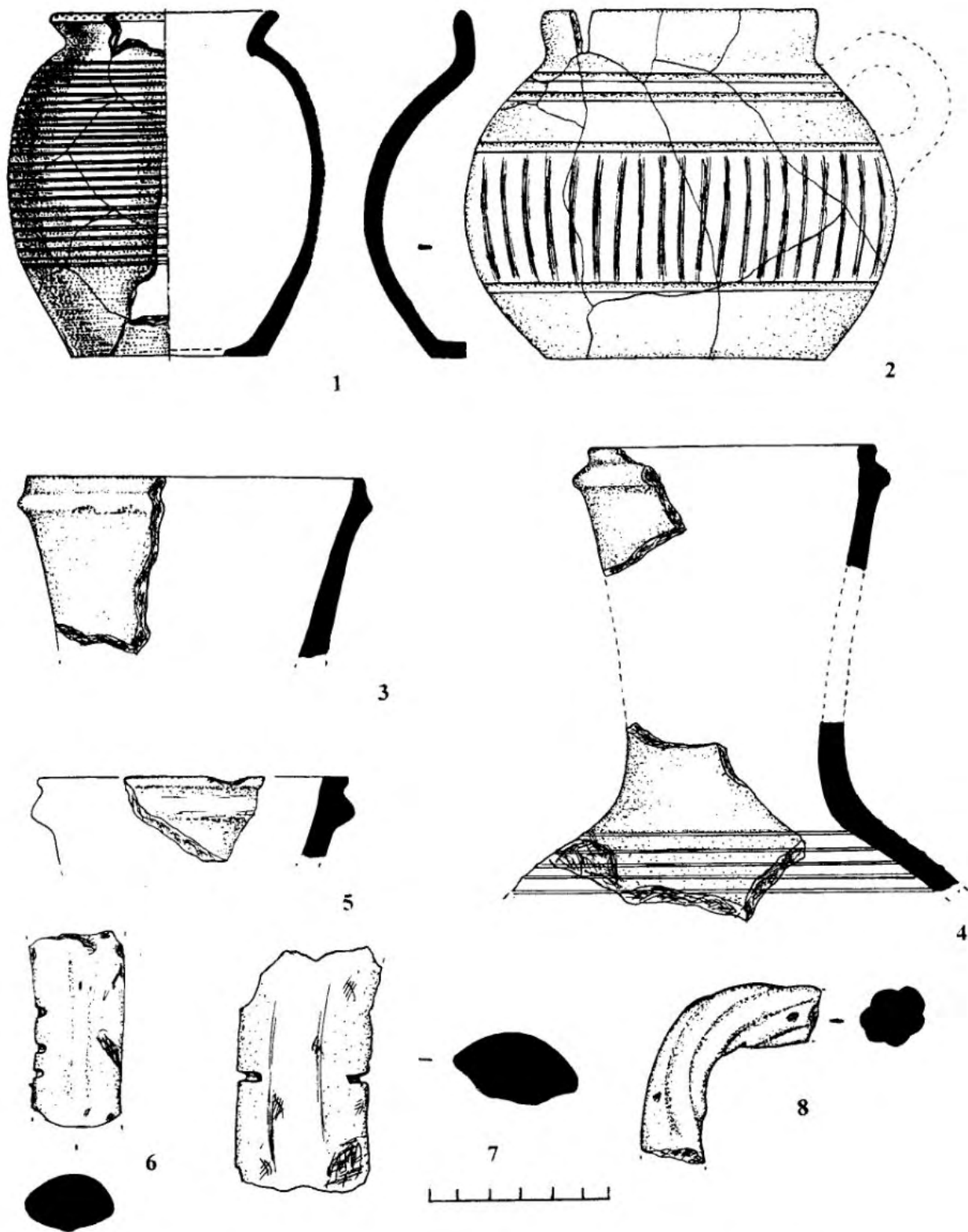

Рис. 22. Сидорово. Керамический комплекс. 1 – хоз. яма (1998 г.); 2, 5 – пом.3 (дно), горн 2; 3 – раскоп 2, хоз. яма 4; 4 – пом.3 (дно); 6-8 – подъемный материал.

Fig. 22. Sidorovo. Ceramic complex. 1 – household pit 1 (1998); 2, 5 – premises 3 (bottom), furnace 2; 3 – excavation site 2, household pit 4; 4 – premises 3 (bottom); 6-8 – lifting material.

Abb. 22. Sidorovo. Keramikkomplex. 1 – Haushaltsgrube (1998); 2, 5 – Raum 3 (Grundboden), Herd 2; 3 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 4; 4 – Raum 3, (Grundboden); 6-8 – Fundsachen.

Dess. 22. Sidorovo. Complex en céramique. 1 – fosse ménag. (1998); 2,5 – logis 3 (fond), fourneau 2; 3 – fouille 2, fosse ménag. 4; 4 – logis 3 (fond); 6-8 – objets trouvés par hasard

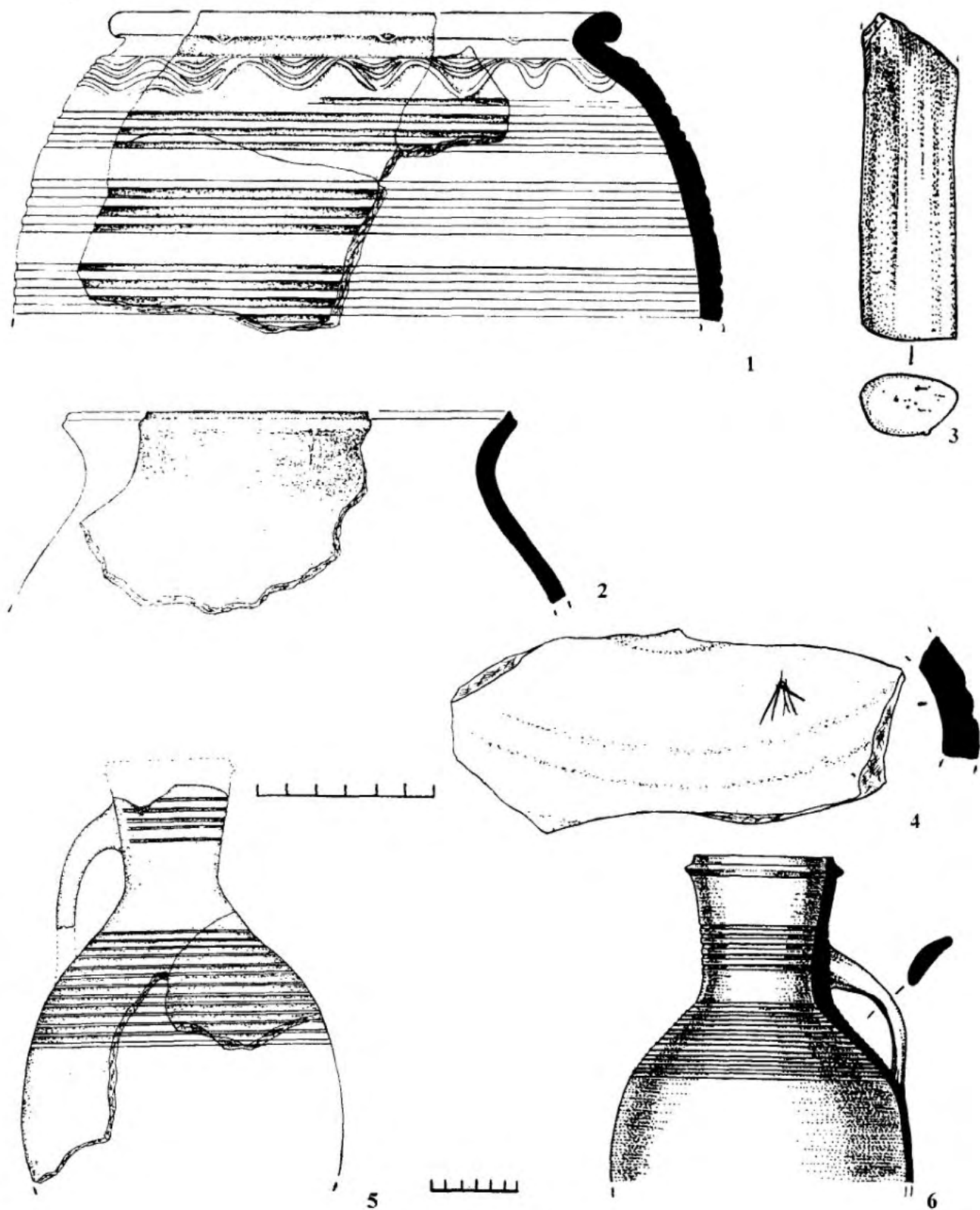

Рис. 23. Сидорово. Керамика. 1, 2, 4 – пом.3; 3, 6 – хоз. яма 2 (1988 г.); 5 – раскоп 1, хоз. яма 6.

Fig. 23. Sidorovo. Ceramics. 1, 2, 4 – premises 3; 3, 6 – household pit 2 (1998); 5 – excavation site 1, household pit 6.

Abb. 23. Sidorovo. Keramik. 1, 2, 4 – Raum 3; 3, 6 – Haushaltsgrube 2 (1998); 5 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6.

Dess. 23. Sidorovo. Céramiques. 1, 2, 4 – logis 3; 3, 6 – fosse ménag. 2 (1998); 5 – fouille 1, fosse ménag. 6

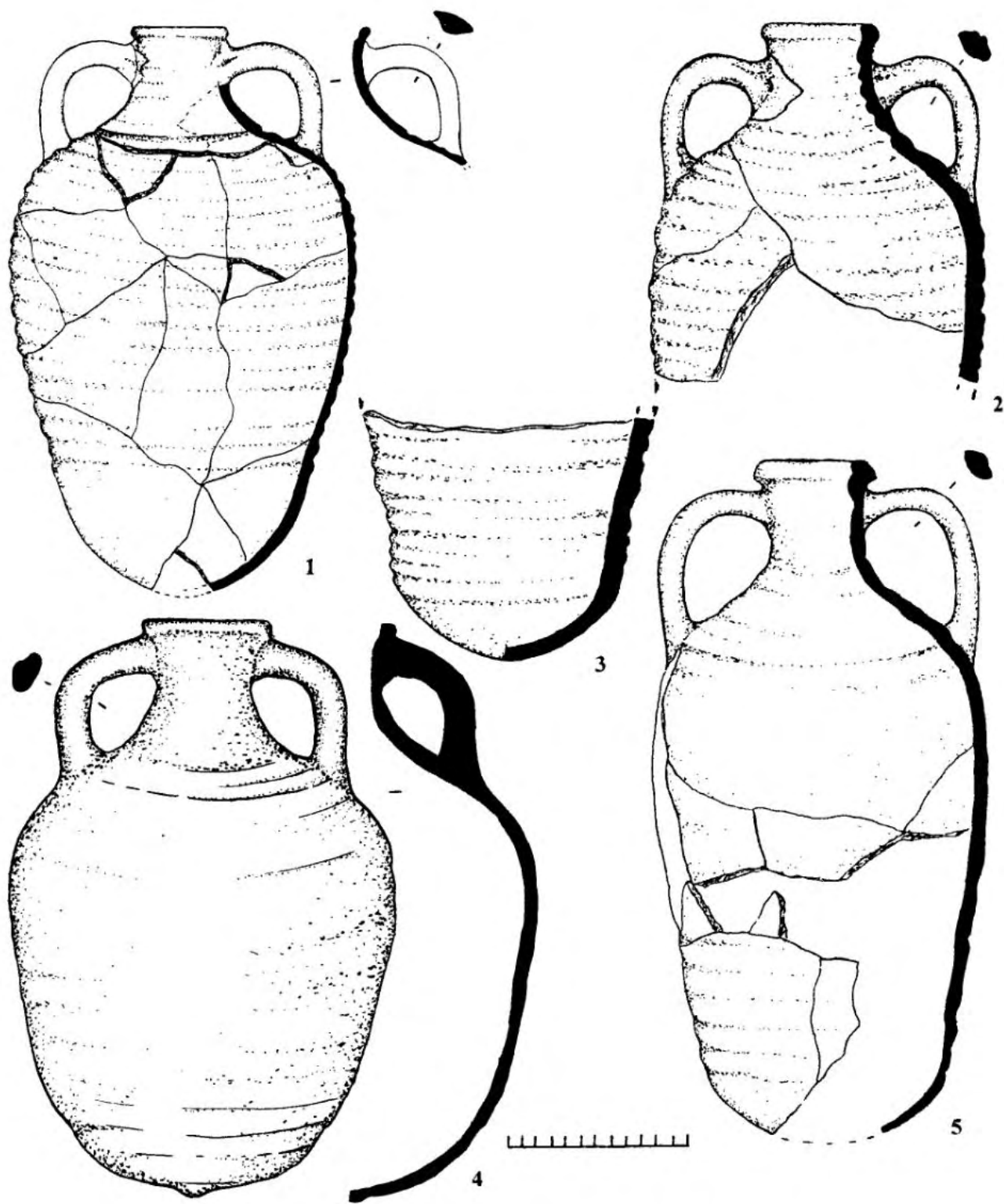

Рис. 24. Сидорово. Амфорная тара. 1 – пом.3 (дно), горн 2 заполнение; 2 – раскоп 2, хоз. яма 4; 3 – горн 1; 4 – хоз. яма 2э; 5 – пом.3.

Fig. 24. Sidorovo. Amphora tare. 1 – premises 3 (bottom), furnace 2 billing; 2 – excavation site 2, household pit 4; 3 – furnace 1; 4 – household pit 2э; 5 – premises 3.

Abb. 24. Sidorovo. Amphorenverpackung. 1 – Raum 3 (Grundboden), Herd 2, Füllung; 2 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 4; 3 – Herd 1; 4 – Haushaltsgrube 2э; 5 – Raum 3.

Dess. 24. Sidorovo. Matériel d'emballage d'amphores. 1 – logis 3 (fond), four 2 contenu (remblai); 2 – fouille 2, fosse ménag. 4; 3 – four 1; 4 – fosse ménag. 2э; 5 – logis 3

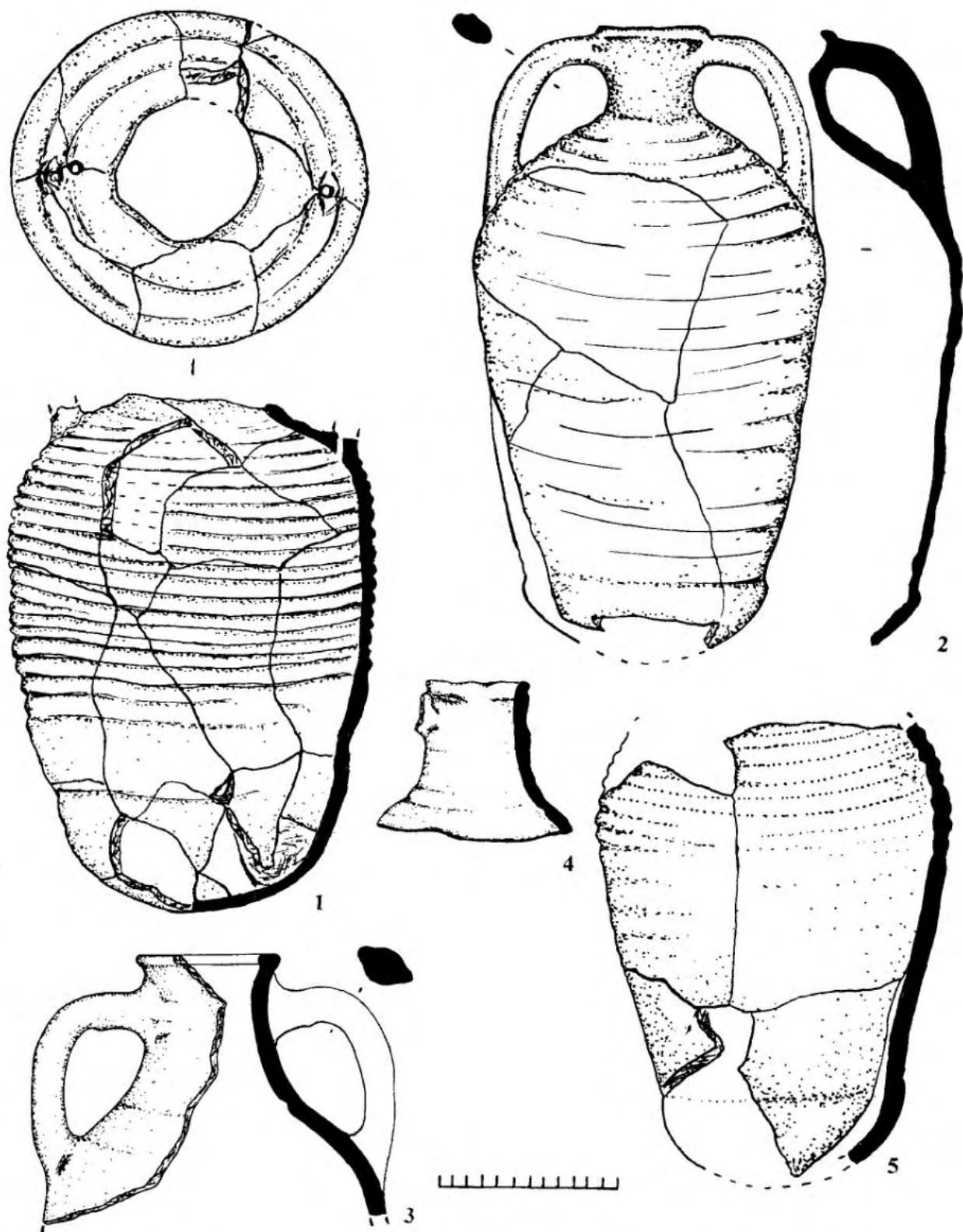

Рис. 25. Сидорово. Амфорная тара. 1 – раскоп 1, хоз. яма 3; 2 – хоз. яма 2э; 3 – горн 1; 4 – пом.3; 5 – склон Среднего Яра.

Fig. 25. Sidorovo. Amphora tare. 1 – excavation site 1, household pit 3; 2 – household pit 2э; 3 – furnace 1; 4 – premises 3; 5 – slope of Sredniy Jar.

Abb. 25. Sidorovo. Amphorenverpackung. 1 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3; 2 – Haushaltsgrube 2э; 3 – Herd 1; 4 – Raum 3; 5 – Hang von Srednij Jar.

Dess. 25. Sidorovo. Matériel d'emballage d'amphores. 1 – fouille 1, fosse ménag. 3; 2 – fosse ménag. 2э; 3 – fourneau 1; 4 – logis 3; 5 – pente du Ravin Moyen (Sredny Jar)

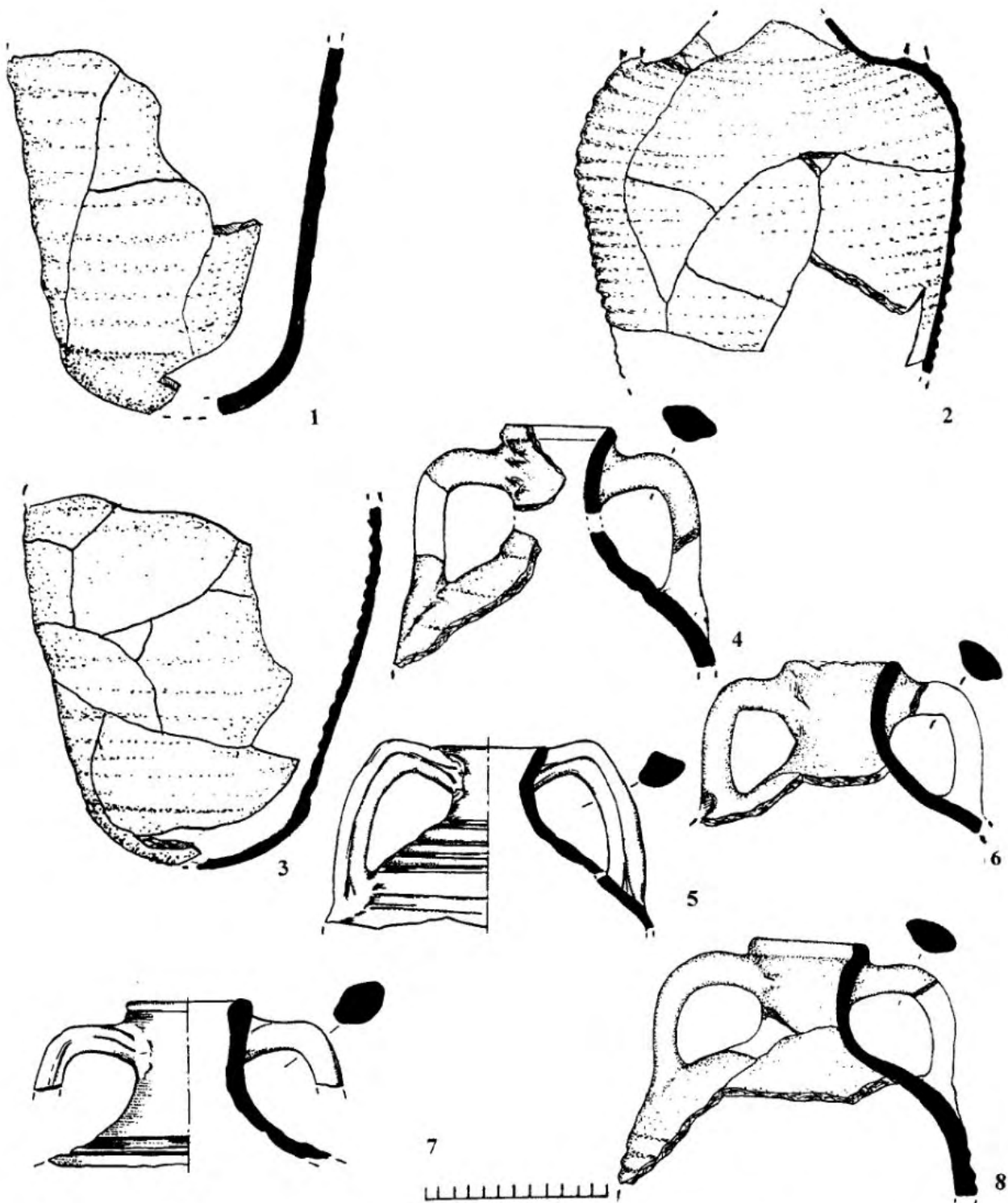

Рис. 26. Сидорово. Амфорная тара. 1 – пом.3; 2 – раскоп 1, хоз. яма 6; 3 – раскоп 2, хоз. яма 4; 4 – пом.3, хоз. яма 1, раскоп 2; 5, 7 – хоз. яма 2 (1998); 6 – хоз. яма 11; 8 – раскоп 1, хоз. яма 6.

Fig. 26. Sidorovo. Amphora tare. 1 – premise 3; 2 – excavation site 1, household pit 6; 3 – excavation site 2, household pit 4; 4 – premises 3, household pit 1, excavation site 2; 5, 7 – household pit 2 (1998); 6 – household pit 11; 8 – excavation site 1, household pit 6.

Abb. 26. Sidorovo. Amphorenverpakung. 1 – Raum 3; 2 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6; 3 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 4; 4 – Raum 3, Haushaltsgrube 1, die ausgegrabene Stelle 2; 5, 7 – Haushaltsgrube 2 (1998); 6 – Haushaltsgrube 11; 8 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6.

Dess. 26. Sidorovo. Matériel d'emballage d'amphores. 1 – logis 3; 2 – fouille 1, fosse ménag. 6; 3 – fouille 2, fosse ménag. 4; 4 – logis 3, fosse ménag. 1, fouille 2; 5, 7 – fosse ménag. 2 (1998); 6 – fosse ménag. 11; 8 – fouille 1, fosse ménag. 6

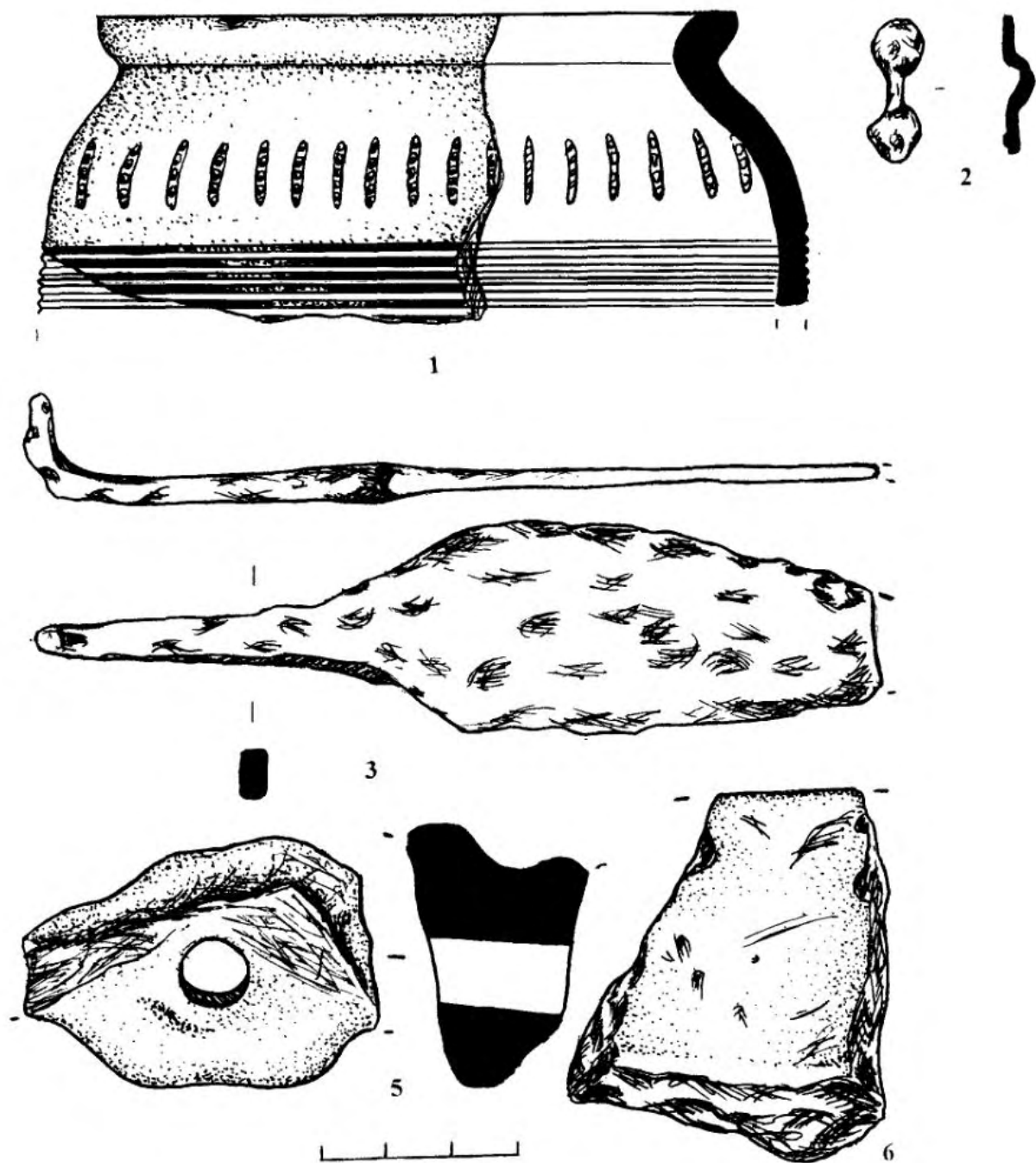

Рис. 27. Сидорово. Подъемный материал. 1, 5, 6 – керамика; 2, 3 – железо.

Fig. 27. Sidorovo. Lifting material. 1, 5, 6 – ceramics; 2, 3 – iron.

Abb. 27. Sidorovo. Fundsachen. 1, 5, 6 – Keramik; 2, 3 – Eisen.

Dess. 27. Sidorovo. Objets trouvés par hasard. 1, 5, 6, – céramiques; 2, 3 – objets en fer

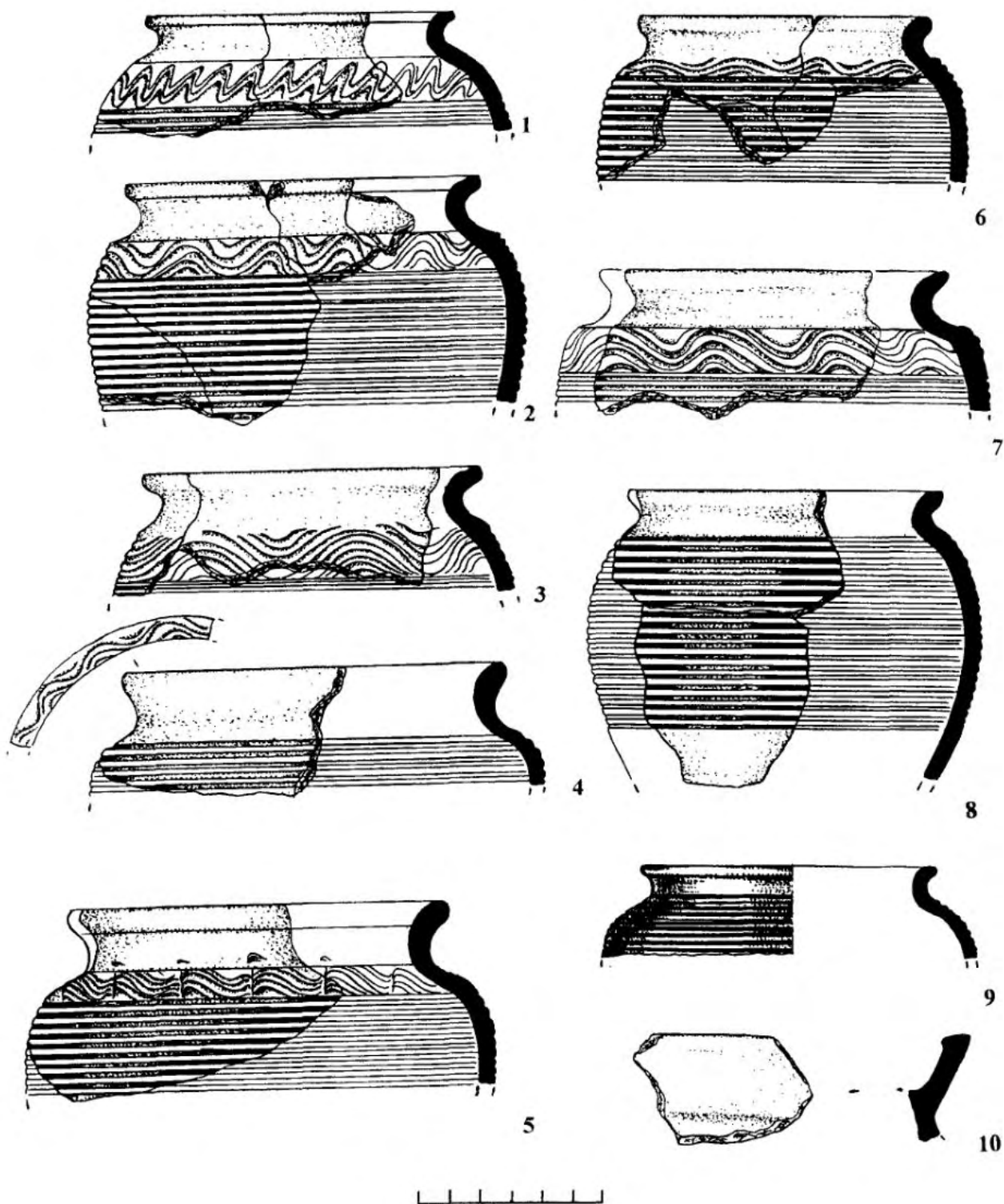

Рис. 28. Сидорово. Кухонная керамика. 1, 6, 7, 10 – пом.3; 2, 3 – раскоп 1, хоз. яма 6; 4 – раскоп 1, верхний слой; 5, 8 – хоз. яма 11; 9 – хоз. яма 2 (1998 г.).

Fig. 28. Sidorovo. Kitchen ceramics. 1, 6, 7, 10 – premises 3; 2, 3 – excavation site 1, household pit 6; 4 – excavation site 1, upper layer; 5, 8 – household pit 11; 9 – household pit 2 (1998).

Abb. 28. Sidorovo. Küchenkeramik. 1, 6, 7, 10 – Raum 3; 2, 3 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6; 4 – die ausgegrabene Stelle 1, obere Schicht; 5, 8 – Haushaltsgrube 11; 9 – Haushaltsgrube 2 (1998).

Dess. 28. Sidorovo. Céramiques de table. 1, 6, 7, 10 – logis 3; 2, 3 – fouille 1, fosse ménag. 6; 4 – fouille 1, couche supérieur; 5, 8 – fosse ménag. 11; 9 – fosse ménag. 2 (1998)

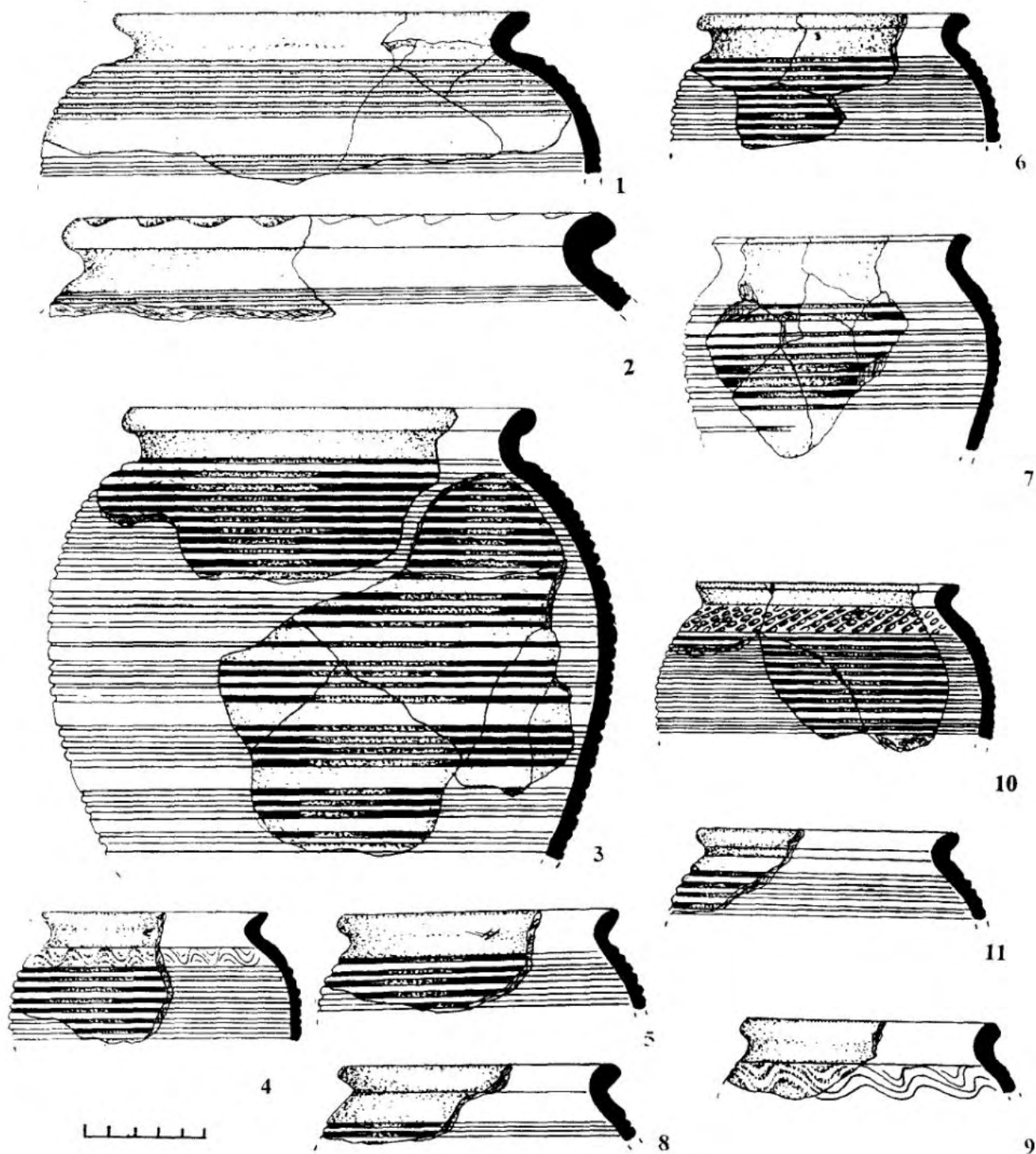

Рис. 29. Сидорово. Кухонная керамика. 1, 2, 4, 10, 11 – пом.3; 3, 5 – раскоп 1, хоз. яма 6; 6 – раскоп 2, хоз. яма 2; 7 – пом.4; 8 – пом.3 (дно); 9 – горн 1.

Fig. 29. Sidorovo. Kitchen ceramics. 1, 2, 4, 10, 11 – premises 3; 3, 5 – excavation site 1, household pit 6; 6 – excavation site 2, household pit 2; 7 – premises 4; 8 – premises 3 (bottom); 9 – furnace 1.

Abb. 29. Sidorovo. Küchenkeramik. 1, 2, 4, 10, 11 – Raum 3; 3, 5 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6; 6 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 2; 7 – Raum 4; 8 – Raum 3 (Grundboden); 9 – Herd 1.

Dess. 29. Sidorovo. Céramiques de table. 1, 2, 4, 10, 11 – logis 3; 3, 5 – fouille 1, fosse ménag. 6; 6 – fouille 2, fosse ménag. 2; 7 – logis 4; 8 – logis 3 (fond); 9 – fourneau 1

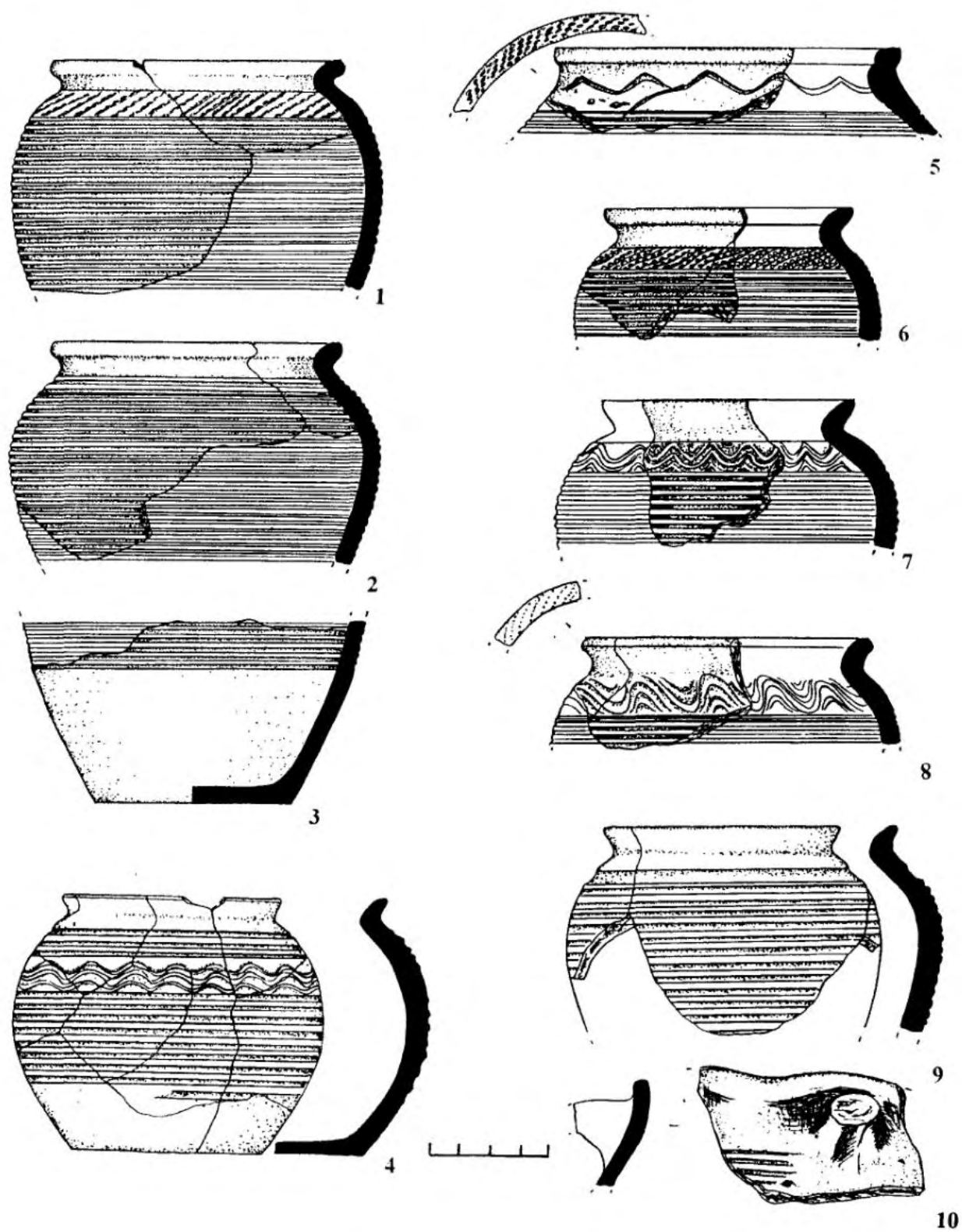

Рис. 30. Сидорово. Кухонная керамика. 1-9 – пом.3; 10 – хоз. яма 9.
 Fig. 30. Sidorovo. Kitchen ceramics. 1-9 – premises 3; 10 – household pit 9.
 Abb. 30. Sidorovo. Küchenkeramik. 1-9 – Raum 3; 10 – Haushaltsgrube 9.
 Dess. 30. Sidorovo. Céramiques de table. 1-9 – logis 3; 10 – fosse ménag. 9

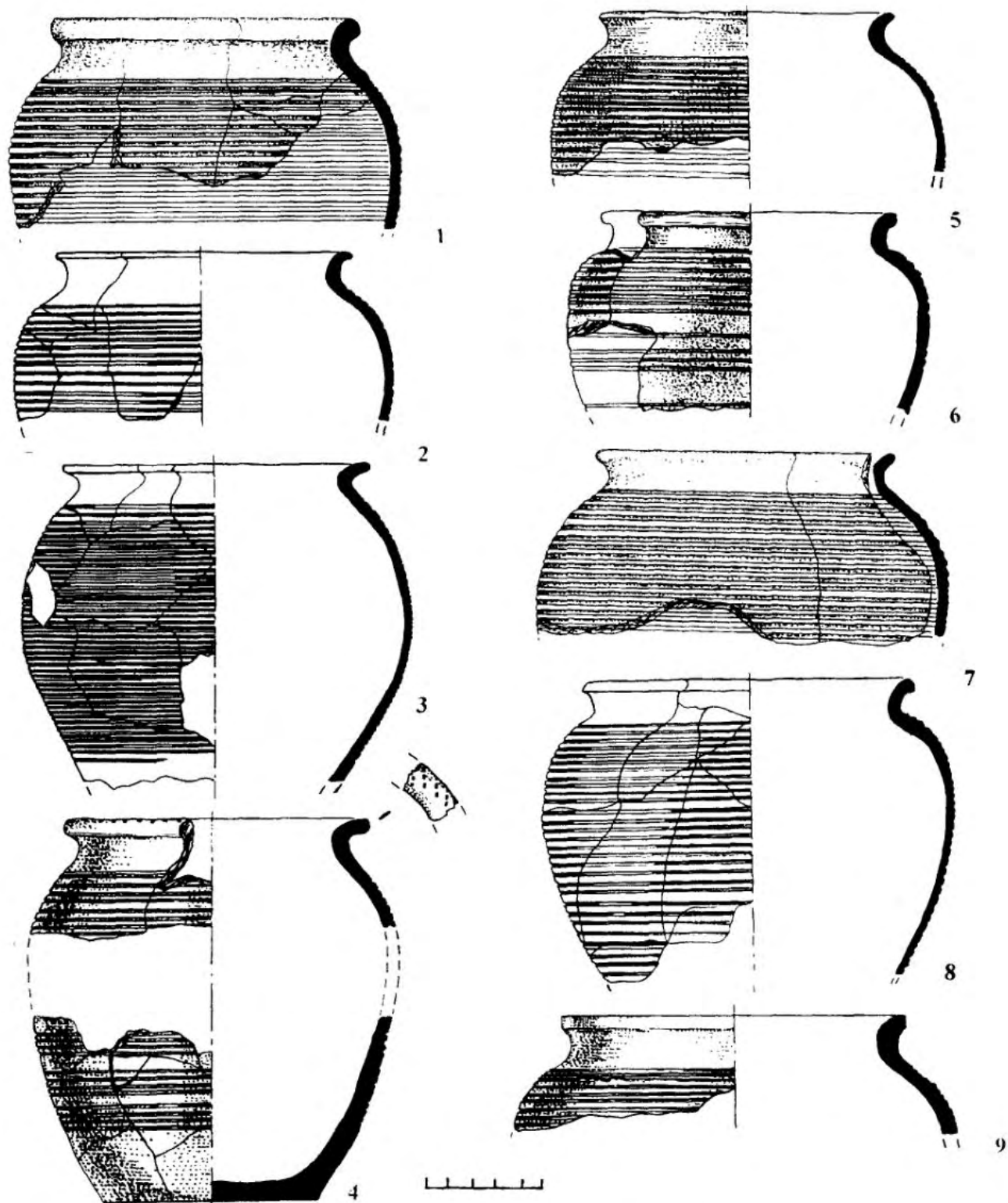

Рис. 31. Сидорово. Кухонная керамика. 1 – раскоп 1, хоз. яма 4; 2, 3, 5, 6, 8, 9 – хоз. яма 2 (1998 г.); 4 – хоз. яма 3 (1998 г.); 7 – раскоп 2, хоз. яма 2.

Fig. 31. Sidorovo. Kitchen ceramics. 1 – excavation site 1, household pit 4; 2, 3, 5, 6, 8, 9 – household pit 2 (1998); 4 – household pit 3 (1998); 7 – excavation site 2, household pit 2.

Abb. 31. Sidorovo. Küchenkeramik. 1 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 4; 2, 3, 5, 6, 8, 9 – Haushaltsgrube 2 (1998); 4 – Haushaltsgrube 3 (1998); 7 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 2.

Dess. 31. Sidorovo. Céramiques de table. 1 – fouille 1, fosse ménag. 4; 2, 3, 5, 6, 8, 9 – fosse ménag. 2 (1998); 4 – fosse ménag. 3 (fond); 7 – fouille 2, fosse ménag. 2

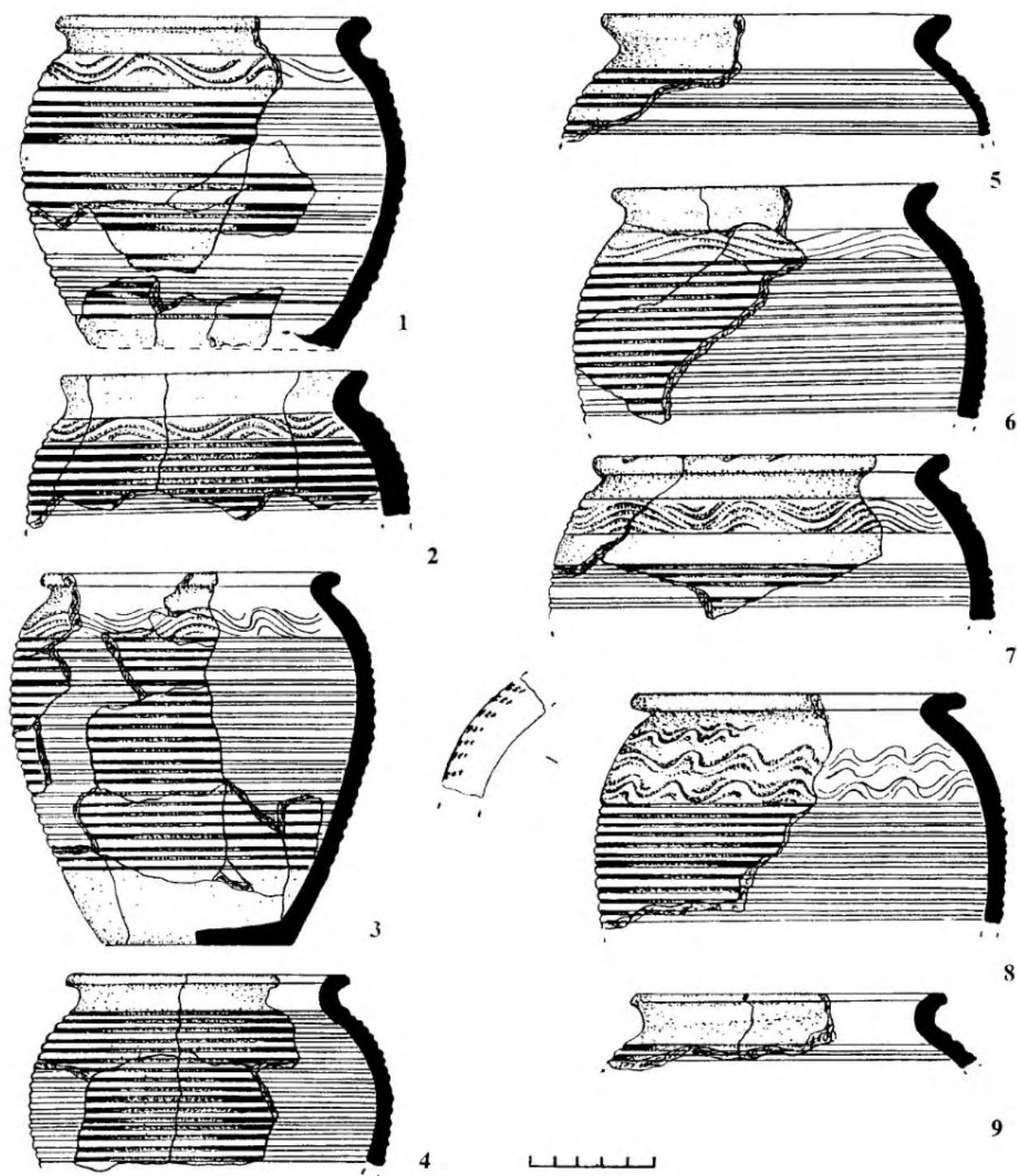

Рис. 32. Сидорово. Кухонная керамика. 1, 2, 4 – пом.3; 3 – хоз. яма 17; 5 – раскоп 2, хоз. яма 6; 6, 7 – раскоп 2, хоз. яма 1; 8, 9 – хоз. яма 10.

Fig. 32. Sidorovo. Kitchen ceramics. 1, 2, 4 – premises 3; 3 – household pit 17; 5 – excavation site 2, household pit 6; 6, 7 – excavation site 2, household pit 1; 8, 9 – household pit 10.

Abb. 32. Sidorovo. Küchenkeramik. 1, 2, 4 – Raum 3; 3 – Haushaltsgrube 17; 5 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 6; 6, 7 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 1; 8, 9 – Haushaltsgrube 10.

Dess. 32. Sidorovo. Céramiques de table. 1, 2, 4 – logis 3; 3 – fosse ménag. 17; 5 – fouille 2, fosse ménag. 6; 6, 7 – fouille 2, fosse ménag. 1; 8, 9 – fosse ménag. 10

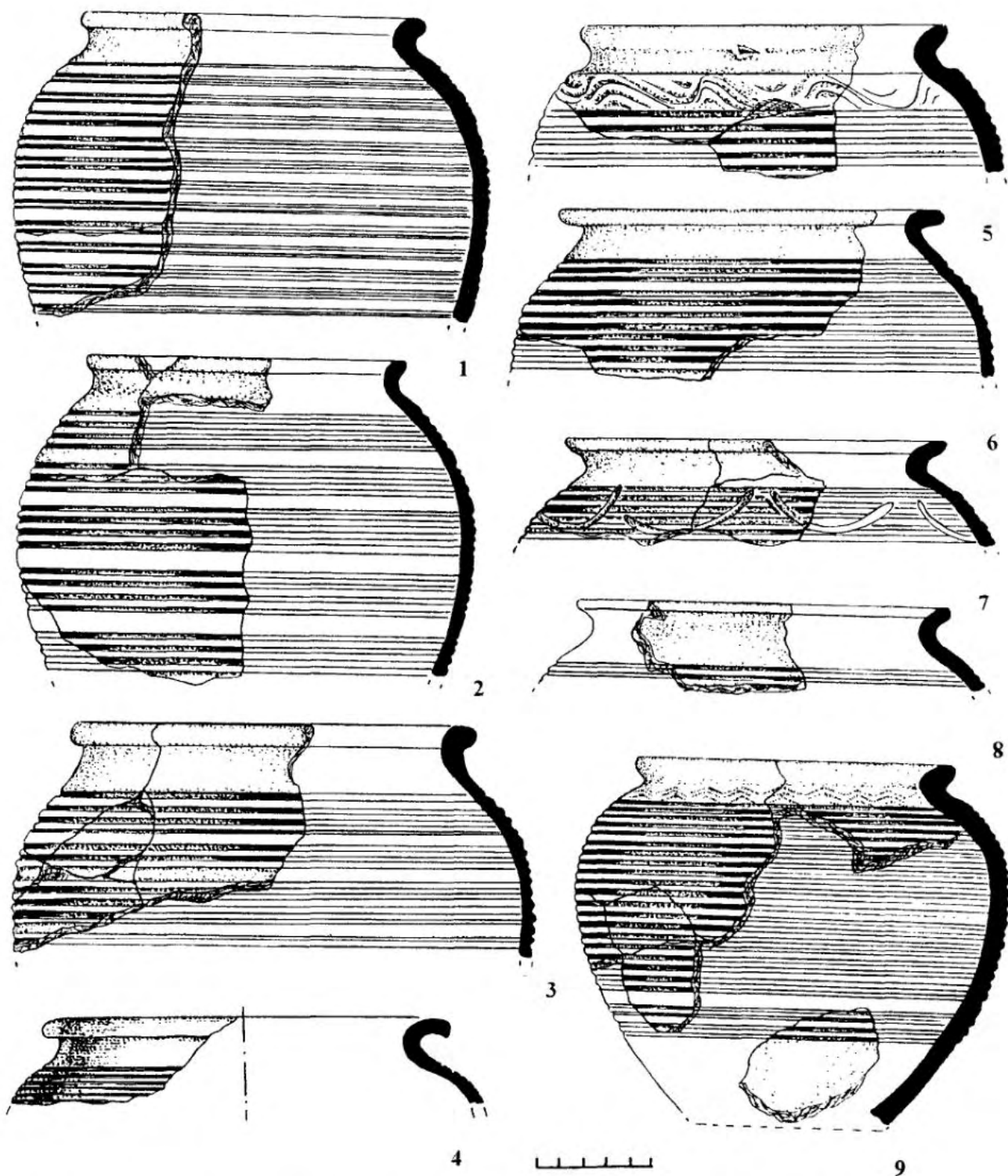

Рис. 33. Сидорово. Кухонная керамика. 1, 3, 5, 7 – пом.3; 2, 8 – хоз. яма 12; 4 – хоз. яма 3 (1998 г.); 6 – хоз. яма 9; 9 – раскоп 2, хоз. яма 4.

Fig. 33. Sidorovo. Kitchen ceramics. 1, 3, 5, 7 – premises 3; 2, 8 – household pit 12; 4 – household pit 3 (1998); 6 – household pit 9; 9 – excavation site 2, household pit 4.

Abb. 33. Sidorovo. Küchenkeramik. 1, 3, 5, 7 – Raum 3; 2, 8 – Haushaltsgrube 12; 4 – Haushaltsgrube 3 (1998); 6 – Haushaltsgrube 9; 9 – die ausgegrabene Stelle 2, Haushaltsgrube 4.

Dess. 33. Sidorovo. Céramiques de table. 1, 3, 5, 7 – logis 3; 2, 8 – fosse ménag. 12; 4 – fosse ménag. 3 (1998); 6 – fosse ménag. 9; 9 – fouille 2, fosse ménag. 4.

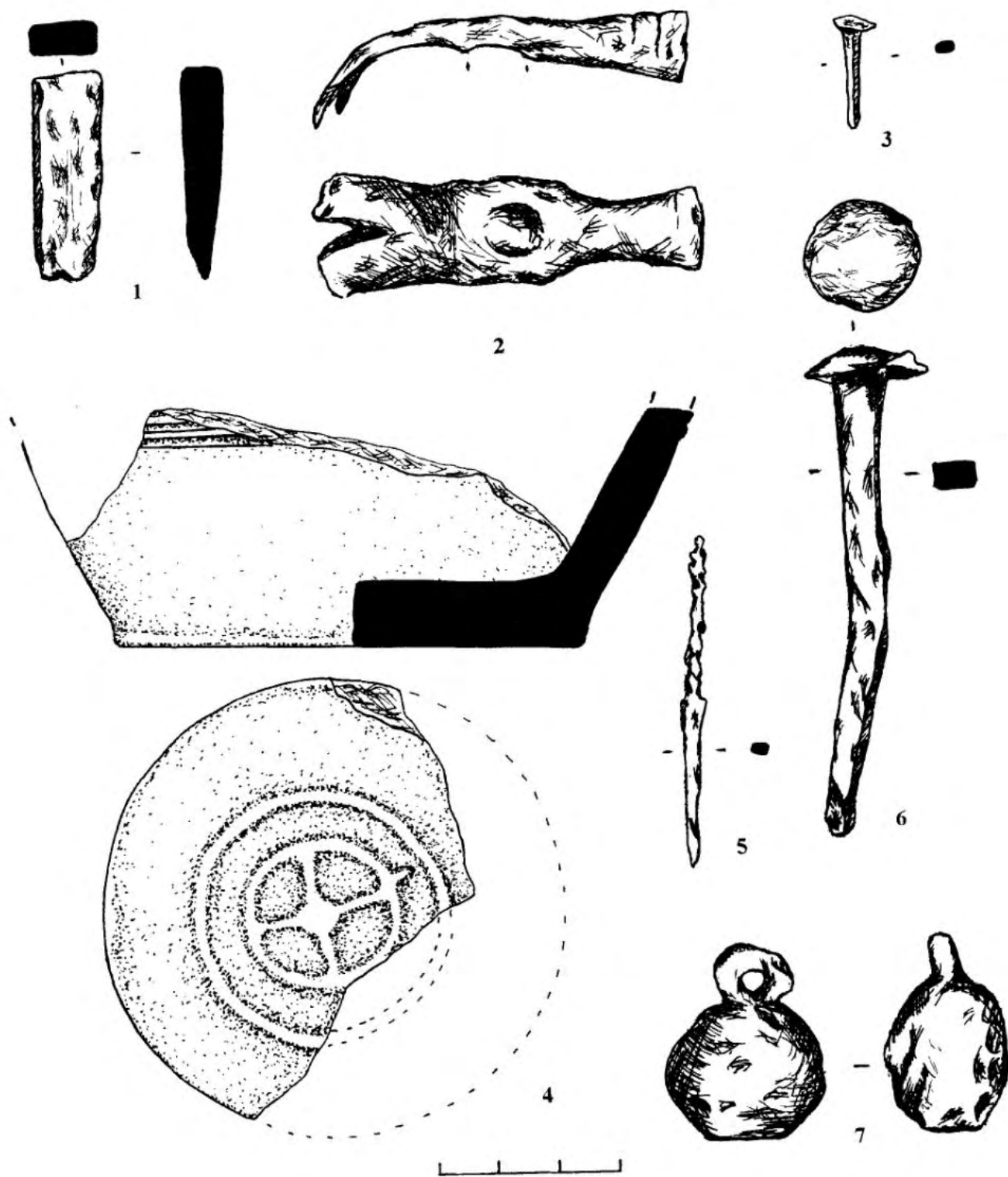

Рис. 34. Сидорово. Предметы с памятника: 1-3, 5-7 – железо, подъемный материал; 4 – пом.3.

Fig. 34. Sidorovo. Artifacts from the archaeol. site: 1-3, 5-7 – iron, lifting material; 4 – premises 3.

Abb. 34. Sidorovo. Gegenstände vom Denkmal: 1-3, 5-7 – Eisen, Fundsachen; 4 – Raum 3.

Dess. 34. Sidorovo. Objets issus du monument: 1-3, 5-7 – objets en fer, objets trouvés par hasard; 4 – logis 3

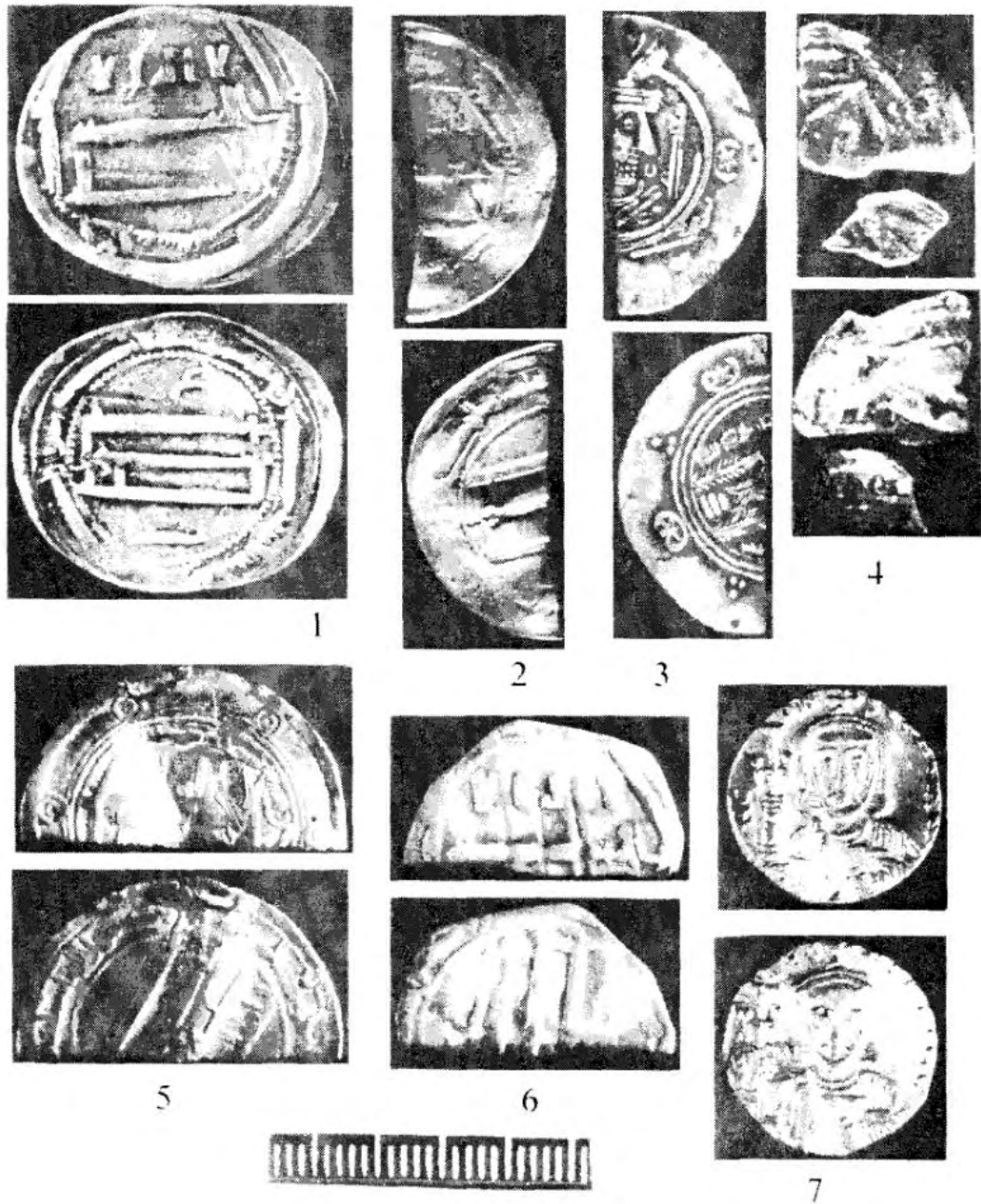

Рис. 35. Сидорово. Монеты, найденные на городище. Подъемный материал.
 Fig. 35. Sidorovo. Coins found on the territory of the hillfort. Lifting material.
 Abb. 35. Sidorovo. Die in der prähistorischen Siedlung Fundmünzen. Fundsachen.
 Dess. 35. Sidorovo. Objets issus du monument: Pièces de monnaie trouvés sur le site. Objets trouvés par hasard

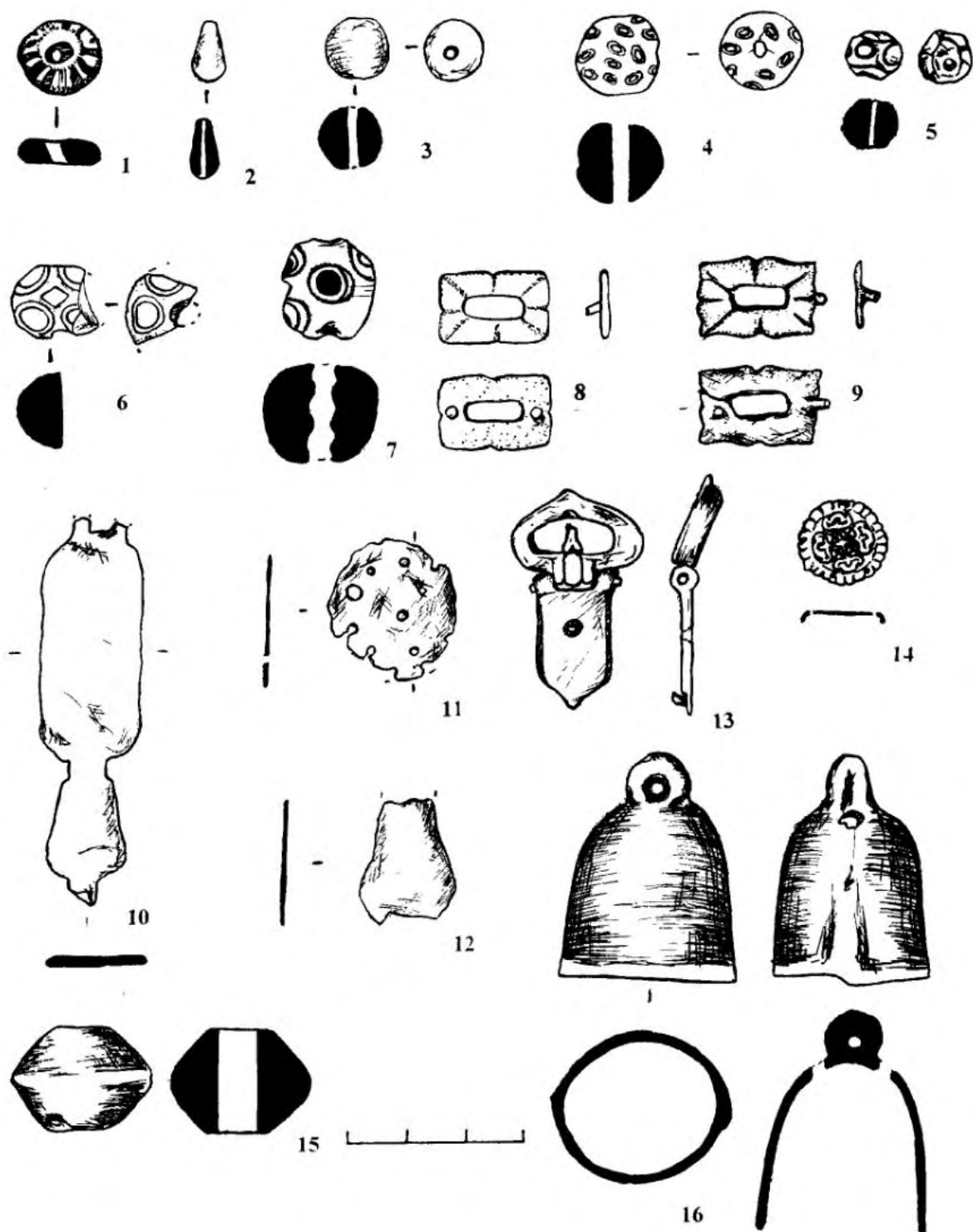

Рис. 36. Сидорово. Предметы из стекла (1-5, 7), халцедона (6) и цветных металлов (8-16). 1 – хоз. яма 2 (1998 г.); 4 – раскоп 1, хоз. яма 3; 8 – раскоп 2, верхний слой; 2, 3, 5-7, 9-16 – подъемный материал.

Fig. 36. Sidorovo. Artifacts of glass (1-5, 7), chalcedony (6) and non-ferrous metals (8-16). 1 – household pit 2 (1998); 4 – excavation site 1, household pit 3; 8 – excavation site 2, upper layer; 2, 3, 5, 7, 9-16 – lifting material.

Abb. 36. Sidorovo. Gegenstände aus Glas (1-5, 7), Chalzedon (6) und Buntmetallen (8-16). 1 – Haushaltsgrube 2 (1998); 4 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 3; 8 – die ausgegrabene Stelle 2, obere Schicht; 2, 3, 5-7, 9-16 – Fundsachen.

Dess. 36. Sidorovo. Verroteries (1-5, 7), calcédoine (6) et non-ferreux (8-16). 1 – fosse ménag. 2 (1998); 4 – fouille 2, fosse ménag. 3; 8 – fouille 2, couche supérieure; 2, 3, 5-7, 9-16 – objets trouvés par hasard

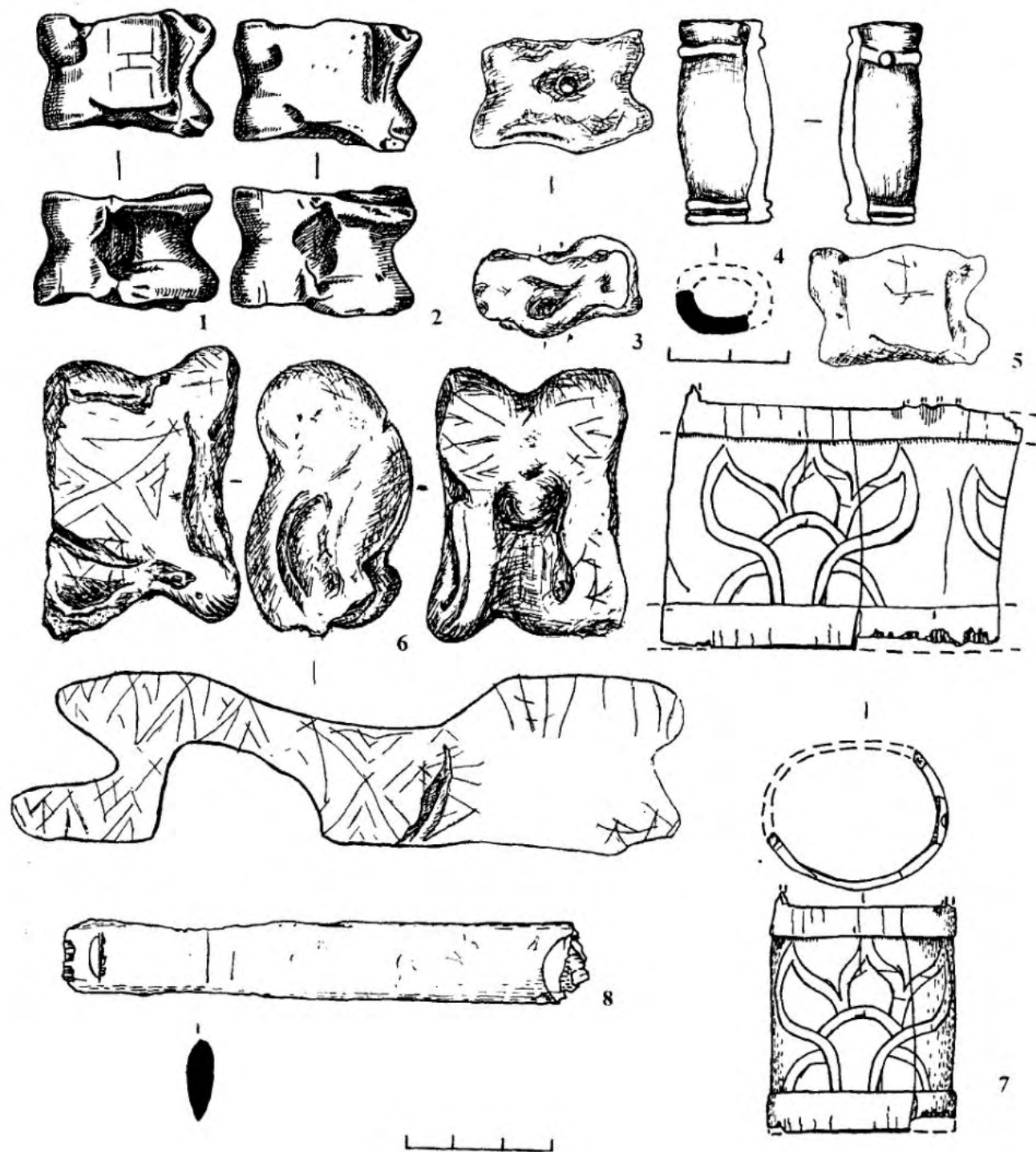

Рис. 37. Сидорово. Предметы из кости. 1, 2, 7, 8 – хоз. яма 2 (1998 г.); 3 – подъемный материал; 4 – верхний слой раскопа 3; 5 – пом. 3; 6 – хоз. яма 11.

Fig. 37. Sidorovo. Bone artifacts. 1, 2, 7, 8 – household pit 2 (1998); 3 – lifting material; 4 – upper layer of excavation site 3; 5 – premises 3; 6 – household pit 11.

Abb. 37. Sidorovo. Gegenstände aus Knochen. 1, 2, 7, 8 – Haushaltsgrube 2 (1998); 3 – Fundsachen; 4 – obere Schicht der ausgegrabenen Stelle 3; 5 – Raum 3; 6 – Haushaltsgrube 11.

Dess. 37. Sidorovo. Objets en os. 1, 2, 7, 8 – fosse ménag. 2 (1998); 3 – objets trouvés par hasard; 4 – couche supérieure de la fouille 3; 5 – logis 3; 6 – fosse ménag. 11

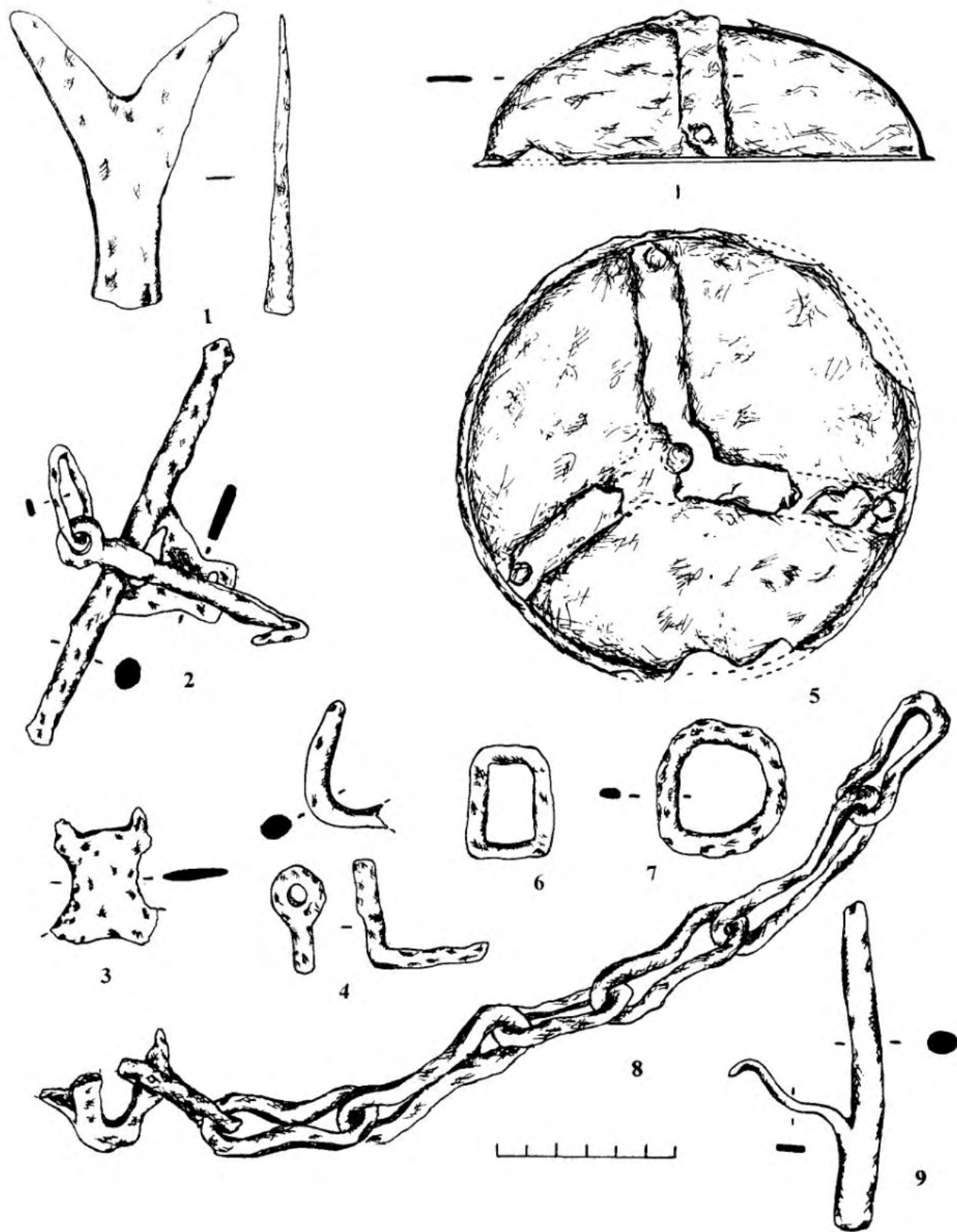

Рис. 38. Сидорово. Железные предметы. 1-4, 6-9 – подъемный материал; 5 – хоз. яма 9.

Fig. 38. Sidorovo. Iron artifacts. 1-4, 6-9 – lifting material; 5 – household pit 9.

Abb. 38. Sidorovo. Gegenstände aus Eisen. 1-4, 6-9 – Fundsachen; 5 – Haushaltsgrube 9.

Dess. 38. Sidorovo. Objets en fer. 1-4, 6-9 – objets trouvés par hasard; 5 – fosse ménag. 9

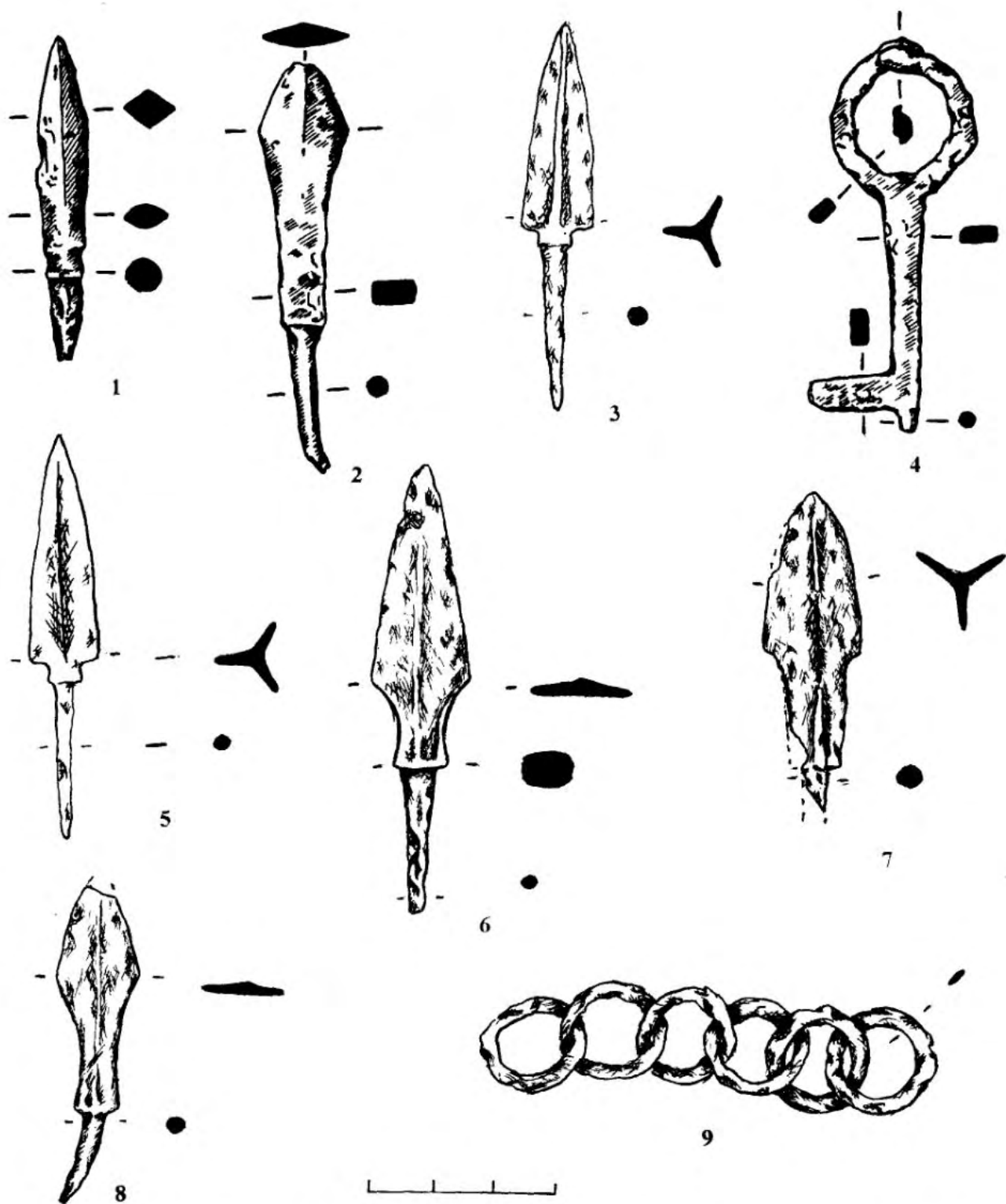

Рис. 39. Сидорово. Железные предметы. 3 – верхний слой раскопа 3; 5 – хоз. яма 7; 4 – хоз. яма 1 (1998 г.); 1, 2, 6-9 – подъемный материал.

Fig. 39. Sidorovo. Iron artifacts. 3 – upper layer of excavation site 3; 5 – household pit 7; 4 – household pit 1 (1998); 1, 2, 6-9 – lifting material.

Abb. 39. Sidorovo. Gegenstände aus Eisen. 3 – obere Schicht der ausgegrabenen Stelle 3; 5 – Haushaltsgrube 7; 4 – Haushaltsgrube 1 (1998); 1, 2, 6-9 – Fundsachen.

Dess. 39. Sidorovo. Objets en fer. 3 – couche supérieure de la fouille 3; 5 – fosse ménag. 7; 4 – fosse ménag. 1 (1998); 1, 2, 6-9 objets trouvés par hasard

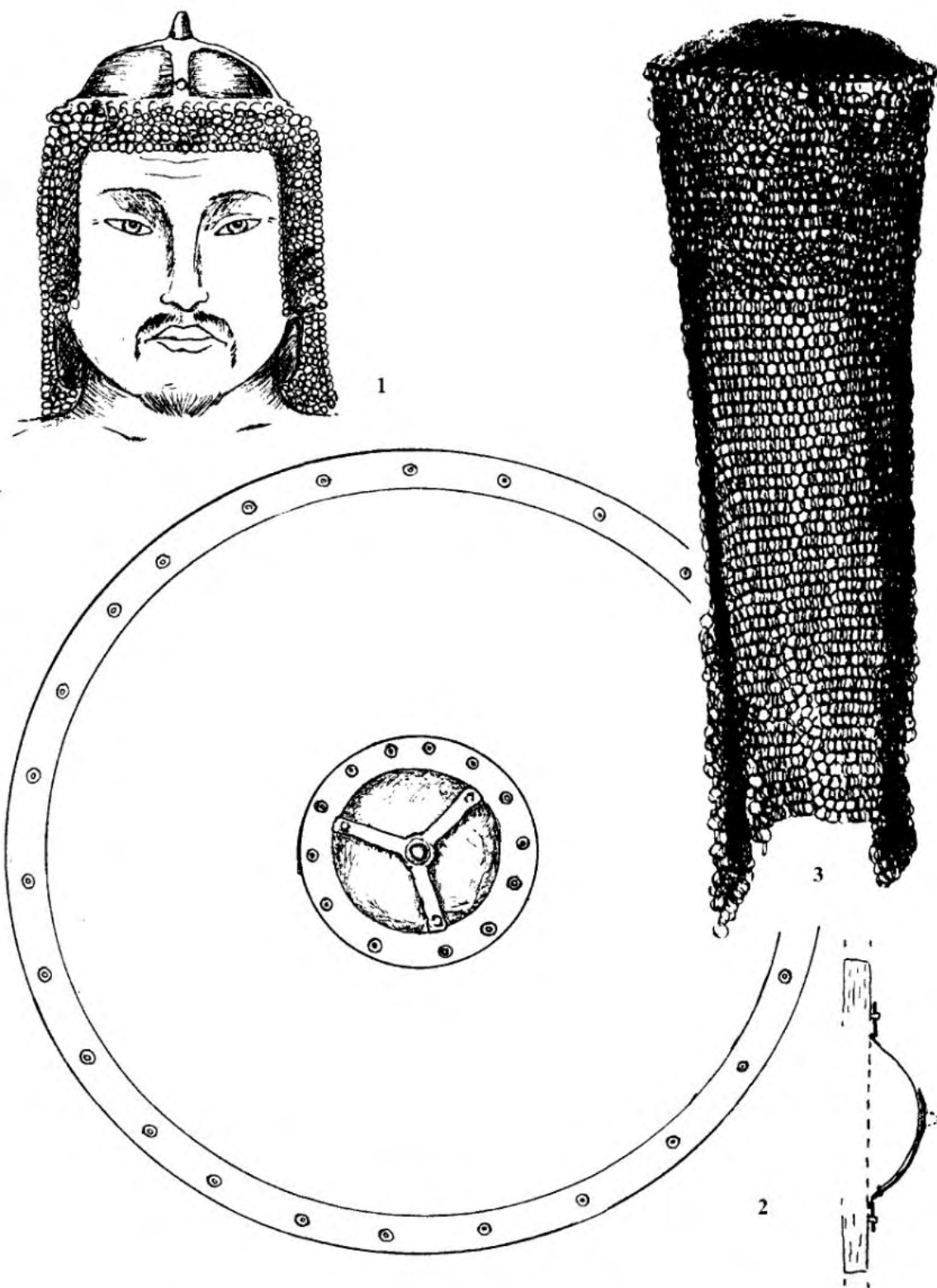

Рис. 40. Сидорово. 1-2 – возможные варианты использования железной бляхи из хоз. ямы 9; 3 – татарский шлем XVII в. (Kovacs S., 1997, p.187, fig.5).

Fig. 40. Sidorovo. 1-2 – possible variants of usage of the iron clasp from household pit 9; 3 – Tatar helmet of the XVII th c. (Kovacs S.,1997, p. 187, fig.5).

Abb. 40. Sidorovo. 1-2 – mögliche Gebrauchsvarianten des Eisenblechschildes aus Haushaltsgrube 9; 3 – tatarischer Schutzhelm des XVII. Jhs. (Kovacs S., 1997, S. 187, Abb.5).

Dess. 40. Sidorovo. 1-2 – variantes éventuelles d'utilisation de fibules comme dans la fosse 9; 3 – casque tataru du XVII s. (Kovacs S., 1997, p. 187, fig.5)

Рис. 41. Сидорово. Ножи. 7 – пом. 3 (дно); 9 – раскоп 2, верхний слой; 1-6, 8 – подъемный материал.

Fig. 41. Sidorovo. Knives. 7 – premises 3, (bottom); 9 – excavation site 2, upper layer; 1-6, 8 – lifting material.

Abb. 41. Sidorovo. Messer. 7 – Raum 3 (Grundboden); 9 – die ausgegrabene Stelle 2, obere Schicht; 1-6, 8 – Fundsachen.

Dess. 41. Sidorovo. Couteaux. 7 – logis 3 (fond); 9 – fouille 2, couche supérieure; 1-6, 8 – objets trouvés par hasard

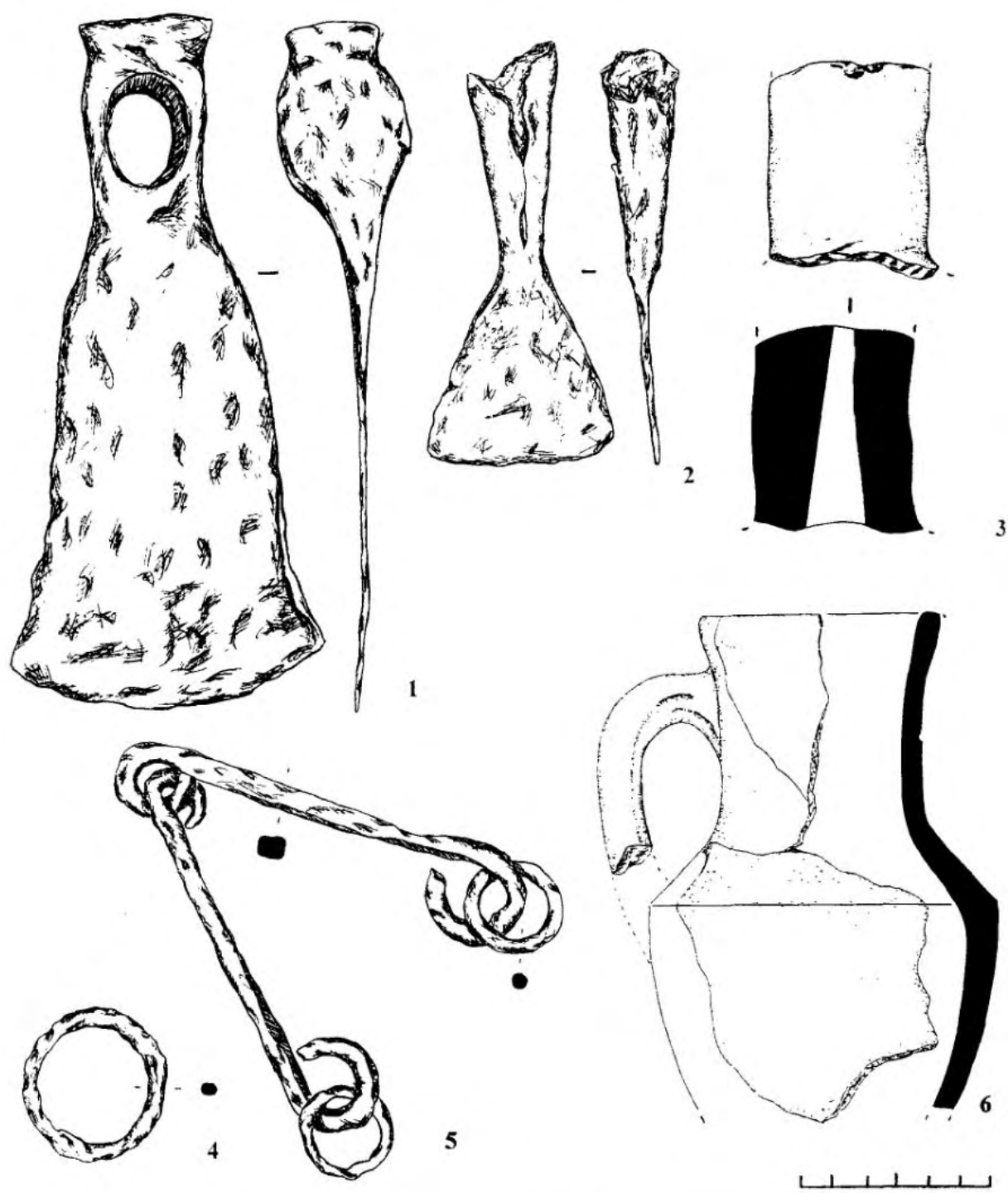

Рис. 42. Сидорово. Керамические (3, 6) и железные (1, 2, 4, 5) предметы с городища: 1, 2, 4, 5 – подъемный материал; 3 – раскоп 3, верхний слой; 6 – раскоп 1, хоз. яма 6.

Fig. 42. Sidorovo. Ceramic (3, 6) and iron (1, 2, 4, 5) artifacts from the hillfort: 1, 2, 4, 5 – lifting material; 3 – excavation site 3, upper layer; 6 – excavation site 1, household pit 6.

Abb. 42. Sidorovo. Keramische (3, 6) und Eisengegenstände (1, 2, 4, 5) aus der prähistorischen Siedlung: 1, 2, 4, 5 – Fundsachen; 3 – die ausgegrabene Stelle 3, obere Schicht; 6 – die ausgegrabene Stelle 1, Haushaltsgrube 6.

Dess. 42. Sidorovo. Objets en céramique (3, 6) et en fer (1, 2, 4, 5) issus du site: 1, 2, 4, 5 – objets trouvés par hasard; 3 – fouille 3, couche supérieure; 6 – fouille 1, fosse ménag. 6

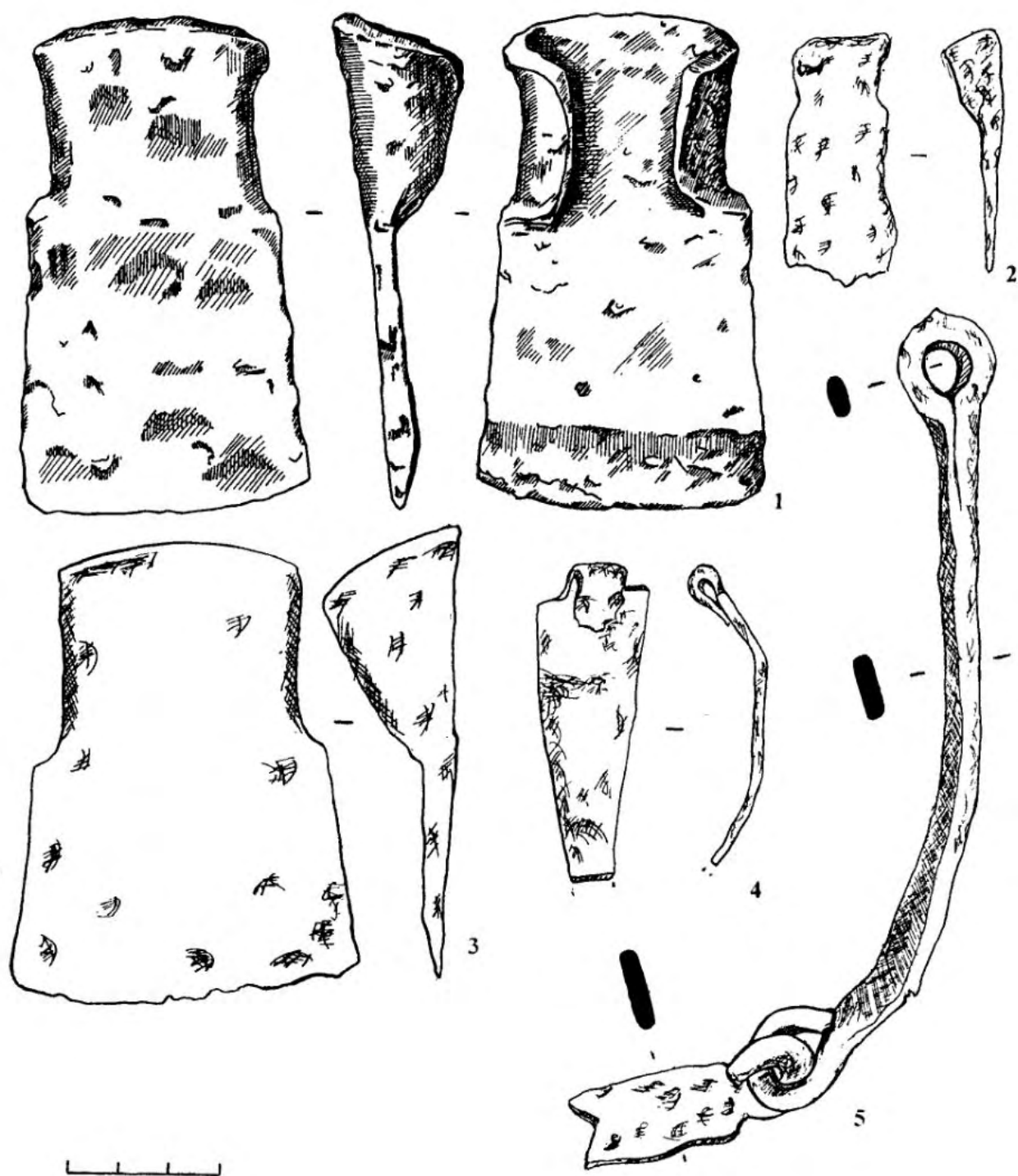

Рис. 43. Сидорово. Железные предметы. Подъемный материал.

Fig. 43. Sidorovo. Iron artifacts. Lifting material.

Abb. 43. Sidorovo. Gegenstände aus Eisen. Fundsachen.

Dess. 43. Sidorovo. Objets en fer. Objets trouvés par hasard

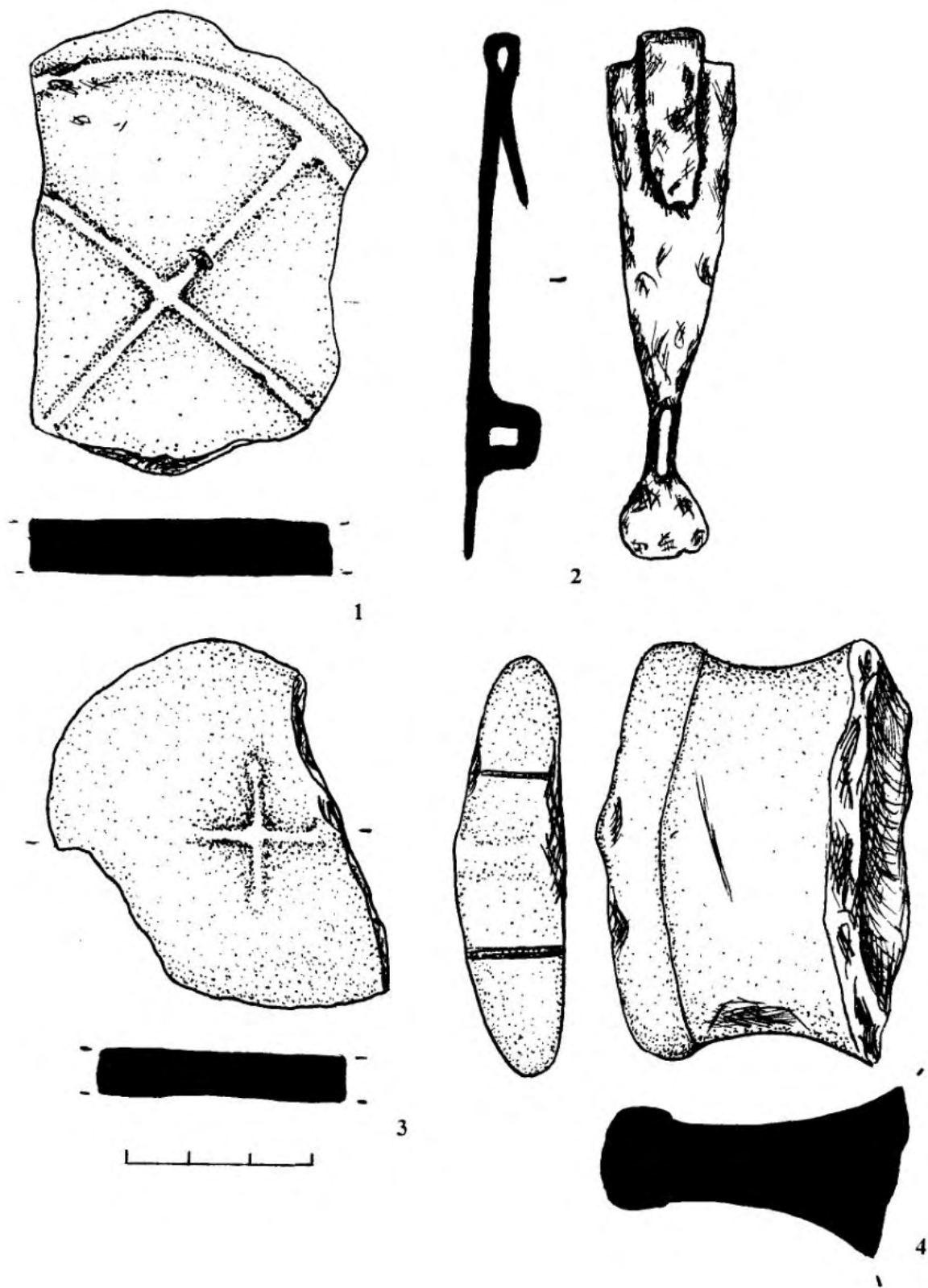

Рис. 44. Сидорово. Керамика (1, 3, 4) и железные предметы (2) из подъемного материала.
 Fig. 44. Sidorovo. Ceramic (1, 3, 4) and iron (2) artifacts from the lifting material.
 Abb. 44. Sidorovo. Keramische (1, 3, 4) und Eisengegenstände (2) aus Fundsachen.
 Dess. 44. Sidorovo. Céramiques (1, 3, 4) et les objets en fer (2) trouvés par hasard

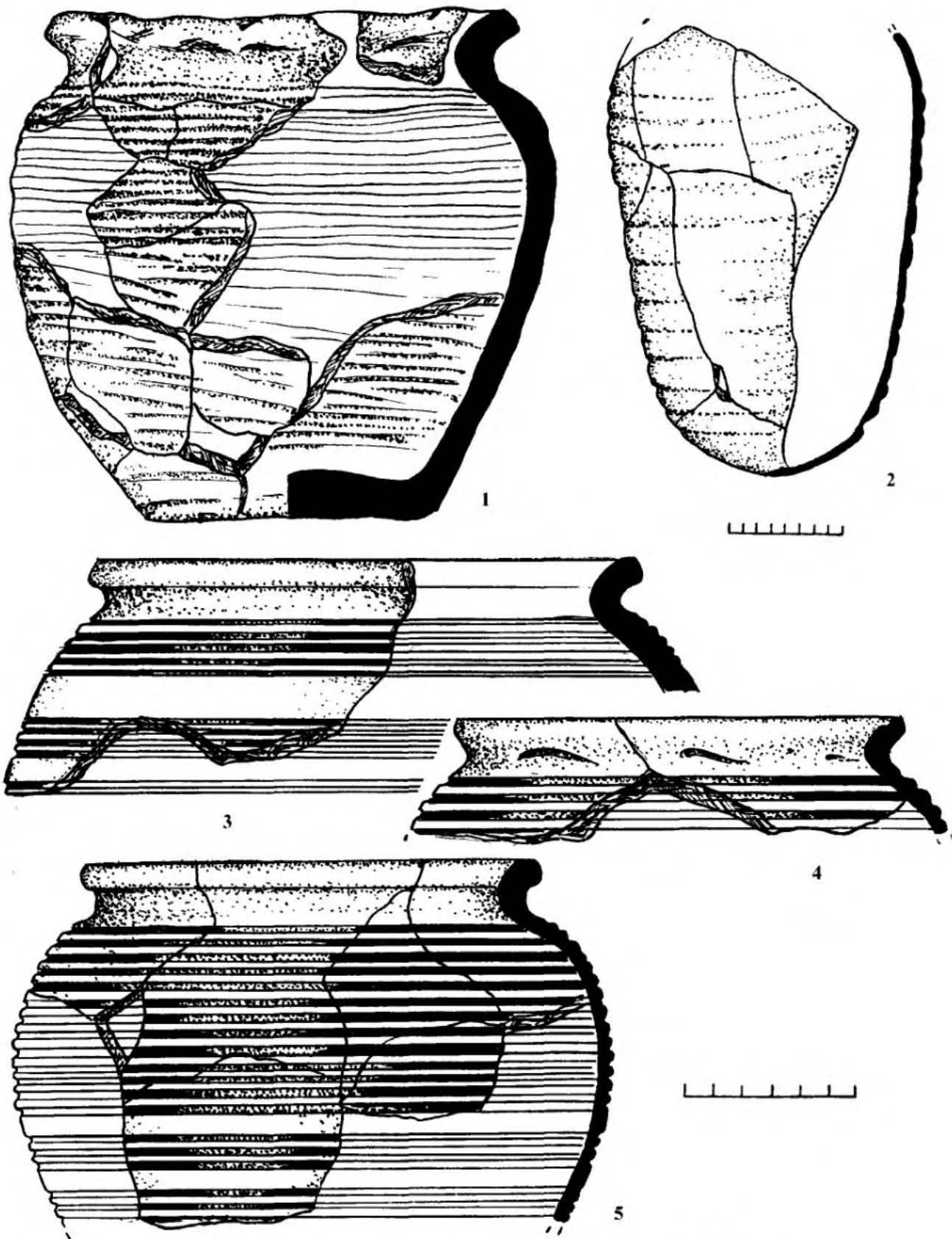
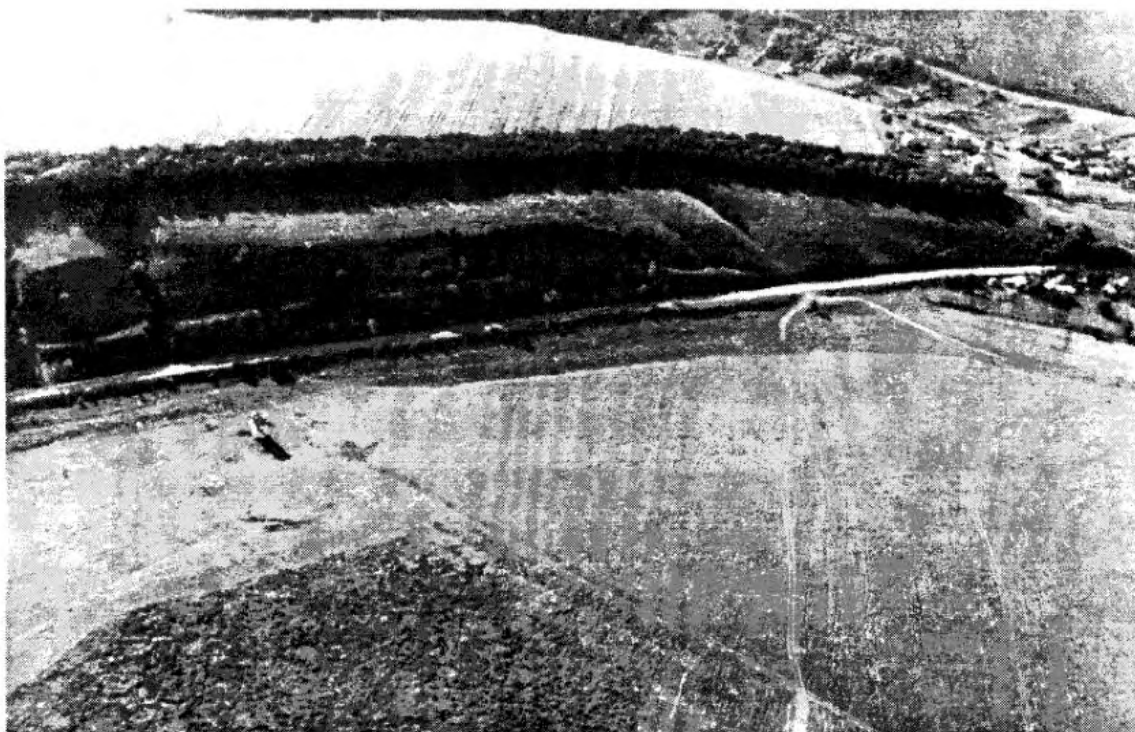

Рис. 45. Сидорово. Керамика. 1, 5 – верхний слой раскопа 3; 2 – хоз. яма 2э; 3, 4 – пом.3.

Fig. 45. Sidorovo. Ceramics. 1, 5 – upper layer of excavation site 3; 2 – household pit 2э; 3, 4 – premises 3.

Abb. 45. Sidorovo. Keramik. 1, 5 – die ausgegrabene Stelle 3, obere Schicht; 2 – Haushaltsgrube 2э; 3, 4 – Raum 3.

Dess. 45. Sidorovo. Céramiques. 1, 5 – couche supérieure de la fouille 3; 2 – fosse ménag. 2э; 3, 4 – logis 3

1

2

Фото. 1, 2 – Сидоровское Малое городище. Вид с востока.

Photo. 1, 2 – The hillfort of Sidorovo. View from the East.

Fotos. 1, 2 – Kleine prähistorische Siedlung Sidorovo. Blick vom Osten.

Photos. 1, 2 – Le petit site de Sidorovo. Pris du côté est

3

4

Фото. Сидорово. 3, 4 – помещение 3; горн 1.

Photo. Sidorovo. 3, 4 – premises 3; potter's furnace 1.

Fotos. Sidorovo. 3, 4 – Raum 3; Töpferherd 1.

Photos. Sidorovo. 3, 4 – logis 3; four à calcination 1

Литература и архивные материалы

- Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н., 1950. Древнейшая русская надпись// ВАН СССР. № 4.
- Андрощук Ф.А., 1999. Нормани і слов'яни у Подесенні. К.
- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
- Апареева Е.К., Красильников К.И., 2001. Славянские признаки у праболгар Среднедонечья// Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. Луганськ.
- Атавин А.Г., 1986. Средневековые погребения из Фанагории// СА. № 1.
- Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв.// Археологические открытия на новостройках. Вып.2. М.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.
- Бліфельд Д.І., 1952. Дослідження у с.Шестовицях// Археологічні пам'ятки УРСР. Т.3. К.
- Блифельд Д.И., 1954. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX-X вв.// СА. Т.XX.
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л.
- Быков А.А., 1974. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.// Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М.
- Винников А.З., 1984. Жилища и хозяйственные постройки Маяцкого селища// Маяцкое городище. М.
- Виноградов В.Б., Маммаев Х.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1991. Клад куфических монет из Ножаи Юрта (Чечено-Ингушетия)// РА. № 2.
- Виноградов В.Б., Мамаев Л.М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии// Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Волков И.В., 1989. Охранные раскопки мусульманского могильника в г.Азове// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов.
- Галкин Л.Л., 1975. Керамические горны золотоордынского Азака// СА. № 1.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989. Курганные могильники ранних мусульман Южного Приуралья и Западного Казахстана// Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. К.
- Горбов В.Н., Мимоход Р.А., 1999. Культурные комплексы на поселениях Северо-Восточного Приазовья// Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.
- Гудиненко И.В., Перевозчиков В.И., 1989. Работы I Азовского отряда в 1988 г.// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов.
- Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воїнь. К.
- Екимова В.В., 1959. Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.)// Керамика Хорезма. М.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону// МИА. № 8.
- Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.
- Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие// САИ. Е 1-36. Вып.3.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси XI-XIII вв.// САИ. Вып. Е 1-36.
- Колода В.В., Колода Т.А., 2000. Гончарное производство салтовского ремесленного центра в урочище Роганина // Археология и древняя архитектура Украины и смежных территорий. Донецк.
- Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси// МИА. № 32.
- Колчин Б.А., 1985. Ремесло// Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Комар А.В., 1999. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы// Vita antiqua. № 2. К.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1979. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце// СА. № 1.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И., 1990. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Копыл А.Г., Шамрай А.В., Татаринов С.И., 1979. Раскопки раннесредневекового могильника у с.Маяки// АО 1978. М.
- Кравченко Э.Е., 1989. Памятники золотоордынского времени в Донецкой области// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. Донецк.
- Кравченко Э.Е., 1998. Отчет об археологических исследованиях в Славянском районе в 1998 г.
- Кравченко Э.Е., 1998а. Ранние мусульмане Среднего Подонцовья// Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Дон-

- ца// Археологический альманах. № 7. Донецк.
- Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., 1998.** Сидоровское городище (к вопросу о датировке памятника)// Музей в XXI столетии. Донецк.
- Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., 2000.** Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами на территории Донецкой области// Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1990.** О могильниках золотоордынской эпохи Подонцовья// Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Ч.3. Херсон.
- Красильников К.И., 1976.** Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры// СА. № 3.
- Красильников К.И., 1980.** Новые данные о гончарном производстве на Северском Донце// КСИА. Вып.160.
- Красильников К.И., 1999.** Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя// Vita antiqua. № 2. К.
- Кропоткин В.В., 1962.** Клады византийских монет на территории СССР// САИ. Вып.Е 4-4.
- Круглов Е.В., 1992.** Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// РА. № 4.
- Крыганов А.В., 1993.** Нетайловский могильник// Археологічні дослідження на Україні 1992 року. К.
- Кузнецов В.А., 1964.** Глиняные котлы Северного Кавказа// КСИА. № 99.
- Лавриненко И.В., 1990.** О крымском керамическом импорте на Средней Кубани в эпоху раннего средневековья// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М.
- Ложкин М.Н., Малахов С.Н., 1996.** Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея// Историко-археологический альманах. Вып.2. Армавир; Москва.
- Ляпушкин И.И., 1958.** Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Дона// МИА. № 62. Т.1.
- Магомедов М.Г., 1983.** Образование Хазарского каганата. М.
- Мамонтов В.И., 1992.** Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
- Медведев А.Ф., 1966.** Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. XIII-XIV вв.//САИ.
- Мерперт Н.Я., 1955.** Из истории оружия племен Восточной Европы// СА. XXIII.
- Михеев В.К., 1971.** Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ХГУ в 1971 г.// НА ИА НАНУ. ф.э. №№ 6086-6087.
- Михеев В.К., 1985.** Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Михеев В.К., Копыл А.Г., 1989.** Средневековые поселения и могильники Подонцовья// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. Донецк.
- Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д., 1973.** Ножі салтівської культури та їх виробництво// Археологія. Вип.9. К.
- Молодин В.И., Мороз М.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., 2000.** Средневековый памятник Камыши I в Центральной Барабе// Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып.ХI. Барнаул.
- Нагоев А.Х., 1987.** Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии// Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3. Нальчик.
- Новосельцев А.П., 1990.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985.** Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей// Земли Южной Руси в IX-XIV вв. К.
- Паршина Е.А., 1991.** Торжище в Партенитах// Византийская Таврика. К.
- Перевозчиков В.И., 1990.** Гончарный комплекс в раскопе по ул.Комсомольской// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып.9. Азов.
- Перевозчиков В.И., 1993.** Гончарный комплекс XIV в. в котловане под дом быта "Юбилейный"// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Вып.11. Азов.
- Плетнева С.А., 1959.** Керамика Саркела-Белой Вежи// МИА. № 79.
- Плетнева С.А., 1963.** Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М.
- Плетнева С.А., 1967.** От кочевий к городам. М.
- Плетнева С.А., 1981.** Салтово-маяцкая культура// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А., 1989.** На славяно-хазарском пограничье. М.
- Плетнева С.А., 1996.** Саркел и "Шелковый путь". Воронеж.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976.** Волоконовский древнеболгарский могильник// СА. № 3.
- Постикэ Г.И., 1985.** Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период// СА. № 3.
- Пошивайло О., 1993.** Етнографія українського гончарства. К.
- Пьянков А.В., 1990.** Новый средневековый могильник у аула Казазово// Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Романчук А.Н., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995.** Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В., 1999.** Комплексы X в. из раскопок квартала "Б" Северного района Херсонеса//

- Херсонесский сборник. Вып.Х. Севастополь.
- Савченко Е.И.**, 1986. Крымский могильник// Археологические открытия на новостройках. Вып.1. М.
- Седов В.В.**, 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
- Семенов А.И.**, 1978. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону// Проблемы археологии. Вып.2. Л.
- Семенов А.И.**, 1993. О датированных способностях византийских солидов VII-VIII вв.// Вторая кубанская археологическая конференция. Тез.докл. Краснодар.
- Семенов-Зусер С.А.**, 1952. Дослідження Салтівського могильника// Археологічні пам'ятки УРСР. Т.ІІІ. К.
- Семыкин Ю.А.**, 1996. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Сміленко А.Т.**, 1969. Осідле населення Степового Подніпров'я в ранні середньовіччя// Археологія. Вип.ХХІІ. К.
- Смиленко А.Т.**, 1988. Керамическая мастерская IX в. на левобережье дельты Дуная// Древности славян и Руси. М.
- Сорокин С.С.**, 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи// МИА. № 79.
- Сорокина Н.П.**, 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища// Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988/** Сост. Привалова О.Я., Привалов А.И. К.
- Тарабанов В.А.**, 1997. Поселение салтово-маяцкой культуры на правобережье Кубани близ ст.Васюринской// Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир – Москва.
- Флёров В.С.**, 1979. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики// Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Флёров В.С.**, 2000. Коллоквиум “Хазары” (Иерусалим, 1999) и “Краткая еврейская энциклопедия” о хазарах// СА. № 3.
- Фонякова Н.А.**, 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-X вв.// СА. № 3.
- Фронджуло М.А.**, 1968. Раскопки средневекового поселения на окраине с.Планерское 1957-1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. К.
- Халикова Е.А.**, 1976. Билярские некрополи// Исследования Великого города. М.
- Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю.**, 1997. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.
- Хлебникова Т.А.**, 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
- Хлебникова Т.А.**, 1988. Неполиваная керамика Болгара// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Ходжайов Т.К., Швецов М.Л.**, 1992. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII – XIV вв.// Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Донецк.
- Чернигова Н.В.**, 1998. Материали к характеристике Верхнесалтовського археологічного комплексу// Вісник Харківського державного університету. Історія. Вип.30. Харків.
- Чеченов И.М.**, 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа// Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3. Нальчик.
- Швецов М.Л., Кравченко Е.С.**, 1995. Нові матеріали до історії ісламу в Україні// Історія релігії в Україні. Тези повідомлень. Ч.5. Київ; Львів.
- Шепко Л.Г.**, 1987. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье// СА. № 4.
- Шрамко Б.А.**, 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Яблонский Л.Т.**, 1975. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды// Вестник МГУ. Серия IX, историческая. № 2. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1987. Некрополи Болгара// Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.
- Якобсон А.Л.**, 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья// СА. Т.XV.
- Якобсон А.Л.**, 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л.
- Якобсон А.Л.**, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Якубовский А.Ю.**, 1948. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках// СА. Т.X.
- Яшаева Т.Ю.**, 1999. Раннесредневековые поселения в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове// Херсонесский сборник. Вып.Х. Севастополь.
- Florov V.S.**, 1990. Einige arten der polierten keramik der saltovo-majaki kultur// Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Hg. Cs. Balint). Varia Arhaeologica. III.
- Kovacs S.**, 1997. Tibor. Kemeni Janos Erdelyi fejedelem tatar buzoganyana (17. Szazadi tatar fegyverek a magyar nemzeti muzeumban)// Folia archaeologica. XLVI. Budapest.
- Семенов А.И.**, 1994. New evidence on the Slaviansk (Anastasiyevka) hoard of the 8th century ad byzantina and arab hold coins// New archeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg.

Summary

E.Ye.Kravchenko, V.V.Davydenko (Donetsk, Slavyansk, Ukraine)

The Hillfort of Sidorovo

The investigation of a big archaeological complex consisting of a hillfort, a big settlement (the total area of 100 hectare) and burials, situated not far from the village of Sidorovo (Slavyansk district of Donetsk region) were resumed in 2000. Before this only occasional excavations were carried out by the Kharkov State University expedition in 1972.

In 1994, 1996-1997 the Donetsk Museum of local lore expedition investigated a Moslem semetry (No 1) not far from the settlement. The cemetery was believed to date back to the second half of the IXth – the Xth c.c.

Such early dating of the Moslem burial caused strong objections and a research of the settlement has been resumed.

In 2000 the excavations were carried out at a greater territory (more than 1000 sq. m). 4 dwellings, 2 pottery furnaces, 27 household pits and 12 burials were cleared out. The burials belonged to a Moslem cemetery (No 2) adjacent to the dwellings. Stratigraphy of the cemetery suggests simultaneous existence of the complex constituents: the dwellings, household pits and burials. The stock material gives evidence that the cleared out objects date back to the second half of the IXth-the Xth cc.

In general, the materials obtained and the data that have been published earlier give evidence that the Sidorovo hillfort emerged in the second half of the VIIIth c. and survived up to the end of the Xth c. The life of the hillfort was closely connected with a busy trade route passing near it. The hillfort prospered in the second half of the IXth - the Xth c.c. At those times a big Moslem community lived there, it is considered to be one of the earliest Moslem communities in Eastern Europe.

E.J.Kravčenko, V.V.Davydenko (Donezk, Slawjansk, Ukraine)

Prähistorische Siedlung Sidorovo

Beim Dorf Sidorovo Kreis Slawjansk Gebiet Donezk wurden die Erforschungen eines großen archäologischen Komplexes, das aus einer prähistorischen Siedlung, einem Marktflecken mit der Gesamtfläche von 100 ha und einem Gräberfeld besteht, 2000 wieder aufgenommen. Bis dahin beschränkte sich die Erforschung des Denkmals auf geringe Grabungen, die 1972 von einer Expedition der Staatlichen Universität Charkow ausgeführt wurden.

1994, 1996, 1997 wurde von der Expedition des Gebietslandeskundemuseums Donezk ein moslemisches Gräberfeld auf dem angrenzenden Raum erforscht (Nr. 1). Der Friedhof wurde mit der 2. Hälfte des IX. -X. Jhs. datiert. Gegen die so frühzeitige Datierung des moslemischen Gräberfeldes im Mittellauf des Severskij Donez wurde eingewendet, was die Wiederaufnahme der Erforschung der prähistorischen Siedlung anregte.

2000 wurden die Grundstücke von mehr als 1000 qm erforscht. Darauf wurden 4 Räume, 2 Töpferherde, 27 Haushaltsgruben und 12 Bestattungen ausgegraben. Die Gräber gehörten zu noch einem moslemischen Friedhof (Nr. 2), der am Wohnteil der Siedlung angrenzte.

Stratigraphische Beobachtungen zeugen von der Gleichzeitigkeit der Wohn-, Haushalts- und Bestattungseinrichtungen. Das Fundmaterial ermöglicht, die ausgegrabenen Objekte mit der 2. Hälfte des IX. - X. Jhs. zu datieren.

In ihrer Gesamtheit zeugen die früher veröffentlichten Angaben, die gesammelten Materialien davon, dass die prähistorische Siedlung Sidorovo in der 2. Hälfte des VIII. Jh. entstanden ist und bis Ende des X. Jhs existiert hat. Das Leben der Siedlung war mit dem funktionierten Handelsweg eng verbunden. Ihr Aufschwung fällt demzufolge auf die 2. Hälfte des IX. - X. Jhs. Derzeit wohnte auf dem Territorium eine große moslemische Gemeinde, eine der frühesten in Osteuropa.

E.E.Kravtchenko, V.V.Davidenko (Donetsk, Slavyansk, Ukraine)

Le site de Sidorovo

En l'an 2000 près du village Sidorovo du district Slaviansky de la région de Donetsk des travaux de recherche ont été repris pour étudier un grand complexe archéologique comprenant des vestiges d'une bourgade (surface environ 100

hectares) et des nécropoles. Précédemment ce n'étaient que des petites fouilles exécutées en 1972 par une expédition de l'Université de Kharkov.

Ensuite en 1994, 1996, 1997 un cimetière musulman situé sur le territoire attenant a été examiné par une expédition du musée ethnographique régional de Donetsk (№1). Le cimetière a été daté de la 2-me moitié du IX - X s. La datation de la nécropole musulmane située sur ce territoire par une date si précoce n'avait pas été acceptée ce qui a stimulé la reprise des investigations.

En l'an 2000 une surface de plus de 1000 km carrés a été examinée. On y a découvert 4 habitats, 2 tours de potier, 27 fosses ménagères et 12 inhumations qui se rapportaient à un autre cimetière musulman (№2) attenant directement à la partie habitable du monument.

Des observations stratigraphiques témoignent de l'existence simultanée de l'habitat, des espaces ménagers et des nécropoles. Des objets trouvés permettent de les dater du 2-me moitié du IX - X s.

La totalité des données publiées, des matériaux recueillis témoignent de ce que le site de Sidorovo était né à la 2-me moitié du VIII s. et avait existé jusqu'à la fin du X s. Son existence avait été intimement liée au fonctionnement intense d'une voie commerciale. Son épanouissement tomberait sur la 2-me moitié du IX - X s. Pendant ce temps une communauté musulmane importante, l'une des plus précoces en Europe de l'Est, peuplait ce territoire.